

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY

Полное собраніе сочиненій

Льва Александровича Мел.

Издание Н. Т. Мартынова.

L'ev Aleksandrovich Meï

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

Polnoe sobranie sochinenii

СОЧИНЕНІЙ

Льва Александровича

МЕЯ.

---

v. 2

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1887.

Л. А. МЕЙ.

ЛИРИЧЕСКІЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

СЪ ПРИМЪЧАНІЯМИ.

Переводы съ греческаго, англійскаго, нѣмецкаго и французскаго
языковъ.

У ПЕЧАТНИКА А. А. АЛЕКСАНДРОВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Н. Г. МАРТЫНОВА.

1887.

PG 3337

. M4

1887

v. 2

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

ТИПОГРАФИЯ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

19-1-61

ОГЛАВЛЕНИЕ

Съ греческаго.

АНАКРЕОНЪ.

	СТР.
Всгунленіе	3
Къ лярѣ	9
Женщинамъ	—
Эротъ	10
Самому себѣ	11
Розѣ	12
Царь	—
Къ Эроту	13
Сонъ	14
Къ голубкѣ	—
Къ восковому Эроту	15
Самому себѣ	16
Косаткѣ	—
Самому себѣ	17
Къ Эроту	—
Самому себѣ	18
Самому себѣ	19
Къ серебряной чашѣ	—
На тотъ же предметъ	20
Должно пить	21
Дѣвушка	—
Самому себѣ	22
Ваенну	—
Къ золоту	23
Самому себѣ	—
Самому себѣ	24

	СТР.
Самому себѣ	—
Вакху	25
Къ гетэрѣ	—
Ваенлу	27
Эротъ	28
Любвицамъ	29
Косаткѣ	30
Дѣвушкѣ	—
Европа	31
Беззаботность	—
Веснѣ	32
Самому себѣ	33
Самому себѣ	—
Эротъ	34
Пиръ	35
Самому себѣ	36
Кузнечнику	—
Сонъ	37
Стрѣлы Эрота	—
Любовь	38
Старцу	—
Пиръ	39
Къ картинѣ	—
Діонису	—
На дискъ съ изображеніемъ Афродиты	40
Сборъ винограда	41
Розѣ	42
Самому себѣ	44
Влюбленнымъ	—
Старость	45
Умѣренность	—
Эротъ	46
Артемидѣ	—
Фракійской кобылицѣ	—
Надписи, эпитафін, эпитагамы и отрывки	47
Замѣтки объ Анакреонѣ	57

ОБОБРИТЬ.

СТР.

Рыбаки	69
Объѣтъ	72
Амариллина	73
Дѣтство Алкида	76
Алкидъ — побѣдитель льва	78
Волшебница	86
Сиракузянки	92
Похититель меда	104
Къ статуѣ Анакреона	—
Веретено	—
Смерть Адониса	105

Съ англійскаго.

Мильтонъ.

Потерянный рай:

Изъ первой пѣсни	109
Изъ четвертой пѣсни	112

Байронъ.

Изъ «Чайльдъ-Гарольда».	121
Афинской дѣвушкѣ	123

Съ нѣмецкаго.

Шиллеръ.

Прощаніе Гектора	129
Ожиданіе	130
Амалия	132
Альпійскій стрѣлокъ	133
Руссо	134
Вечеръ	135
Графъ Эбергартъ Грейнеръ	136
Пушсовая пѣсня	138
Пушсовая пѣсня — для сѣвера	139
Замѣтки	141

	СТР.
ГѢТЬ.	
Пѣсня Мишьоны	144
<i>Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ.</i>	145

—

ГЕЙНЕ.

Пѣсни	146
Intermezzo	152
Дома	156
Лорелея	158
На море	159
Несовершенство	160
Оглядка	161
Лѣсная тишь	163
Ангеламъ-хранителямъ	168
Морской призракъ	169
Аполлонъ	171
Царь Рамсенить	175
Фирдусъ	178
Фитцлиуцли	184
Мавританскій халифъ	202
Испанскіе Атриды	204
Пфальцграфиня Ютта	214
Два гренадера	—
Доля и недоля	216
Помаре	—
Шельмъ фонъ-Бергенъ	219
Іегуда-бенъ-Халеви	221
Рынокъ фей	244

—

Съ французскаго.

ШЕНЬЕ.

Аммона	253
------------------	-----

БЕРАНЖЕ.

Грушенька	255
Двѣ сестры милосердія	256
Жакъ	258

	СТР.
Имянинъ моего доктора	260
Мой челнокъ	261
Домовые Монлери.	263
Пять этажей	264
Аннеточка-Аннетка.	266
Сглазили.	268
Фортуна	269
Народъ помнить	271
Похвальное слово каплунамъ	273
Мой кафтанъ	276
Маркитантка	277
Старого платья продать	279
Рыжая Жанна.	281
Мой уголокъ	283
Школьный учитель	284
Бошка	285
Свободный	287
Метла	288
Сосѣди	291
Быть посеми	293
Метампсихоза	294
Звонарь	296
Новый Діогенъ.	298
Скоморохъ	300
Родительская суббота.	303
Зима	304
Мимо красавицы, мимо	306
Снова-снова!	307
Простолюдинъ	308
Мое призваніе	309
Духъ-покровитель	311
Комаръ	313
Завоеватель и старецъ	214
Цѣточница и могильщикъ	316
Голубь-вѣстникъ	318
Господамъ ценсорамъ.	319
Посѣщеніе гартара	322
Счастливая чета	325
Трынъ-трава	328

Викторъ Гюго.

Ламка?—попался въ клетку	330
Турниръ короля Іоанна	331
Просили они: какъ въ летучихъ челнахъ	334

Дюпонъ.

Солнечный лучъ	335
--------------------------	-----

Густавъ Надо.

Идеаль	338
Несчастный мужъ	340
Породокъ	342
Свое	344
Признаніе	345
Вотъ—почему я холостой	346
Урсула	348

СЪ ГРЕЧЕСКАТО.

АНАКРЕОНЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Значеніе древней Эллады въ исторіи человѣческаго развитія такъ велико и неоспоримо, что всякое доказательство будетъ только повтореніемъ мыслей, высказанныхъ умственными дѣятелями всѣхъ вѣковъ и народовъ — преемниковъ неувядающей эллинской славы. Чѣмъ была Эллада для римскаго міра — видно изъ словъ Цицерона въ его рѣчи за Л. Флакка: «оттуда», говоритъ онъ, «ведутъ свое начало образованность науки, религія, искусства, законы; отсюда распространились они по лицу всей земли». Преемственникъ Эллады, Римъ, оправдалъ слова Цицерона и, въ свою очередь, завѣщавъ дорогое родовое наслѣдіе грядущему міру. И не раздробилось оно, и осталось завѣтнымъ... Но римскій витія невольно заблуждался. Не могъ онъ провидѣть великихъ судебъ человѣчества; не могъ понять, что созерцаемый имъ образъ истины — туманный призракъ, еще незаренный предвѣчнымъ свѣтомъ. Падая ницъ передъ немолчными звуками эллинской рѣчи, онъ и не подозрѣвалъ, что въ забытомъ уголку всесвѣтной державы, по бѣднымъ городамъ и весямъ Іудей, уже нѣсколько вѣковъ гремятъ другіе боговдохновенные глаголы...

А между тѣмъ струны Псалтири, славившей Единаго, не разъ потрясали Элладу невѣдомой, неисповѣдимой гармоніей, между тѣмъ отзвуки ихъ слышались и въ гимнахъ Орфея, и въ молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ сокровенныхъ языческихъ таинствъ. Передадимъ нѣсколько мыслей французскаго издателя *греческихъ лириковъ* Эрнеста Фальконнэ.

«Представителями древней поэзіи были преимущественно два народа: евреи и греки. Они раздѣлили между собой всѣ основы и начала вдохновенія: одному народу досталась въ удѣлъ внѣшняя природа — съ ея безконечными чарами, съ ея гармоническимъ строемъ, съ ея обольстительными таинствами, природа, восторженно-прочувствованная и творчески олицетворенная; другому народу — символы божества, наслѣдіе первобытныхъ преданій, принятыхъ и хранимыхъ благоговѣнно, разумное толкованіе несовершенствъ и прирожденнаго бесилія человѣческаго духа. Двѣ стороны мысли представляются этими двумя народами и въ

харті ихъ вписана вся древность: вѣковѣчные образцы, они связуютъ неразрывной цѣпью ветхій міръ съ временами текущими, и послѣднее звено этой цѣпи — Римъ. Греческая и еврейская поэзіи образуютъ въ совокупности благолѣпное единство человѣческой мысли и чувства; образуютъ двойную скрѣжалъ, отмѣченную перстомъ Творца и тлѣнными перстами человѣка». Не останавливаясь на оцѣнкѣ раздѣла Фальконеа, повторимъ еще разъ нашу мысль: пророческіе глаголы ветхаго завѣта нерѣдко достигали до языческаго міра и вносили въ него благотворныя, предуготовительныя понятія о вѣчной, единой, всесильной истинѣ. Не будемъ приводить въ примѣръ и въ доказательство новѣйшихъ (сравнительно) проявленій эллинской духовной дѣятельности, не упомянемъ объ ученіи Платона и его послѣдователей, не упомянемъ даже о переводѣ книгъ ветхаго завѣта 70-ю толковниками, обратимся къ прототпу греческихъ пѣвцовъ — къ Орфею. Вотъ отрывокъ одного изъ его гимновъ:

«Онъ (Богъ) явился въ откровеніи единожды — единому потомку халдейскаго племени. Этотъ мужъ зналъ теченіе солнца и круговое вращеніе, свершаемое этимъ свѣтиломъ, неуклонно отъ оси, вокругъ земного шара. Зналъ онъ также пути, по нимъ же свѣтило направляетъ вкругъ волнь бѣгуновъ своихъ, быстрыхъ, какъ вѣтеръ.

«Неколебимый, онъ возсѣдѣтъ въ горнихъ неба, на золотѣ престолѣ, и земля катится подъ ногами его. Десницею касается онъ крайнихъ предѣловъ моря; ярость его сотрясаетъ горы въ основаніяхъ ихъ — и не могутъ снести бремени гнѣва его. Онъ вездѣущъ, хотя и въ небесахъ обитель его, и все совершается имъ на землѣ, ибо онъ — начало, середина и конецъ всѣхъ вещей... Но что изрекъ я? Не подобаетъ произносить имени его. При единой мысли о немъ содрогаюсь всѣмъ тѣломъ: ибо онъ, возсѣдѣвшій горѣ, управляетъ всѣмъ — долу».

Кто не узнаетъ въ халдейскомъ мужѣ Моисея? кто не услышитъ въ послѣдующихъ немногихъ словахъ вещей псалтири царя-пѣснопѣвца?

Однако жъ отдаленное вліяніе еврейскихъ пѣснопѣній, также какъ и мѣны, занесенные изъ глубины Востока, нисколько не исключаютъ самобытности греческой поэзіи, своеобразной, какъ и вся эллинская образованность.

Въ словесности, глубже чѣмъ гдѣ-нибудь, врѣзывается отличительная черта каждаго народа: сгладится эта основная черта — и всякая словесность потеряетъ свою самобытность и выразительность. Поэзія грековъ въ высшей степени народна: какъ ихъ общедоступная философія, основанная на простыхъ нравственныхъ началахъ, какъ ихъ политеизмъ, боготворящій человѣка и человѣческія страсти въ образахъ неподражаемой красоты, какъ ихъ государственная и гражданская община, какъ ихъ мягкое *пльмучее* зодчество, какъ ихъ цѣломудренно-сладогострастное вааніе — греческая поэзія принадлежала однимъ грекамъ. Всмотримся въ выразительныя черты этой богини, несверженной съ подножія самимъ всесокрушающимъ временемъ.

Прежде всего мы увидимъ, что жизнь созерцательная, духовная, рѣзко отдѣляется въ греческой поэзіи отъ жизни дѣятельной. Идея вѣчности, доступная нѣкоторымъ философамъ, связующая, въ разные эпохи, немногіе свѣтлые умы, стояла уединенно отъ всякой другой общественной идеи и была бесплоднымъ предметомъ одинокихъ созерцаній. Олицетвореніе—эта основа греческой поэзіи—исключало всякое стремленіе къ міру духовному, идеальному. Загробная жизнь, хотя и не жизнь духа, отрѣшеннаго отъ плоти, проявляется иногда въ эллинскихъ понятіяхъ, но въ смутныхъ представленіяхъ области тѣней, въ азіатскомъ вѣрованіи о переселеніи душъ: вѣчность и безсмертіе души были для грековъ понятіями ложными, невяжущимися съ ихъ религіозными вѣрованіями, понятіями недопустимыми. Ученіе о безсмертіи души не только было отрицаемо, какъ бредъ, но и преслѣдовалось неумолимо, напримеръ—въ лицѣ Сократа, погибшаго за великую истину.

Отсюда ясно, что греческая поэзія не подчиняется никакой единой и основной мысли, протекаетъ изъ чистыхъ случайностей и вся отдается выраженію и формѣ: она порождена отдѣльными событіями и вдохновеніемъ отдѣльныхъ лицъ. «У грековъ», говоритъ Фальконнэ, «поэма слѣдуетъ за поэмою и между ними нѣтъ никакой связи». Одною изъ причинъ этого своеобразнаго явленія Фальконнэ основательно полагаетъ неопредѣленность и шаткость эллинскихъ вѣрованій. Доводы его слѣдующіе:

«Въ язычествѣ были двѣ религіи: одна—тайная, разоблачавшая мысль, сокрытую въ образѣ, посвящавшая въ свои догматы знаменательными элевзинскими таинствами и прорицаніями дельфійскаго оракула; другая—общественная, народная, боготворившая всѣ человѣческія склонности, добродѣтели и пороки, населявшая Олимпъ божествами страстными, раздражительными, слабыми, влюбленными или спокойными—словомъ, религія, принуждавшая небо отражать въ себѣ вѣрный образъ земли. Эта-то послѣдняя религія, вспомоществуемая климатомъ, врожденною восторженностью грековъ и невѣжествомъ, видѣвшимъ въ каждомъ физическомъ явленіи или проявленіи, или забаву божества,—эта-то религія и отразилась вся въ произведеніяхъ греческихъ поэтовъ. По временамъ слышатся отголоски азіатскаго просвѣщенія, преданія отдаленной древности смутно выказываются въ твореніяхъ первыхъ пѣвцовъ, но вскорѣ и тѣ и другіе сглаживаются и заглушаются роскошною растительностью образовъ, избыткомъ изящныхъ формъ; вскорѣ человѣческій разумъ принимаетъ естественное направленіе—греческая образованность становится самобытною, привлекательною, независимою отъ чужеземнаго вліянія. Правда, вначалѣ греки, по собственному ихъ свидѣтельству, заимствовали у финиціанъ письмо, у египтянъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ—первыя основанія зодчества и математики, заимствовали у нихъ же множество философскихъ идей, а также переняли необходимыя въ жизни искусства и ремесла; правда и то, что у всѣхъ этихъ народовъ есть общіе баснословные герои, есть преданія, едва-ли не тождественныя и доказывающія народную родственность; но все это—

легкіе, разсѣянные слѣды, стертые временемъ, быть можетъ, и народною гордостью грековъ... Притомъ же, если греки учились чему-либо и заимствовали кое-что у чужеземцевъ, всетаки эллинская дѣятельность быстро была примѣнена къ улучшенію и къ усовершенствованію заимствованнаго. Разумные подражатели — греки усвоили себѣ чужеземную блестящую внѣшность, но изъ разнородныхъ, разбросанныхъ частей сплотили стройное цѣлое и положили на него такую печать личности, что, при первомъ взглядѣ, никто не удивится существенности ихъ завоеваній, а напротивъ, всякій увлечется любовью къ ихъ образованности, повидимому, безраздѣльно принадлежащей имъ однимъ.»

Итакъ, коренныя черты греческой поэзіи — независимость отъ одной обязательной идеи и неподчиненность чуждому влиянію, Та же неподчиненность видна и въ отношеніяхъ греческой поэзіи къ началамъ государственнымъ. Самая любовь къ отчизнѣ не составляетъ для нея необходимаго условія, а въ извѣстное время опредѣляется извѣстною мѣстностью и событіями: и въ этомъ видѣнъ произволь недѣлнимаго, произволь художника. Оттого-то въ греческой поэзіи владычествуетъ полная свобода творчества: принимая всевозможныя идеи, оно облачаетъ ихъ во всевозможныя образы и олицетворяетъ внѣшнюю природу — по преимуществу. Въ послѣднемъ отношеніи греческая поэзія подчиняется одному общему и неизмѣнному закону — закону формы, закону пластической красоты. И дѣйствительно, образы греческой поэзіи осязаемы; они какъ-будто отлиты изъ серебряныхъ звуковъ мелодическаго языка, заключеннаго въ изящнѣйшія формы размѣровъ. Этой осязаемою образностью эллинское искусство увѣковѣчило свою славу, и побѣднымъ покореніемъ формы объясняется тайна его совершенства и первенства. Яркими, невянущими красками изобразило оно сильнѣйшія страсти человѣка, создало несокрушимыя типы и завѣщало ихъ вѣкамъ и народамъ. Опредѣляя характеръ греческой словесности, Фальконе заключаетъ такъ:

«Она довольно-краснорѣчива въ устахъ Тиртея и Демосеена, чтобы вооружить народы и создать побѣдителей; довольно-широка, чтобы со струнъ Гомера принять въ себя двѣ лучшія поэмы древности; довольно-граціозна, чтобы имя Анакреона осталось образцовымъ; довольно-смѣла и порывиста, чтобы воспыть съ Пиндаромъ побѣды людей и славу боговъ, наконецъ, если она холодна и строга въ философіи Аристотеля, если она подводитъ подъ мѣру и дробитъ на разряды человѣческую природу, если составляетъ ей какой-то каталогъ, за то съ Платономъ она становится прорипательницей будущаго: вдохновенная пророчица, она возвѣщаетъ солнце истины, грядущее съ востока.»

Указавъ на нѣкоторые отличительныя черты греческой словесности, мы не будемъ объяснять причинъ огромнаго ея вліянія на умственное образованіе и литературы другихъ позднѣйшихъ народовъ, а прослѣдимъ вкратцѣ историческое ея развитіе. Греческая словесность развивалась вмѣстѣ съ государственнымъ и гражданскимъ устройствомъ эллинскихъ общинъ. Поэтому исторія ея, какъ и исторія Эллады, заключаетъ въ себѣ три эпохи, рѣзко отдѣляющіяся одна отъ другой.

Первую эпоху можно назвать *пеласгическою*, по имени первобытных обитателей Эллады. Всѣ древніе мифографы и историки согласно утверждаютъ, что эллинамъ предшествовали *пеласги*, дикій народъ, образовавшій послѣдствіемъ государство благоустроенное и теократическое. Изъ новѣйшихъ изысканій о *пеласгическихъ* постройкахъ (Петри-Раделя), изысканій, пролившихъ болѣе ясный свѣтъ на эту отдаленную эпоху, видно, что первобытное общественное устройство Эллады походило на общественное устройство египтянъ и этрусковъ. Священныя ученія пеласговъ глубоко вкоренились въ эллинскую почву и долго оставались на ней подъ покровомъ таинствъ. Слова этихъ таинствъ и уваженіе къ нимъ, сопряженныя со страхомъ, были такъ велики, что избранные хранители заповѣдной тайны передавали ее не иначе, какъ со всѣми обрядами посвященія. Символическая религія пеласговъ имѣла своихъ пѣвцовъ, отчасти замѣнявшихъ для насъ бытописателей этого омраченнаго вѣками времени. Первымъ пѣвцомъ и представителемъ жреческой эпохи былъ Орфей—и мы уже назвали его праотцомъ эллинской поэзіи. Бэконъ (De augmentis) говоритъ: «Мнѣны—это легкое дыханіе отдаленной древности, залетѣвшее въ свирѣли грековъ». Эпоха жреческая смѣняется эпохою воинственною, *героическою*. Эта вторая эпоха вся пересказана намъ рапсодами, начиная Гомеромъ и кончая Гезіодомъ. «Но», замѣчаетъ постоянный нашъ пособникъ Фальконнэ, «въ твореніяхъ Гезіода находится дидактическая поэма «Труды и Дни», уже предвозвѣщающая переломъ въ этомъ обществѣ: вещественныя потребности, развитыя войною и хищничествомъ, требуютъ удовлетворенія; роскошь становится необходимостью; изысканность въ жизни смѣняетъ прежніе грубые вкусы; великія героическія семьи исчезаютъ, тѣснимыя торговлей: ея успѣхи подводятъ аристократію подъ общій уровень и возрастаютъ вмѣстѣ съ многочисленными городами, вновь отстроеными въ этой существенно-приморской странѣ. Единственнымъ наслѣдіемъ героическихъ временъ остаются преданія поэзіи; политическое первенство героизма исчезаетъ. Тогда-то зарождается умственное развитіе, вполнѣ свободное и независимое: его не тяготитъ никакое вліяніе; оно не стѣснено узкою, но блестящею рамою теократіи Востока; оно уединено отъ всякой политической цѣли; у него нѣтъ другого двигателя, кромѣ естественныхъ побужденій разума. Наука и искусство, философія и поэзія существуютъ только для самихъ себя: онѣ суть, потому что — суть. Независимыя отъ государства и жрецовъ, онѣ образуютъ отдѣльную власть—власть сложную, дѣятельную, могущественную, неповинующуюся никакой идее».

Въ теченіе этой третьей эпохи нѣкоторыя главнѣйшія событія послужатъ намъ для объясненія измѣненій, происшедшихъ въ греческой поэзіи. Эти событія неразрывны съ народною славою и исторіей Греціи; но ихъ надобно понять для того, чтобы вѣрно оцѣнить. Первымъ событіемъ была персидская война, вызвавшая грековъ на борьбу за родные очаги съ державою колоссальною, но нестройною по самому своему составу. Эта война, по вещественнымъ выгодамъ, а еще болѣе по нравственнымъ послѣдствіямъ, была благотворна для грековъ. Между ними, на-время, водворилось единство: опасность собрала ихъ вмѣстѣ и тѣсно

сблизила. Возвышеннымъ порывомъ одушевилась поэзія и воспѣла народное торжество; обаяніе побѣды двинило впередъ науку и искусство. Никогда еще греческая народность не была такъ сильна и жизненна: она покорила себѣ, на пѣкоторое время, творчество и сдѣлалась предметомъ пѣсношній.

Вторымъ событіемъ были завоеванія Александра. Герой влечетъ вслѣдъ за собой, вмѣстѣ съ греческими войсками, греческую образованность... Онъ опрокидываетъ на азіійской почвѣ—понятія, учрежденія и людей; сливаетъ воедино двѣ природы, сближаетъ два міра, соединяетъ Европу съ Азіей. Онъ смѣшиваетъ народы одни съ другими, переставляетъ государственныя грани, обращаетъ царства въ области, разрушаетъ—и образуетъ хаосъ, съ тѣмъ, чтобы бросить въ него плодотворныя сѣмена греческой мысли. Это лучшее время Греціи, время ея первенства, время, когда ея образованность развивалась торговлею, философій, словесностью, бессмертными созданіями человѣческаго ума; это время заключаетъ въ себѣ краткій промежутокъ трехъ вѣковъ, протекшихъ отъ Солона до Александра. Солонъ болѣе всего благоприятствовалъ свободѣ мысли; могущественное его покровительство осуществило эту свободу и вызвало, одно за другимъ, изящныя произведенія. Съ Солона начинается слава Афинъ, сдѣлавшихся средоточіемъ греческой образованности; до него у грековъ были воинственныя и патріотическія пѣсни, были поэмы, воспѣвавшія радость, любовь или гнѣвъ; до него существовали книги Гомера, но не были соединены вмѣстѣ: Солонъ ихъ спасъ отъ забвенія и отъ устныхъ искаженій, и упрочилъ за «Иліадою» бессмертіе, записавъ ея звуки въ письмена. Послѣ Солона лирическая поэзія начинаетъ напѣвать самыя нѣжныя свои пѣсни; поэзія драматическая выходитъ изъ пеленокъ и благороднымъ стилемъ изображаетъ благородныя страсти; поэты дидактическіе и поэты-правоучители проводятъ въ своихъ стихахъ остроумныя и глубокія мысли: поэзія призывается на помощь философіи. Философы іонической школы Фалеса излагаютъ свое ученіе въ изреченіяхъ простыхъ, но обдуманыхъ и часто облеченныхъ въ живописные образы. Это былъ золотой вѣкъ греческой поэзіи, но вѣкъ короткій: онъ кончился съ Александромъ. Демосеенъ былъ послѣднимъ писателемъ, имѣвшимъ вліяніе на своихъ соотечественниковъ: онъ еще могъ пробудить ихъ энергію, заставилъ ихъ взяться за оружіе, началъ борьбу за независимость и—поплатился жизнью. Съ этихъ поръ греки остались народомъ остроумнымъ и образованнымъ; неуловимая гармонія языка и изящество приемовъ, обратившееся въ пословицу, пребыли исключительнымъ ихъ достояніемъ; въ Египтѣ, при Птолемеяхъ, греки сдѣлались даже ученѣе, чѣмъ были подъ прекраснымъ небомъ Эллады; но идея-вдохновительница, придавшая силу и восторгъ ихъ пѣснямъ—уже исчезла: греки перестали быть націей.

ПѢСНИ АНАКРЕОНА ТЭОССКАГО.

ПѢСНЯ I.

КЪ Л П Р Ъ.

Хочу я пѣть Атридовъ,
И Кадма пѣть охота,
А барбитонъ струнами
Звучить мнѣ про Эрота.
Недавно перестроилъ
И струны я, и лиру,
И подвиги Алкида
Хотѣлъ повѣдать міру;
А лира въ новомъ строѣ
Эрота славить вновь.
Простите же, герои!
Отнынѣ струны лиры
Поютъ одну любовь.

ПѢСНЯ II.

ЖЕНЩИНАМЪ.

Одарила природа
Твердымъ рогомъ — быковъ,
Кѣней — звонкимъ копытомъ,
Зайцевъ — ногъ быстротою,
Страшной пастію — львовъ,

Рыбѣ — способностью плавать,
 Птицѣ — полѣтомъ воздушнымъ,
 Силою духа — мужинь,
 А для жёнъ не остался
 Изъ даровъ ни одинъ.
 Чтò жь дала имъ природа?
 Вмѣсто брѣней и копій —
 Красоту даровала,
 Чтобы женщина ею
 И огонь, и желѣзо
 Всепобѣдно сражала.

пѣсня III.

ЭРОТЬ.

Средь полуночнаго часа,
 Какъ Медвѣдица вращалась
 Подъ рукою Волопаса
 И людскія поколѣнья
 Въ снѣ спокойномъ отдыхали
 Отъ трудовъ и утомленья,
 Подошель Эротъ украдкой
 И внезапно въ дверь мнѣ стукнулъ.
 — Кто, спросилъ я, такъ стучится
 И тревожить сонъ мой сладкой? —
 А Эротъ: «Открой мнѣ двери
 «И не бойся: я ребенокъ —
 «Весь промокъ и заблудился...
 «Ночь безмѣсячна: въ потемкахъ
 «Я съ пути, съ дороги сбился».
 При такихъ словахъ, пришельца
 Жаль мнѣ стало не на шутку.
 Зажигаю я лампаду,
 Отворяю дверь — и вижу
 Окрыленного малютку,
 Съ легкимъ лукомъ и колчаномъ.
 Къ очагу его подвелъ я

И въ рукахъ своихъ ручонки
 У дитяти согрѣваю,
 И изъ мокрыхъ кудрей влагу
 Дождевую выжимаю.
 Но едва онъ обогрѣлся:
 «Поглядимъ теперь, промолвилъ,
 «Цѣлы ль лукъ мой съ тетивою,
 «Не испорчены ль ненастьемъ
 «И водою дождевою?»
 Натянувши лукъ свой, въ печень
 Онъ пронзилъ меня стрѣлою,
 Словно оводъ острымъ жаломъ.
 Тутъ онъ вспрыгнулъ съ громкимъ смѣхомъ,
 Тутъ онъ крикнулъ мнѣ: «Хозяинъ,
 «Веселися! я доволенъ:
 «Лукъ мой мѣтокъ и исправенъ;
 «Ты же сердцемъ крѣпко боленъ».

ПѢСНЯ IV.

САМОМУ СЕБѢ.

Возлежа на листьѣ нѣжной
 Миртъ и лотосовъ зеленыхъ,
 Я желаю пить прилежно,
 Пить подольше, но съ опаской.
 Самъ Эроть мнѣ кравчимъ служить
 И, папірусной подвязкой
 Подтянувъ хитонъ на плечи,
 Влагой хмѣльной угощаетъ.
 Колесомъ отъ колесницы,
 Вдругъ самѣй-себя вращаясь,
 Жизнь людская убѣгаетъ,
 А въ могилѣ смертный кости
 Горстью пепла оставляетъ...
 Для чего жъ кадить на камень?
 Лить на землю возліянья?
 Лучше мнѣ, Эроть, при жизни

Воскури благоуханья —
 Увѣнчай меня цвѣтами,
 Приведи мою гетэру:
 Прежде нежели вмѣшаюсь
 Въ хороводы съ мертвецами,
 Я хочу прогнать заботы.

пѣсня V.

РОЗЪ.

Розу нѣжвную Эротовъ
 Съ Діонисомъ сочетаемъ:
 Красолиственной розой
 Наши чѣла увѣнчаемъ
 И нальемъ съ веселымъ смѣхомъ
 Въ чаши нектаръ винограда.
 Роза — лучшій цвѣтъ весенній,
 Небожителей услада!
 Мягкокудрый сынъ Киприды
 Розой голову вѣнчаетъ,
 Какъ съ Харитами онъ въ пляскѣ
 Хороводной пролетаетъ.
 Дайте жъ мнѣ вѣнокъ и лиру
 И подъ Вакховой ложницей
 Закружусь я въ быстрой пляскѣ
 Съ волногрудой дѣвицей...

пѣсня VI.

ПИРЪ.

Благовонныхъ розъ вѣнками
 Увѣнчавши чѣла наши,
 Мы съ веселою улыбкой
 Пьемъ вино изъ полной чаши.
 Подъ наѣввы барбитона
 Легконогія дѣвицы

Передъ нами пляшутъ съ тирсомъ
 Изъ кудрявой повиллицы.
 Ароматными устами,
 Въ звукахъ пѣсни сладкогласной,
 Ритму пляски и пектиды ¹⁾
 Вторить юноша прекрасный.
 А усердный Кѳмусъ ²⁾ пѣнитъ
 Даръ Ліэя въ нашихъ чарахъ,
 И на празднествѣ бога пиршествъ,
 Такъ любезнаго для старыхъ,
 Поспѣшаютъ веселиться,
 Привлеченные пектидой,
 И Эроть золотокудрый,
 И Ліэй съ молодой Кипридой.

пѣсни VII.

КЪ ЭРОТУ.

Не шутя меня ударивъ
 Гіацинтовой лозою,
 Приказалъ Эроть мнѣ бѣгать
 Неотступно за собою.
 Между терній, чрезъ потоки,
 Я помчался за Эротомъ
 По кустамъ и по стремнинамъ.
 Обливаясь крупнымъ пѳтомъ,
 Я усталъ; ослабло тѣло —
 И едва дыханье жизни
 Изъ ноздрей не улетѣло.
 Но концамъ нѣжныхъ крыльевъ
 Освѣживши лобъ мой блѣдный,
 Мнѣ Эроть тогда промолвилъ:
 «Ты любить не въ силахъ, бѣдный!»

¹⁾ Особого рода инструментъ, въ родѣ лютни. — ²⁾ Богъ пиршествъ.

пѣсня VIII.

СОНЪ.

На коврахъ пурпурныхъ ночью
 Спалъ я, Вакхомъ упоенный.
 Снилось мнѣ, что къ юнымъ дѣвамъ
 Я стопою окрылённой
 Подбѣгаю порѣзвиться,
 А толпа красавцевъ стройныхъ,
 Нѣжныхъ отроковъ — милѣ
 Вѣчно-юнаго Ліэя —
 Мнѣ, за дѣвъ, стрѣлой насмѣшки
 Сердце страстное пронзаеть.
 За насмѣшку я съ угрозой
 Поцѣлуя къ нимъ стремлюся;
 Но внезапно, вмѣстѣ съ грѣзой,
 Образъ ихъ изъ глазъ умчался:
 Одинокій и печальный,
 Я опять заснуть старался.

пѣсня IX.

КЪ ГОЛУБКѢ.

— Откуда ты, голубка,
 Откуда ты летишь?
 Зачѣмъ, моя голубка,
 Росой благоуханій
 По воздуху кропишь?
 О чемъ твоя забота?
 «Анакреонъ-пѣвецъ
 Послалъ меня къ Ваеилу,
 Къ ребенку-властелину —
 Къ тирану всѣхъ сердець.
 Меня сама Киприда
 За пѣсню продала:
 Теперь Анакреону

Служу я и — какъ видишь —
 Письмо его неслъ,
 А онъ мнѣ общался,
 Какъ только я вернуся,
 Свободу даровать.
 Но — пусть даетъ свободу —
 Я въ рабствѣ остаюся:
 Чтò пользы мнѣ летать
 По холмамъ, по долинамъ,
 Садиться на деревьяхъ
 И кое-гдѣ клевать
 Посѣвы полевые?
 Изъ рукъ Анакреона
 Я хлѣбъ теперь влѣю
 И вмѣстѣ съ нимъ изъ чаши
 Одно вино я пью.
 Напившись, я порхаю
 И трепетнымъ крыломъ
 Любовно припадаю
 Я къ сердцу господина,
 А ночью тихимъ сномъ
 Покоюся на лирѣ.
 Ты знаешь все — повѣрь,
 Прости же, чужеземець!
 Вороны я болтливѣй
 Была съ тобой теперь».

пѣсня х.

КЪ ВОСКОВОМУ ЭРОТУ.

Разъ юноша какой-то
 Отлитаго изъ воска
 Эрота продавалъ.
 — Чтò просишь за работу? —
 Спросилъ я, подошедши,
 А онъ мнѣ отвѣчалъ
 Дорическою рѣчью:
 «Купи за сколько хочешь;

Но долженъ ты узнать,
 Что я не восколнвецъ,
 А только не желаю
 Съ Эротомъ алчнымъ спать».
 — Отдай же мнѣ за драхму
 Соложника-красавца,
 А ты, Эротъ, во мнѣ
 Зажги любовный пламень,
 Иль будешь самъ тотчасъ же
 Растопленъ на огнѣ.

пѣсня XI.

САМОМУ СЕБѢ.

Мнѣ говорятъ дѣвицы:
 «Ты старъ, Авакреонъ!
 На—зеркало: ты видишь—
 Волосъ ужъ не осталось
 И лобъ твой обнажонъ».
 — Есть волосы, иль нѣтъ ихъ —
 Не знаю; знаю только,
 Что старцу и нѣвду
 Тѣмъ болѣе приличны
 Веселье и забавы,
 Чѣмъ ближе онъ къ концу.

пѣсня XII.

КАСАТКѢ.

Скажи, чего ты хочешь,
 Касатка-щебетунья?
 Какому наказанью
 Предать тебя скорѣй?
 Остричь тебѣ косички,
 Языкъ у рѣзвой птички
 Отрѣзать, какъ Терей?

Зачѣмъ разсвѣтной пѣсней,
 Болтливая пѣвунья,
 Умчала ты Ваила...
 И съ грѣзою моею!

пѣсня XIII.

САМОМУ СЕБѢ.

—
 Рассказываютъ, будто
 Женоподобный Аттисъ
 Кричалъ и звалъ въ слезахъ
 Красавицу-Кибебу,
 Безумствуя въ горахъ.
 Кричить въ безумьѣ всякой,
 Кто вѣчную пьетъ воду
 На оныхъ берегахъ,
 Гдѣ жертвуютъ Клардсы,
 Въ честь Феба-лавроноса,
 Священному ключу.
 А я, умѣщенъ миррой,
 И возліявъ Лію,
 Съ гетэрою моею
 Безумствовать хочу.

пѣсня XIV.

КЪ ЭРОТУ.

—
 Любить, любить хочу я!
 Любить Эротъ мнѣ самъ
 Совѣтоваль, но только
 Тогда я былъ упрямъ
 И бога не послушалъ —
 А онъ взялъ лукъ тугой
 Съ колчаномъ золочѣннымъ
 И звалъ меня на бой.
 Покрывъ себѣ я плечи

Бронею, какъ Ахиллъ,
 Щитомъ вооружился
 И дротики схватилъ —
 И вышелъ... Онъ стрѣляетъ —
 А я — скорѣй бѣжать...
 Разсыпавши всѣ стрѣлы,
 Онъ сталъ негодовать —
 И вдругъ стрѣлою острой
 Самъ въ грудь мою влетѣлъ,
 Пронзилъ глубоко сердце —
 Пронзилъ и одолѣлъ.
 Теперь какая польза
 Мнѣ въ копьяхъ и щитахъ?—
 Борьба уже напрасна,
 Когда нашъ врагъ въ стѣнахъ.

пѣсня xv.

САМОМУ СЕБѢ.

Пускай богатства Креза
 Безчисленно-велики,
 Мнѣ золота не надо
 Сардисскаго владыки:
 Мнѣ зависть недоступна —
 Нѣтъ силы и охоты
 Завидовать владыкамъ...
 Мнѣ только и заботы,
 Какъ бороду опрыскать
 Летучими духами;
 Какъ голову украсить
 Пахучими цвѣтами;
 Какъ день провести текущій
 Съ веселыми друзьями —
 А завтра?... кто же знаетъ,
 Что завтра будетъ съ нами?
 Воспользуйся днемъ яснымъ:
 Пей, въ кости развлекайся,

Но возліяй Лію,
 Не то—остерегайся:
 Придетъ болѣзнь неволью
 И скажетъ: «пить—довольно!»

пѣсня xvi.

САМОМУ СЕБѢ.

Ты—пѣснь войнѣ еиванцевъ,
 Овъ—пѣснь фригянъ бою,
 А я слагаю пѣсню
 Побѣдѣ надо мною:
 Не всадникомъ, не пѣшимъ,
 Не въ морѣ кораблями—
 Сраженъ я новымъ войскомъ,
 Стрѣляющимъ—очами.

пѣсня xvii.

КЪ СЕРЕБРЯНОЙ ЧАШѢ.

Серебренникъ искусный,
 Гефѣсть, ты не чеканъ
 Мнѣ брони и доспѣховъ:
 Мнѣ чуждо слово—брань.
 Гораздо лучше чашу,
 Вмѣстительнѣй и глубже —
 Какъ можешь, мнѣ отлей;
 Но звѣздъ и колесницы
 Съ печальнымъ Оріономъ
 Не дѣлай ты на ней.
 (Что въ звѣздахъ Волопаса,
 Въ созвѣздіи Плеядъ?)
 Обвей вокругъ всей чаши
 На вѣтвяхъ лозъ кудрявыхъ
 Румяный виноградъ;
 Представь подъ сѣнью гроздій—

Всѣхъ золотомъ литымъ —
 Красавца-Діониса
 И рѣзваго Эрота
 Съ Вавилломъ молодымъ.

ПѢСНЯ XVIII.

НА ТОТЪ ЖЕ ПРЕДМЕТЪ.

Художникъ несравненный!
 Серебряную чашу
 Ты въ честь весны мнѣ сплавь.
 На ней, на первомъ мѣстѣ,
 Цвѣтущій образъ Оры
 Въ вѣнкѣ изъ розъ представь,
 И такъ металлъ отдѣлай,
 Чтобъ сладокъ былъ напитокъ.
 Прошу, не представляй
 На чашѣ ни обрядовъ,
 Ни горестныхъ событій,
 А лучше изваяй
 На ней мнѣ чадо Діа, —
 И пусть красавецъ-Эвій
 Съ Кипридой молодой
 Поютъ на брачномъ пирѣ
 И славятъ Гименея
 Предъ юною четой.
 Изобрази на чашѣ
 Эротовъ безоружныхъ,
 Смѣющихся харить;
 Пусть виноградъ косматый
 Кистями спѣлыхъ гроздій
 Вокругъ нея виситъ;
 Пусть рѣзвятся красавцы
 Подъ сѣнію его,
 А посреди ихъ вылей
 Мнѣ Феба самого.

пѣсня XIX.

ДОЛЖНО ПИТЬ.

Пьеть земля сырая;
 Землю пьютъ деревья;
 Воздухъ пьютъ моря;
 Изъ морей пьеть солнце;
 Пьеть изъ солнца мѣсяць:
 Что жъ со мною спорить,
 Если пить хочу я,
 Милые друзья?

пѣсня XX.

ДѢВУШКѢ ¹⁾.

Дочь Танта́ла камнемъ на брегѣ фригійцевъ стояла
 И птичкою-ласточкой дочь Пандіона порхала.

А я бы желалъ твоимъ зеркаломъ быть,
 Затѣмъ, чтобъ очей ты съ меня не сводила,

¹⁾ Стихотвореніе это переведено Меемъ два раза. Вотъ первый переводъ, сдѣланный имъ гораздо раньше:

Было время, дочь Танта́ла
 На прибрежьи фригійскомъ
 Глыбой каменной стояла;
 Дочь Пандіона когда-то
 Птицей-ласточкой летала.
 Я же зеркаломъ безсмыннымъ
 У тебя стоять желаю,
 Чтобы ты въ меня глядѣлась,
 Или сдѣлаться хитономъ,
 Чтобы ты въ меня одѣлась.
 Я желаю или въ воду,
 Или въ мируу превратиться,
 Чтобы на дѣвственное тѣло
 Ароматами пролиться,
 Лечь повязкою на перси,
 Или жемчугомъ на шею,
 Или сдѣлаться сандалей,
 Чтобы ты меня топтала
 Легкой ножкою своею.

Желалъ бы собою хитонъ замѣнить,
 Затѣмъ, чтобъ меня на себѣ ты носила,
 Иль воду, чтобъ тѣло красавицы мыть;
 Желалъ бы елеемъ на стройные члены пролиться,
 Повязкой на персяхъ твоихъ трепетать,
 Жемчужною нитью вокругъ твоей шеи обвиться,
 Иль даже въ сандалю твою обратиться,
 Чтобъ ты меня ножкой могла попирать.

пѣсня XXI.

САМОМУ СЕБѢ.

Дайте мнѣ вина, дѣвнцы!
 Жаръ меня томить съ денницы:
 Поскорѣй припасть мнѣ дайте
 Къ Вакху жадными устами
 И главу мою вѣнчайте
 Вѣчно-юнаго цвѣтами...
 А иной вѣнокъ мгновенно
 На челѣ моемъ спалится,
 Оттого, что неизмѣнно
 Жаръ любви во мнѣ таятся.

пѣсня XXII.

ВАӨИЛЛУ.

Ляжемъ здѣсь, Ваөилль, подь тѣнью,
 Подь густыми деревьями:
 Посмотри—какъ съ нѣжныхъ вѣтокъ
 Листья свѣсились кудрями!
 Ключъ журчить и убѣждаетъ
 Насладиться мягкимъ ложемъ...
 Какъ такой пріютъ прохладный
 Миновать съ тобой мы можемъ?

пѣсня xxiii.

КЪ ЗОЛОТУ.

Будь, золото, способно
 Продлить мнѣ жизнь немного —
 О, какъ тогда бы, Плѣтусъ,
 Берёгъ его я строго,
 Чтобъ смерть, принявши выкупъ,
 Рѣшилась удалиться;
 Но смертному отъ смерти
 Ничѣмъ не откупиться!
 Къ чему жъ вздыхать напрасно
 И слезы лить безмѣрно?
 Къ чему копить богатство,
 Когда умрешь навѣрно?
 Не лучше ль пить съ друзьями,
 Съ Ліземъ благосклоннымъ,
 И жертвы жечь Кипридѣ
 На ложѣ благовонномъ?

пѣсня xxiv.

САМОМУ СЕБѢ.

Такъ-какъ я, рожденный смертнымъ,
 Тропу жизни пробѣгаю,
 Знаю путь, пройденный мною,
 А грядущаго не знаю —
 Отойдите прочь, заботы!
 Чтò мы общаго имѣемъ?
 Прежде, чѣмъ конца дождуся,
 Посмѣюсь и порѣзвлюся
 Въ хороводахъ и съ Ліземъ.

пѣсня xxv.

САМОМУ СЕБѢ.

Когда я пью, всегда
 Заботы усыплю.
 И что же мнѣ тогда
 До слезъ и до труда
 И до заботъ? Я знаю —
 Придется умирать,
 Хотя и пѣть охоты.
 Зачѣмъ же направлять
 Всю жизнь стезей заботы?
 Не попусту виномъ
 Ліей насъ награждаетъ:
 Когда его мы пьемъ,
 Забота засыпаетъ.

пѣсня xxvi.

САМОМУ СЕБѢ.

Только видетъ Вакхъ желанный
 Въ грудь мою — заснуть заботы,
 Креза стану я богаче
 И согласно воспѣваю
 И любовь и красоту.
 Темнымъ плющемъ увѣнчанный,
 Полонъ нѣги и дремоты,
 Я клонюсь на одръ горячій
 И въ мечтаньяхъ помираю
 Всю земную суету.
 Вы стремитесь къ битвѣ ярой —
 Ополчайтесь! мнѣ-то что же?
 Не разстанусь я съ виномъ.
 Подойди, мой отрокъ, съ чарой:
 Лучше пьянымъ лечь на ложе,
 Чѣмъ бездушнымъ мертвецомъ.

пѣсня XXVII.

ВАКХУ.

Сынъ Зевеса, избавитель
 Всѣхъ, заботой удрученныхъ,
 Вакхъ-Ліэй едва коснется
 Чувствъ моихъ воспламененныхъ,
 Вдохновенный имъ, я въ пляску
 Уношуся въ упоеньѣ.
 Не одни дары Ліэя
 Мнѣ приносятъ наслажденье:
 Милы мнѣ попеременно
 Афродиты пѣжной ласки,
 Звуки лиры, звуки пѣсенъ,
 И всегда любезна пляска.

пѣсня XXVIII.

КЪ ГЕТЭРѢ.

Славный Родоса художникъ!
 Стилъ возьми, уставъ треножникъ,
 Растопи свой воскъ цвѣтной,
 Обсуди чертежъ я мѣру —
 И красавицу-гетэру,
 Разлученную со мной,
 Напиши, Эрота ради,
 Какъ я буду говорить.
 Прежде долженъ начертить
 Ты волосъ густыя пряди:
 Дай имъ мягкость, черный лоскъ,
 Дай имъ, если властенъ воскъ,
 Запахъ мирры благовонной.
 Надъ ланитой округленной
 Подними чело у ней,
 Чтобъ оно пзъ-подъ кудрей,
 Какъ слоновья кость, бѣлѣло.

Проведи ей брови смѣло:
 Берегись склонить ихъ ницъ —
 Кончи тонко, горделиво.
 Изучи изгибъ стыдливо —
 Кверху-вскинутыхъ рѣсницъ.
 Напиши огнемъ ей взгляды —
 Пусть блеститъ въ глазахъ у ней,
 Сквозь лазурь очей Паллады,
 Влага страстная очей
 Вѣчно-юной Афродиты.
 Пусть, въ румянцѣ молодомъ,
 Свѣжесть розы съ молокомъ
 На прозрачныя ланиты
 Будетъ вѣжно пролита.
 Пусть манить ея уста
 Убѣжденіемъ призывнымъ
 Къ поцѣлудамъ непрерывнымъ.
 Округли потомъ у ней
 Перси мрамора бѣлѣй,
 Стилемъ смѣлымъ и окрѣплымъ.
 Пусть и воскъ къ себѣ манитъ
 Рѣзвый рой младыхъ Харитъ;
 Такъ накинъ пурпурный пеплумъ,
 Чтобы тѣла бѣлизна
 Кѣ-гдѣ была видна
 Съвозъ раздвинутыя складки,
 Вызывая на догадки
 И о тайнахъ красоты...
 Стой... довольно... кончи въ мѣру:
 Вижу я мою гетѣру!
 Скоро, воскъ, промолвишь ты.

пѣсня XXIX.

ВАӨИЛЛУ.

Стилъ возьми, художникъ, снова
 И Ваөилла молодова
 Напиши, какъ научу:
 Волоса его на воскъ
 Начерти въ блестящемъ лоскѣ
 И рассыпь ихъ по плечу;
 Сдѣлай черными ихъ снизу,
 Сверху солнцемъ озлативъ,
 И нускай падеть на ризу
 Прихотливый ихъ извивъ,
 Своевольно, безъ усилій.
 Пусть темнѣй драконьихъ крылій
 Брови сходятся вѣнцомъ
 Надъ возвышеннымъ челомъ,
 Какъ роса поутру, свѣжимъ.
 Очи гордыя развѣжимъ
 Чистотою думъ младыхъ —
 И суровый взглядъ Арея
 Взоромъ кроткимъ Кнѳерея
 Пусть оспариваетъ въ нихъ,
 Пусть надеждою и страхомъ
 Взоръ красавца насъ манитъ.
 Тише! стили пѣжнымъ взмахомъ
 Наведи на пухъ лаицъ
 Вешней розы цвѣтъ и глянецъ,
 И стыдливости румянецъ.
 Какъ уста напишешь ты —
 Я не знаю?... Чтобъ пылали
 И лобзанья призывали
 Убѣжденьемъ красоты.
 Сдѣлай такъ, чтобъ воскъ бездушный
 Мнѣ Ваөилла оживилъ,
 И художнику послушный,
 Даже молча говорилъ!
 Пусть изгибомъ шеи нѣжной

Спорить съ шеей бѣлоснѣжной
 Адонисовой — Ваѳиллѣ.
 Грудь заимствуй у Гермеса,
 Руки также у него,
 Только бедръ ни у кого,
 Кромѣ пасынка Зевеса,
 Полидевка самого.
 Торсь... Описывать ли ноги?...
 Нѣтъ, ты лучше знаешь самъ.
 Сколько жъ хочешь ты? О, боги!
 За него я все отдамъ.
 Вотъ — Ваѳиллу подражанье —
 Аполлона изваянье:
 Ты въ Самосъ его возьми,
 А вернешься, ради неба,
 Самого красавца-Феба
 Ты съ Ваѳилла мнѣ сними.

пѣсня xxx.

ЭРОТЪ.

Разъ музы на Эрота
 Тихонько возложили
 Вѣнковъ пахучихъ узы
 И Красотѣ вручили.
 Напрасно Киѳерея
 Съ собою выкупъ носитьъ
 И всюду ищетъ сына,
 И сыну воли просить.
 Хоть дай ему свободу,
 Отъ Красоты онъ болѣ
 Не отойдетъ ни шагу:
 Привыкъ служить въ неволѣ.

пѣсня xxxii ¹⁾).

ЛЮБОВНИЦАМЪ.

Всѣ листья на деревьяхъ
 Ты вѣрнымъ счетомъ знаешь,
 И на морѣ широкомъ
 Всѣ волны сосчитаешь —
 Сочти жъ моихъ любовницъ!
 Въ Афинахъ, для начатка,
 Ты запиши мнѣ двадцать
 И полтора десятка.
 Потомъ считай въ Коринѣ
 По цѣлымъ легіонамъ:
 Уступить вся Эллада
 Въ красѣ коринѣскимъ жёнамъ.
 Теперь сочти въ Лезбосѣ,
 Въ Іоніи, въ Родосѣ
 И въ Каріи... пожалуй —
 Двѣ тысячи... немного...
 Что скажешь? Отмѣчай же:
 Далеко до итога!
 Ни сирскимъ, ни канотскимъ
 Не свелъ еще я счета...
 Да въ Критѣ всеобильномъ,
 По городамъ Эроса,
 Гдѣ тайнства уставилъ
 Любви законодавецъ,
 Сочти, въ добавокъ въ прежнимъ,
 Души моей красавицъ,
 Но какъ ихъ сосчитаешь —
 Спрошу тебя заранѣ —
 За Кадикскомъ, за Индомъ,
 И въ дальней Багтрианѣ?

1) Пѣсни xxxi не оказалось въ рукописи переводчика. Утраченъ ли переводъ,
 или стихотвореніе вовсе не было переведено поэтомъ—неизвѣстно.

пѣсня xxxiii.

КОСАТКѢ.

Что годъ, весной, косатка,
 Ты гнѣздышко свиваешь,
 А на зиму — иль къ Нилу,
 Иль въ Мѣмфисъ улетаешь.
 Въ моемъ же сердцѣ вѣчно
 Любовь гнѣздо свиваетъ
 И выводокъ Эротовъ
 Растить и размножаетъ.
 Одинъ — вотъ оперился
 И крылья наготовѣ;
 Другой еще въ скорлупкѣ,
 А третій ужъ въ наклѣвѣ.
 Всегда я слышу крики
 Птенцовъ невозможныхъ,
 Птенцовъ съ разверстимъ клювомъ...
 Большіе кормятъ малыхъ;
 А выростетъ малютка —
 И самъ птенцовъ выводитъ.
 Какъ быть мнѣ съ ними? разумъ
 Уловки не находитъ,
 Затѣмъ и не находитъ,
 Что тѣхъ Эротовъ милыхъ
 Спугнуть съ гнѣзда родного
 Мнѣ жалко — я не въ силахъ.

пѣсня xxxiv.

ДѢВУШКѢ.

Не бѣги меня, при взглядѣ
 На сѣдые волоса,
 И — затѣмъ, что внешней розой
 Расцвѣла твоя краса —
 Не отвергни и не прѣзни

Пламя страсти въ старикѣ:
 Полюбуйся, какъ пристали
 Къ розамъ лиліи въ вѣнѣ¹⁾.

пѣсни xxxv.

ЕВРОПА.

Вотъ этотъ быкъ, мой отрокъ,
 Мнѣ Зевсомъ показался:
 Съ красавицей Сидона
 Онъ мимо насъ промчался.
 Какъ на хребтѣ онъ дѣву
 И бережетъ, и нѣжитъ;
 Взгляни, какъ волны моря
 Копытами онъ рѣжетъ!
 Не можетъ быкъ изъ стада
 Такъ переплыть пучины,
 Какъ онъ переплываетъ:
 То можетъ Зевсъ единый.

пѣсни xxxvi.

БЕЗЗАБОТНОСТЬ.

Не учи меня законамъ
 Скучныхъ риторовъ твоихъ:
 Чтò мнѣ въ словѣ бесполезномъ
 И въ софизмахъ ихъ пустыхъ?
 Научи меня ты лучше

¹⁾ Помѣщаемъ здѣсь первый переводъ того же стихотворенія.

Не бѣли моихъ волосъ,
 Убѣленныхъ сѣдиною,
 И — затѣмъ, что ярче розъ
 Расцвѣли своей весною —
 Не отвергни въ старикѣ
 Пламень страсти: не сама ли
 Ты видала, какъ въ вѣнѣ
 Къ розамъ лиліи пристали?

Сладкій сокъ Ліяя пить
 И съ Кипридой бѣлокурой
 Игры рѣзвыя дѣлать.
 Погляди, какъ эти кудри
 Увѣнчала сѣдина...
 Усыпи мой разумъ, отрокъ,
 Дай воды, неси вина...
 Скоро, скоро покрывало ¹⁾
 На меня набросишь ты...
 А у смертнаго за гробомъ
 И желанья отнять.

пѣсня xxxvii.

ВЕСНѢ.

Посмотри — весна вернулась —
 Сыплють розами хариты;
 Посмотри — на тихомъ морѣ
 Волны дремою повиты;
 Посмотри — ныряютъ утки,
 Журавлей летитъ станица;
 Посмотри — Титана-солнца
 Въ полномъ блескѣ колесница.
 Тучи тихо уплываютъ,
 Унося ненастья пѣру;
 На поляхъ труды людскіе
 Говорятъ привѣтно взору;
 Гея вѣжные посѣвы
 На груди своей лелѣетъ;
 Почка маслины пробилась
 Сквозь кору и зеленѣетъ;
 Лозы пламеннаго Вауха
 Кроетъ лства молодая,
 И плодовъ румяныхъ завязь
 Расцвѣла, благоухая.

¹⁾ Древніе греки накрывали голову покойниковъ покрываломъ.

пѣсня XXXVIII.

САМОМУ СЕБѢ.

Я старъ, но съ молодыми
 Я выпью больше всѣхъ,
 И тирсомъ хороводнымъ
 Мнѣ служить винный мѣхъ,
 А партексовый стебель
 Пускай беретъ другой.
 Кто хочетъ состязаться —
 Являйтесь на бой!
 Скорѣ, отрокъ, въ чашу
 Вина мнѣ наливай;
 Но сладостный напитокъ
 Водю размѣшай.
 Я старъ, но съ молодыми
 Умѣю поплясать,
 Умѣю въ рѣзвой пляскѣ
 Силену подражать.

пѣсня XXXIX.

САМОМУ СЕБѢ.

Когда вино я пью —
 Мой духъ объять весельемъ,
 И музамъ благосклоннымъ
 Я тихій гимнъ пою.
 Когда вино я пью —
 Разносить буйный вѣтеръ
 По морю и заботы
 И всю печаль мою.
 Когда вино я пью —
 Меня самъ Эвій нянчить,
 И лють цвѣты на воздухъ
 Душистую струю.
 Когда вино я пью —
 Жизнь мирную я славлю
 И на чело искусно

Вѣнокъ цвѣточный вью.
 Когда вино я пью —
 Опрысканный духами,
 Въ объятыхъ юной дѣвы
 Киприду я пою.
 Когда вино я пью —
 Подъ пѣсни молодежи,
 На дво потировъ пирныхъ
 Топлю я мысль мою.
 Когда вино я пью —
 Его законнымъ благомъ
 Считаю: вѣдь придется
 Окончить жизнь свою.

пѣсня XL.

ЭРОТЪ.

Эротъ, не разглядѣвши
 Пчелы на листьяхъ розы,
 Былъ въ палецъ ей ужаленъ.
 Онъ крикнулъ; градомъ слѣзы;
 И къ юной Киеереѣ
 Понесся онъ, рыдая.
 «Пропаль я, умираю!
 Пропаль, моя родная!
 Укушенъ я крылатой
 И маленькой змѣею...
 Ты знаешь: земледѣльцы
 Зовутъ ее пчелою?»
 Въ отвѣтъ ему богиня
 Съ улыбкою невольной:
 — О, сынъ мой! если пчелка
 Умѣетъ жалить больно,
 Суди жъ, какъ тотъ страдаетъ,
 Кого стрѣла Эрота
 Безжалостно пронзаетъ! —

ПѢСНЯ XLI.

ПІРЬ.

Будемъ пить вино въ весельѣ;
 Будемъ пѣть про Вакха въ одахъ —
 Про наставника и въ пляскахъ
 И въ игривыхъ хоровахъ,
 Про товарища Эроса,
 Про любимца Афродиты,
 Про вину вина и пьянства
 И отца одвой хариты.
 Онъ появится—забота
 Неотвязная смолкаетъ
 И само лихое горе
 Въ опьяненѣ засыпаетъ.
 Если отроки мнѣ чашу
 Съ сладкимъ нектаромъ подносятъ —
 И печаль и безпокойство
 Вѣтры бурные разносятъ.
 Такъ возьмемъ же въ руки чаши,
 Чтобъ заботы засыпали.
 Что за прибыль намъ быть жертвой
 Добровольною печали?
 Что мы знаемъ о грядущемъ?
 Смертныхъ жизнь въ рукахъ безвѣстныхъ...
 Лучше жъ, выпивъ, порѣзвиться
 Въ сонмѣ дѣвушекъ прелестныхъ!
 Пусть заботится, кто хочетъ
 Отъ заботъ себя избавить:
 Будемъ пить вино въ весельѣ,
 Будемъ Вакха пѣсней славить.

пѣсня XLII.

САМОМУ СЕБѢ.

Я люблю живые хоры
 Друга игорь, Діониса,
 Я люблю играть на лирѣ,
 Если мой состольникъ молодъ
 И соперникъ Адониса.
 Но всего люблю я больше —
 Легкой вязью гіацинтовъ
 Бѣлоснѣжныхъ увѣнчаться
 И, рѣзвяся, въ хороводы
 Юныхъ дѣвственницъ вмѣшаться.
 Чуждъ я зависти грызущей,
 Стрѣль злословья убѣгаю,
 И на пиршествѣ развратномъ
 Ссоры пьяныхъ презираю.
 Въ хороводахъ дѣвъ цвѣтущихъ
 Я пляшу подъ голосъ лирной,
 И несу тихонько бремя
 Жизни сладостной и мирной.

пѣсня XLIII.

КУЗНЕЧИКУ.

Какъ блаженъ ты, мой кузничикъ
 На высокихъ на деревьяхъ
 Ты, какъ царь, поешь на волѣ,
 Выпивъ свѣтлую росинку.
 Все твое, чѣмъ въ чистомъ полѣ
 Обновляется природа,
 Что приносить время года.
 Ты — любимецъ земледѣльцевъ,
 Ты безвреденъ — и за это
 Почитаемъ ты отъ смертныхъ,
 Провозвѣстникъ сладкій лѣта.
 Ты любезенъ нѣжнымъ музамъ;

Фебъ тебѣ не меньше любить,
 Одаря звонкимъ пѣньемъ.
 Старость дней твоихъ не губить:
 И мудрецъ, и пѣсполубецъ,
 Безболѣзненъ и безкровенъ,
 Ты почти съ богами ровенъ.

пѣсня XLIV.

СОНЪ.

Мнѣ снилось: бѣжалъ я и крылья
 Вилъсь у меня за спиною,
 А сынъ Афродиты за мною
 Гнался — и настигъ наконецъ,
 Настигъ онъ меня безъ усилья,
 Хотя и закованы были
 Прекрасныя ноги въ свинець.
 Что значить мое сновидѣнье?
 Не то ли, что — волей Эрота —
 Не разъ попадалъ я въ тенѣта,
 Сплетенныя мнѣ красотой,
 И всякой разъ, въ то же мгновенье
 Спасался отъ всѣхъ я красавиць,
 Но буду опутанъ одной?

пѣсня XLV.

СТРѢЛЫ ЭРОТА.

Въ горнахъ Лёмноса Эроту
 Мужъ Киприды изъ желѣза
 Стрѣлы мѣткія коваль;
 Острія ихъ Клеорея
 Сладкимъ медомъ обливала,
 А Эроть ихъ въ желчь коваль.
 Разъ Арей съ кровавой брани
 Возвращался, потрясая

Неподъёмное копье.
 Онъ презрѣль Эрота стрѣлы,
 А Эротъ: «И эта стрѣлка
 Тяжела: возьми ее!»
 Взяль Арей стрѣлу Эрота —
 И Киприда улыбнулась...
 Застоналъ тогда Арей:
 — Тяжела!... возьми — не надо! —
 Но Эротъ ему съ улыбкой
 Отвѣчалъ: «останься съ ней!»

пѣсня XLVI.

ЛЮБОВЬ.

Безотрадно — не любить,
 Безотрадно — полюбить,
 Безотраднѣе — любовью
 Отвергаемыми быть.
 Все Эротъ ногами топчетъ —
 Знатность, мудрость и добро,
 И глядятъ съ почтеньемъ люди
 На одно лишь серебро.
 Проклятъ будетъ тотъ, кто первый
 Серебро боготворилъ:
 За него — не стало братьевъ;
 За него — родной не милъ;
 За него — убійство, войны,
 И — ужаснѣе всего —
 Мы, влюбленные, повсюду
 Погибаемъ за него.

пѣсня XLVII.

СТАРЦУ.

Мнѣ милъ и старецъ въ плясѣхъ,
 И юноша-плясунъ;
 Но если старецъ пляшетъ —
 Въ немъ волосы лишь стары,
 А мыслями онъ юнъ.

пѣсня XLVIII.

ПИРЪ.

Дайте лиру мнѣ Гомера
 Безъ воинственной струны:
 Я не чествую войны.
 Изъ обряднаго потира
 Я желаю мирно пить
 И водой напитокъ сладкій,
 По закону, разводить.
 Я напьюся въ честь Ліэя,
 Запляшу и запою,
 Но разсудкомъ я умѣрю
 Пѣсню буйную мою.

пѣсня XLIX.

КЪ КАРТИНЪ.

Къ пѣснямъ музы благородной
 Преклони свой слухъ, художникъ:
 Напиши рукой свободной
 Городъ, пріютъ веселью,
 И смѣющихся вакханокъ,
 Съ раздвоенною свирѣлюю,
 Жаромъ Вакха распаленныхъ,
 Напиши мнѣ, если можешь,
 На воску уставъ влюбленныхъ.

пѣсня L.

ДИОНИСУ.

Возвратился богъ желанный,
 Придающій молодежи
 Рвенье пылкое въ трудахъ,
 Ловкость въ ильскѣ хороводной
 И веселье на пирахъ.

Возвратился онъ и смертнымъ
 Вновь принесть съ собой наиптокъ —
 Исцѣленье отъ заботъ;
 Но вино еще въ темницѣ,
 И его лоза густая,
 Какъ тюремщикъ, стережетъ.
 А когда мы срѣжемъ лозы,
 Сколько къ намъ польетъ здоровья,
 Сколько въ насъ прибудетъ силъ!
 Чтò за радость, чтò за свѣжесть —
 И въ душѣ у насъ, и въ тѣлѣ —
 Вакхъ подъ осень пробудилъ!

пѣсня LI.

 НА ДИСКЪ *) СЪ ИЗОБРАЖЕНИЕМЪ
 АФРОДИТЫ.

Чей рѣзецъ на этомъ дискѣ
 Такъ искусно и отважно
 Прѣлилъ море, поднялъ волны
 Надъ хребтомъ равнины влажной?
 Кто, къ богамъ вознесшись духомъ,
 Начерталъ въ пучинѣ пѣнной
 Облакъ дѣвственной Киприды,
 Пѣной моря порожденной,
 Начерталъ ее нагою,
 Но красы младаго лона
 Скрылъ прозрачною волною?
 Какъ въ затишь гальціона,
 На зыбяхъ морскихъ качаясь,
 Афродита разсѣкаетъ
 Тѣломъ пѣнистую воду —
 И широко отступаетъ
 Передъ ней волна морская,
 Выше персей округленныхъ,

*) Дискъ, *diskos* — большое металлическое блюдо.

Нижѣ шеи отбѣгая,
 Плавно движется богиня,
 Межь пурпурныхъ струй бѣля,
 Какъ бѣлѣтъ межъ фіалокъ
 Серебристая лилея.
 Вотъ, смѣясь людскому страху,
 Смѣло мчатся въ слѣдъ богинѣ
 Гимэротъ ¹⁾ съ Эротомъ рѣзвымъ
 На порывистомъ дельфинѣ.
 Стаи рыбъ широкоплѣсыхъ
 Станъ Кириды стройно-гибкой,
 Подъ водой рѣзвясь, шекочуть,
 Чтобъ плыла она съ улыбкой.

пѣснь LI.

СБОРЪ ВИНОГРАДА.

Стройностаннныя дѣвицы
 Идутъ съ юношами рядомъ,
 На плечахъ неся кошницы
 Съ темноцвѣтнымъ виноградомъ,
 И на гнѣты чередою
 Сыплютъ гроздій дождь пахучій;
 Мужы сильною рукою
 Извлекаютъ сокъ кишучій
 Изъ темницы виноградной,
 Прославляя, въ громкихъ хорахъ,
 Вакха пѣснею обрядной
 И любясь, какъ въ амфорахъ
 Бродить новый даръ Ліэя.
 Въ опьяненѣхъ не умѣя
 Сладить съ дряхлыми ногами,
 Плишетъ старецъ, потрясая
 Убѣленными кудрями.
 А красавица младая,

¹⁾ Гимэротъ, 'Церос — Купидонъ.

Подъ тѣнистыми вѣтвями,
 Спать, покоя въ дрѣмѣ сладкой
 Нѣжно-дѣвственное тѣло;
 Пылкій юноша украдкой
 Надъ красавицею смѣло
 Сѣти страсти разставляетъ.
 Ужь Эротъ ее склоняетъ
 Позабыть про Гименея,
 Но, словами не умѣя
 Убѣдить, малютка рѣзвой
 Ей насиліемъ грозитъ...
 Таеъ-то съ юностью нетрезвой
 Вакхъ безчинно веселится.

пѣсня LIII.

РОЗЪ.

Съ цвѣтоносною весной
 Я пою цвѣтовъ царицу,
 Розу, смертныхъ чаровницу:
 Пой, красавица, со мной!
 Роза, ты — отрада взору,
 Ты — дыханіе боговъ,
 Ты — уборъ харитамъ, въ пору
 И Эроса, и цвѣтовъ,
 Ты — игрушка для Киприды,
 Ты — во храмахъ, и тебя,
 Больше всѣхъ цвѣтовъ любя,
 Воспѣвають піэриды.
 Межъ шиповъ люблю срывать
 Я твой вѣнчикъ благовонный
 И рукою уязвленной
 И ласкать, и согрѣвать.
 Ты — соперница денницы,
 Ты родишь восторгъ въ пѣвцахъ —
 И гремнть хвала царицы
 Многоцвѣтной плетеницы

На вакхическихъ пирахъ.
 Что безъ розъ благоуханныхъ,
 Что бы было, говорю?
 Нимфъ Кивеллы *розодланнахъ*,
Розоперстную зорю,
Розоцвѣтныя ланиты
 Лѣпокудрой Афродиты
 Мы не пѣли бы тогда.
 Запахъ розъ болѣзнь лихую
 Прогоняетъ навсегда;
 Розы наспѣ роковую
 На могилахъ сторожатъ;
 Розы старости не знаютъ,
 И, завянувъ, сохраняютъ
 Вѣчно-юный ароматъ;
 Розамъ тщетны Паркъ угрозы...
 Воспоемъ рожденье рози!

Въ то мгновеніе, какъ ты,
 Мать любви и красоты,
 Молодая Киберей,
 Родилась изъ волвъ Нерей,
 Вся осыпана кругомъ
 Пѣны влажнымъ жемчугомъ;
 Въ то мгновенье, какъ Аѳинѣ,
 Броненосицѣ-богинѣ,
 Грозной дочери небесъ,
 Дать рожденіе Зевесъ,
 Розы цвѣтъ многоотгѣнный
 Нѣдра темныя земли
 Благотворно изнесли.
 Боги розѣ несравненной
 Дали пламенный отливъ,
 Въ алый нектаръ омочивъ —
 И поднялся, пламенѣя
 Сквозь колючіе листы,
 Вѣковѣчный цвѣтъ Лія,
 Въ полномъ блескѣ красоты.

пѣсня LIV.

САМОМУ СЕБѢ.

Въ хорѣ юношей веселыхъ
 Я юнѣю духомъ самъ
 И всегда унести въ пляску
 Я готовъ, на зло годамъ.
 Подожди меня, Кибеба,
 Дай цвѣтовъ мнѣ для вѣнка...
 Дальше ты, сѣдая старость!
 Молодъ я еще, пока
 Въ пляскѣ съ рѣзвой молодежью
 Пролетаю жизни путь.
 Принесите поскорѣ
 Мнѣ осенній плодъ Ліэя,
 Принесите кто-нибудь,
 И свидѣтелями будьте,
 Какъ умѣетъ старецъ пить
 И безумствовать пристойно,
 И забавно говорить.

пѣсня LV.

ВЛЮБЛЕННЫМЪ.

Копямъ тавро на бѣдрахъ
 Желѣзомъ выжигаютъ;
 Пароянъ при первомъ взглядѣ
 По ихъ тіарамъ знаютъ.
 А я, взглянувъ, влюбленныхъ
 Узвать умѣю разомъ:
 У нихъ на сердцѣ мѣтка,
 Чуть видимая глазомъ.

пѣснѣ LVI.

СТАРОСТЬ.

На вискахъ сѣдѣть волосъ;
 Побѣлѣла голова;
 Юность рѣзвая умчалась;
 Зубы держатся едва.
 Не надолго сладкой жизни
 Я причастнымъ остаюсь
 И дрожу при этой мысли:
 Такъ я тартара боюсь!
 Страшенъ тайный сляпъ Плутона,
 Страшенъ путь подземный въ адъ:
 Кто пойдетъ по немъ однажды,
 Не вернется ужъ назадъ.

пѣсни LVII.

УМѢРЕННОСТЬ.

Отрокъ, дай большую чашу —
 Вдоволь пить хочу изъ ней —
 Но воды кѣаовъ десять,
 А вина лишь пять налей:
 Чтобы принялъ благосклонно
 Возліянье Бассарей.

(Черезъ нѣсколько времени.)

Что жъ ты? лей вино скорѣе!
 Мы съумѣемъ избѣжать
 Ссоръ и пьяныхъ криковъ свиговъ,
 И за полной чашей станемъ
 Гимнъ согласный напѣвать.

пѣсня LVIII.

ЭРОТУ.

Славию нѣжнаго Эрота:
 Онъ сильнѣе всѣхъ боговъ;
 Онъ царитъ въ вѣнцѣ, сплетенномъ
 Изъ безчисленныхъ цвѣтовъ;
 Смертныхъ мощный укротитель,
 Онъ самихъ боговъ властитель.

пѣсня LIX.

АРТЕМИДѢ.

Преклоняю я колѣна,
 Артемиду, предъ тобой,
 Русой дочерью Зевеса,
 Ланестрѣльною богиней,
 Звѣровластницею лѣсной!
 Снизойди на оный берегъ,
 Гдѣ крутитъ волну Лееей,
 Взоромъ ласковымъ обрадуй
 Городъ страждущихъ мужей:
 Ты найдешь достойныхъ гражданъ —
 Не свирѣпыхъ дикарей.

пѣсня LX.

ОРАКІЙСКОЙ КОБЫЛИЦѢ.

Кобылица-оракіянка,
 Что такъ косо ты глядишь?
 Для чего, какъ отъ невѣжды,
 Отъ меня ты прочь бѣжишь?
 Знай: легко тебѣ накину
 Я узду и удила,
 Чтобъ меня по гипподрому

Ты послушно пронесла.
 Ты теперь на паствѣ злачной
 Скачешь — вольная, пока
 Не нашлось тебѣ, дикарѣ,
 Заклятого ѣздова.

НАДПИСИ, ЭПИТАФИИ, ЭПИТАЛАМЫ И ОТРЫВКИ.

I.

Съ ланью грудною, извивисторогую мать потерявшей
 Въ темномъ лѣсу, боязливо-дрожащая дѣвушка схожа.

II.

Если бы мнѣ умереть!.. я другого исхода не знаю.

III.

Отрокъ, вина и воды и вѣнковъ благовонныхъ скорѣе:
 Я не могу состязаться съ Эротомъ безъ влаги Лія.

IV.

Свѣжую зелень петрушки въ душистый вѣнокъ заплетая,
 Мы посвятимъ Діонису сегодняшній радостный праздниекъ.

V.

Отрокъ, красавецъ мой дѣвственноокий!
 Я къ тебѣ сердцемъ стремлюся, а ты, непонятный,
 Словно не знаешь, что держишь бразды моей воли въ ручѣнкахъ.

VI.

Правда, для юноши милы мои задушевные рѣчи:
 Пѣть я умѣю — умѣю и вымолвить красное слово.

VII.

Страшнымъ ударомъ меня поразилъ ты, Эроть безпощадный!
 Словно кузнецъ своимъ молотомъ, въ сердце ударилъ и бросилъ
 Въ бурный потокъ, разбушѣванный зимнимъ ненастьемъ.

VIII.

Я пообѣдалъ кускомъ итріона и трапезу трезво
 Кончилъ умѣреннымъ кадомъ вина молодова.
 Страстные звуки пектиды дрожать подъ рукой моей снова;
 Снова забылся я съ дѣвою пылкой и рѣзвой.

IX.

Рогъ Амальеи мнѣ вовсе ненуженъ,
 И полтора ста лѣтъ царствовать я не желаю въ Тартессѣ...

X.

Мѣсяцъ Посейдона вновь возвратился:
 Тучи дождями чреваты, и воютъ жестокія бури...

XI.

Полно, подобно волнамъ, лепетать съ Гастродорой шумливой,
 Жадно упившись виномъ, возліяннымъ домашнему Зевсу...

XII.

Страннопримный хозяинъ! я жажду: позволь мнѣ напиться.

XIII.

Чашу глубокую пью за твое я здоровье,
 Бѣлымъ перомъ осѣнившіи себя шлемоносець Эрхіонъ!...

XIV.

Пляшутъ изящно онѣ, лѣпокудрныя дочери Зевеса...

XV.

По три вѣнка на пирующихъ было:
 По два изъ розъ, а одинъ изъ листковъ навкратита...

XVI.

Десять ужъ мѣсяцевъ носить вѣнокъ изъ витѣкса
 Вѣчно веселый Мегейсть, и вкушаетъ вседневно
 Меду подобный по сладости сокъ винограда...

XVII.

Что ты бѣжишь отъ меня, какъ на крыльяхъ, натерши духами
Тошя перси, пустыя, какъ дудки пастушьей свирѣли?...

XVIII.

О, Левкастида! я двадцатиструнною лирой владѣю;
Ты же владѣешь цвѣтущею юностью, дѣва!

XIX.

Это копье, всѣхъ печалей вину, полюбилъ онъ...

XX.

Быстро парю я на крыльяхъ къ вершинамъ Олимпа...
Въ этомъ виновенъ Эротъ: полюбилъ я красавицу страстно,
Но горделивая дѣва не хочетъ рѣзвиться со мною.

XXI.

КЪ АРТЕМОНУ.

Этотъ Артёмонъ... какъ нѣжится онъ въ колесницѣ!
Сколько заботъ Еврипилѣ, красавицѣ русой приносить!...

. . . . .
Нѣкогда онъ въ колпакѣ красовался пастушьемъ,
Нѣкогда въ уши вдѣвалъ деревянные серьги,
Чресла себѣ опоясывалъ лѣскутомъ кожи бычачьей,
Содранный гдѣ-то съ щита обветшалого... Этотъ Артёмонъ,
Да, этотъ гнусный любезникъ теперь посѣщаетъ
Только пирѣжни да пстыхъ развратниковъ: съ помощью ихъ **лишь**
Можетъ влачить онъ презрѣнную жизнь беззаботно.
Сколько колодокъ ему надѣвали на шею,
Сколько разъ, спиву ременнымъ бичомъ взбороздивши,
Бороду всю и пригѣршни волосъ вырывали!
Нынче достойное чадо Киней не можетъ
Выѣхать изъ-дому иначе, какъ въ колесницѣ,
Съ цѣпью — изъ чистаго золота слитой — на шеѣ,
Зонтомъ изъ кости слоновьей прикрытый, какъ жѣны.

XXII.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ЭРОТУ.

Мощный Эротъ, повелитель вселенной!
 Нимфѣ синеокихъ и розолантной Киприды
 Въ пляскахъ по горнымъ вершинамъ любимыи участникъ!
 Я предъ тобой преклоняю колѣна:
 Будь благосклоненъ къ усердной молитвѣ —
 Дай достодожный совѣтъ Клеобулу,
 Чтобъ не отвергъ моей страсти красавецъ.

XXIII.

МОЛОДОЙ ЛЕЗБІАНКѢ.

Богъ своеправный, Эротъ златокудрый,
 Бросивъ румяное яблоко мнѣ, на игру вызываетъ
 Съ юною дѣвою Лѣзбоса, острова, славнаго градомъ;
 Но, справедливо меня упрекнувъ сѣдиною,
 Сердце свое отдаетъ лезбіанка другому.

XXIV.

Взями лотосовъ перси они украшаютъ...

XXV.

Полный потиръ въ три кіаѳа поднявши, рабыня
 Намъ наливаетъ напитокъ, сладчайшему меду подобный...

XXVI.

Такъ ей и слышатся чьи-то привѣтныя рѣчи...

XXVII.

Жажду всегда я съ тобой сладострастья:
 Такъ всѣ приемы твои благородны...

XXVIII.

Гòрода нашего свѣжій вѣнокъ, ты завянулъ сегодня!...

XXIX.

Вкусными яствами были столы изобильно покрыты...

XXX.

Нѣтъ, не хочю съ этихъ поръ посѣщать я еракіянки этой...

XXXI.

Вѣситъ всегда на вѣсахъ у себя онъ богатства Тантала...

XXXII.

Ты, боязливая птица, кукушка...

XXXIII.

Ловкимъ изгибомъ руки приготовясь къ коттабу...

XXXIV.

Въ печь раскаленную руку засунуть...

XXXV.

Что за любезная юная дѣва,
Разумъ тебѣ помутивъ, увлекла за собой въ хороводы,
Въ ладъ геміонѣ, подъ звукъ плясового напѣва?

XXXVI.

Милая сердцу пѣвица, косятка...

XXXVII.

Сынъ Аристоклеса, между друзей моихъ юныхъ храбрѣйшій!
Горько я плачу надъ ранней твоею могилой:
Въ лѣтахъ цвѣтущихъ ты умерь, но смертью отмстилъ за отчизну
И даровалъ ей свободу...

XXXVIII.

Вотъ изваянье коня: Филодасъ, уроженецъ Коринѳа,
 Стѣнообширнаго града, воздвигъ его сыну Сатурна,
 Въ память и силу бѣгуна, и его быстроты необгонной.

XXXIX.

Эту тунуку Праксидика шила, но ткань выбирала
 Ей Дизерида: пріязнь между ними взаимна...

XL.

Богъ сребролюбивъ, молеблю усердному виявши,
 Будь благосклоненъ въ Навкратису, сыну Эхила,
 Будь благосклоненъ въ нему, и желанья исполни!

XLI.

ПАМЯТНИКЪ.

Первый меня Каллистелесъ воздвигнулъ;
 Слѣли ему изваяніе; нынѣ потомки
 Всѣ — и ему, и потомкамъ его благодарны.

XLII.

Даръ этотъ въ жертву богамъ Пропагоръ, сынъ Ликей, повѣсилъ.
 Анаксагоромъ художническія работы затѣвливой звѣлся.

XLIII.

Памятникъ этотъ, побѣду сердечную имъ знаменуя,
 Сынъ Арейфила, Меланеъ, воздвигаетъ въ честь сына Семелы,
 Любящей страстныя жертвы — вѣнки изъ цвѣтовъ — героини.

XLIV.

Щитъ этотъ крѣпкій въ священной дубровѣ Аэины повѣшенъ
 Въ память того, что Пифона прикрылъ онъ въ губительной свѣѣ.

XLV.

Въ честь твою, Вакхъ, украшеніемъ города дивнымъ,
Памятникъ выстроилъ сынъ Эхекрата и вождь ессалійскій.

XLVI.

Вѣстникъ боговъ, къ Тимонаксу пребудь благосклоненъ!
Гермесу, мощному богу, меня онъ воздвигнулъ
Лучшей прикрасою чудныхъ сѣней. По его же желанью,
Доступъ ему я доставлю въ гимназій гражданъ-туземцевъ.

XLVII.

Въ память всѣхъ жертвъ, принесенныхъ тебѣ Глеіасомъ,
Ясные дни ниспосли ему, Маи сынъ благосердый!
Пусть проживетъ онъ въ семьѣ Эвонимовъ правдивой,
Пусть ему выпадетъ жребій счастливой!

XLVIII.

Въ этой гробницѣ покоится прахъ Тимократа,
Мужа, безстрашнаго въ битвахъ: щадя презираемыхъ трусовъ,
Къ храбрымъ суровый Арей безпощаденъ.

XLIX.

Вся собралася Абдера оплакать костѣрь Агатона,
Рано сраженнаго смертью. Еще ни однажды
Богъ кровожадный Арей, посреди ужасающей сѣчи,
Болѣе храбраго юноши-воина въ область аида
Не низводилъ, ясный свѣтъ отъ очей его скрывши.

L.

Также тебя, Клеоноридъ, желанье увидѣть отчизну
Жизни лишило подъ чернымъ дыханіемъ зимняго Нота:
На морѣ буря тебя задержала — и пѣнныя волны
Скрыли въ пучинѣ тебя и твою расцвѣтавшую юность.

LI.

МЕНАДЫ.

Съ Тирсомъ идетъ Геликѡнія, рядомъ Ксантиппа,
 Слѣдомъ ихъ—Главка. Съ горы онѣ сходятъ послѣшно,
 Въ жертву неся Діонису и плющъ, и румяные грозды,
 И откормлѣннаго тучно въ минувшую зиму козленка.

LII.

Милъ мнѣ не тотъ, кто, за полною чашей Лія,
 Рѣчи заводитъ о ссорахъ и битвахъ плачевныхъ:
 Милъ мнѣ лишь тотъ, кто, дары благодатные музъ и Киприды
 Всѣ съединивъ, веселится любезно.

LIII.

МИРОНУ.

Дальше коровъ отведи, волопасъ, чтобъ телицу Мирона
 Съ стадомъ своимъ не угнать, какъ живую.

LIV.

Нѣтъ, не изъ мѣди отлита телица Мирона:
 Старость ее закалила и сдѣлала мѣдной; Миронъ же
 Въ шутку намъ выдалъ ее за свое изваянье.

LV.

ЭПИТАЛАМА.

Небожительницъ царица,
 Молодая Киеерея,
 И Эротъ, владика смертныхъ,
 Сопрестольникъ Гименея,
 Гименея, жизнедавца,
 Васъ теперь я воспѣваю,

Вамъ—Эроту съ Гименеемъ
 И съ царицею Пафосской—
 Пѣснь хвалебную слагаю!
 Погляди же на супругу,
 Юный мужъ! но, для начатка,
 Осторожнѣй будь, охотникъ:
 Не вспорхнула бь куропатка.
 О, избранныкъ Клеерси,
 Сочетавшійся съ Мириллой,
 О, Стратоклесъ! полюбуйся
 На красы подруги милой.
 Посмотри—какіе кудри!
 Какъ свѣжа твоя Мирилла,
 Стройногблая — что лѣзы!
 Роза межъ цвѣтовъ царнца,
 А Мирилла межъ красавицъ
 Та же царственная роза.
 Пусть освѣтитъ ваше ложе
 Ясный Фебъ горячимъ взглядомъ,
 Пусть у васъ растетъ высоко
 Кипарисъ надъ вертоградомъ.

LVI.

Видѣлъ я въ хорѣ Симала съ прекрасной пегтидой...

LVII.

Рѣзвый Эротъ, на мою посѣдѣвшую бороду глянувъ,
 Крылья златня расправилъ и быстро умчался...

ЗАМѢТКИ ОБЪ АНАКРЕОНѢ.

За шесть вѣковъ до Р. Х., весь юго-западъ Азіи и прилежащія страны Африки и Европы становятся позорищемъ великихъ переворотовъ: на развалинахъ древнихъ азіискихъ государствъ возникаетъ колоссальная монархія персовъ—отъ истоковъ Инда до Средиземнаго моря, отъ Кавказскихъ горъ до верховьевъ Нила. Вавилонъ, Мемфисъ и Тиръ сливаются воедино; воинственные орды Кира и его преемниковъ проникаютъ и въ ливійскія пустыни, и въ скиѣскія кочевья; малоазійскія колоніи грековъ входятъ въ одну изъ персидскихъ сатрапій; ветхая, но мгновенно помолодѣвшая Азія угрожаетъ юной Европѣ.

Но въ то же время, предвѣстникомъ близкой и могучей борьбы съ востокомъ, начинается сильное внутреннее движеніе въ Элладѣ. Нѣкоторыя греческія общины, какъ бы нища спасенія въ единствѣ, подчиняются власти отдѣльныхъ лицъ; другія сознаютъ непрочность своего гражданскаго устройства и требуютъ кореннаго преобразованія общества. Во главѣ послѣднихъ стоятъ Аѣины, и въ скоромъ времени становятся въ главѣ всей Эллады. Виновникомъ ихъ могущества былъ Солонъ.

Солонъ родился въ 592 г. до Р. Х. въ г. Саламинѣ. Отецъ его, потомокъ Кодра, отличался необыкновенной благотворительностію, разстроившей все его состояніе. Желаніе поправить дѣла заставило молодого Солона посвятить себя торговлѣ. Съ этою цѣлію онъ предпринялъ отдаленныя и продолжительныя путешествія: объѣхалъ Архипелагъ и Малую Азію, достигалъ предѣловъ Индіи, нѣсколько разъ посѣщалъ Египетъ. Значительное образованіе и природная наблюдательность помогли Солону обогатить умъ разнородными и положительными знаніями. Болѣе всего старался онъ изучать систему правленія различныхъ государствъ,—и сдѣлался разумнымъ, свѣдущимъ политикомъ. Философія и поэзія сблизили его съ умнѣйшими людьми того времени, и ихъ-то вліянію обязанъ онъ окончательнымъ образованіемъ своего ума и сердца. Друзьями и наставниками его были: Фалесъ, Питтакъ, Віасъ, Клеовулъ, Мизонъ, Хилонъ и Анахарсисъ. Здѣсь не мѣсто разбирать значеніе

Солона, какъ философа и поэта, и потому мы скажемъ нѣсколько о его законодательной дѣятельности. Прибывъ въ Аены около 569 г. до Р. Х., Солонъ началъ излагать свои теоріи и осуществлять ихъ на дѣлѣ, при исправленіи возлагаемыхъ на него общественныхъ должностей. Возведенный напослѣдокъ въ санъ архонта, онъ отказался отъ предложеннаго ему царскаго вѣнца и учредилъ въ Аениахъ демократическое правленіе, умѣренное вмѣшательствомъ аристократіи. Основую народнаго управленія было равенство гражданъ, обезпеченное мудрыми законами. Уничтоживъ безчеловѣчныя, кровавыя узаконенія Дракона, Солонъ составилъ новый сводъ узаконеній, кроткихъ, но правосудныхъ, болѣе согласныхъ съ нравами аеинявъ. Прежде всего озаботился онъ скрѣпить семейныя узы святостью брака, однако же не могъ достигнуть полнаго успѣха: уступая современнымъ обычаямъ, онъ былъ вынужденъ допустить разводъ, хотя и на строгихъ условіяхъ. Саны жреца и судьи получили въ узаконеніяхъ Солона великое значеніе, сообразное съ великостью сопряженныхъ съ ними обязанностей. «Да будетъ изгнанъ изъ суда, изъ народнаго собранія и изъ храма», говоритъ Солонъ, «да будетъ подверженъ строжайшей карѣ всякой тотъ, кто, заклеименный позоромъ разврата, дерзнетъ исполнять священныя должности законодателя и судьи; да будетъ немедленно преданъ казни судія, представшій народу въ нетрезвомъ видѣ.» Вообще узаконенія Солона основаны на глубокомъ знаніи человѣческаго сердца и на разумномъ пониманіи обязанностей человѣка въ отношеніи къ религіи, къ обществу и къ семейству. Они составляютъ краткій сводъ естественныхъ законовъ и писаны стихами, чтобы народу было легче ихъ запомнить. Самъ Солонъ отзывался о нихъ такъ: «Я не написалъ образцовыхъ законовъ, но моимъ законамъ скорѣе всего подчинятся аеиняне». Солонъ ошибался. Когда онъ, опасаясь искушеній власти, добровольно обрекъ себя на изгнаніе и возвратился въ Аены, по истеченіи десяти лѣтъ странствованія, аеинская община уже была въ рукахъ Пизистрата.

Родственникъ Солона по матери, умный, смѣлый, краснорѣчивый и великодушный, Пизистратъ, въ отсутствіе законодателя, окружилъ себя толпою горячихъ приверженцевъ, недовольныхъ новыми узаконеніями и, во имя общаго равенства, овладѣлъ браздами правленія.

Солонъ попытался начать борьбу съ властелиномъ Аенъ, но тщетно. Въ своемъ стихотвореніи «Бѣдствія аеинявъ» онъ поражаетъ аеинскихъ гражданъ укорами:

«Аены, градъ Минервы, никогда не погибнетъ велѣніемъ Рока: его разрушать собственные граждане.

«О, народъ, о безсмысленные вожди, ненасытные въ желаніяхъ, неспособные мирно наслаждаться земными благами! виновница вашихъ бѣдствій — ваша же несправедливость. Не уважая неприкосновенныхъ правъ собственности, не уважая общественныхъ сокровищницъ, не заботясь о соблюденіи священныхъ законовъ правосудія, каждый изъ васъ спѣшитъ овладѣть государственнымъ достояніемъ.

«А между тѣмъ правосудіе молча считаетъ минувшія событія, взвѣшиваетъ текуція—и близко къ часу, покарующій преступника.

«Общественное бѣдствіе проникаетъ и въ частныя дома; *красивыя портнки и мѣдныя двери* ему не преграда: восходитъ оно на самыя высокія кровли и тамъ отыскиваетъ своихъ жертвъ также легко, какъ будто онѣ укрылись не на кровлѣ, а на ложѣ.

«Аѳиняне, не приписывайте вашего бѣдствія богамъ: оно порождено вашимъ развратомъ: *вы сами придали силу истущимъ васъ рукамъ. Утѣшители ваши подползли лукаво, какъ лисица, а вы—вы безумцы и трусы: вы увлекаетесь пустымъ витійствомъ и красивыми словами.* Въ дѣлахъ важныхъ вы никогда не руководствуетесь разумомъ.

«Разрушительную силу несутъ съ собою воспламененныя тучи и звучный градъ; стремительнымъ громомъ разражается вспыхнувшая молнія; вѣтеръ поднимаетъ на морѣ грозную бурю—и часто великія государства погибаютъ отъ великихъ людей; часто неразумные народы мгновенно преклоняются подъ яремъ хищниковъ. Я далъ моими законами равную власть всѣмъ гражданамъ; ни у кого ничего я не отнялъ, никому ничего не далъ лишняго; я повелѣлъ самымъ богатымъ и самымъ могущественнымъ не наносить вреда и ущерба слабѣйшимъ; великихъ и малыхъ приерылъ я двойнымъ щитомъ, и обѣ половины его были равно крѣпки, и одни не получили болѣе, чѣмъ другіе. Моими совѣтами прѣзрѣли—и нынѣ несутъ заслуженную кару».

Но укоры Солона были уже безсильны, и онъ самъ указалъ причины своего безсилія: *красивыя портнки, мѣдныя двери, послабленіе разврату, лисье лукавство, красныя слова*—вотъ въ чемъ заключается тайна владычества Пизистрата. Онъ обратилъ Аѳины въ разсадникъ искусствъ, поэзіи и наукъ; онъ украсилъ городъ величественными произведеніями ваянія и зодчества; онъ не преслѣдовалъ общественныхъ нравовъ и роскоши строгостью законовъ; онъ подчинялъ себѣ народъ *краснымъ словомъ*. Понятно, что аѳиняне предпочли его Солону. Мудрый законодатель, удалившись навсегда изъ Аѳинъ, кончилъ жизнь въ изгнаніи,—и легкомысленные граждане позабыли о великомъ мужѣ, нѣкогда восклицавшемъ передъ народнымъ собраніемъ: «Есть Богъ, есть верховный владыка! Никто изъ смертныхъ не равенъ ему могуществомъ. Мы можемъ имѣть только темное понятіе о его божественности. Падемъ же съ мольбою передъ всецѣльнымъ Господомъ, да проліетъ онъ нѣсколько лучей своей славы на наши законы и да благословитъ ихъ счастливымъ успѣхомъ!»

Власть Пизистрата была прочна: она перешла, какъ законное наследіе, къ его сыну, Гишпарху.

Однородныя и одновременныя съ Пизистратомъ явленія представляютъ Питтакъ Митленскій, Тимондасъ Эвбейскій и Поликратъ, тиранъ Самосскій.

Мы намѣренно остановились на Солонѣ и Пизистратѣ, чтобы дать хотя поверхностное понятіе о томъ времени, когда въ первый разъ зазвучала лира Анакреона: ея строй вторить строю общественному.

Передадимъ теперь нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о теосскомъ пѣвцѣ.

Основываясь на свидѣтельствѣ другихъ писателей и на пзысканіяхъ схоластиковъ, можно съ достовѣрностью опредѣлить годъ и мѣсто рожденія Анакреона: онъ родился въ 532 году до Р. Х. въ іонійскомъ городѣ Теосѣ ¹⁾. Анакреонъ, вмѣстѣ съ Солономъ и Пизистратомъ, считается однимъ изъ потомковъ царя Кодра ²⁾: его мать, по имени Эеція, и мать Пизастрата были двоюродными сестрами. Имя его отца достовѣрно неизвѣстно: у схоластикомъ встрѣчаются три имени — Эвмелъ, Аристокритъ и Парѳеній; греческій писатель Свидасъ называетъ его — и кажется съ большимъ вѣроятіемъ — Скиеиномъ. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о юности Анакреона; знаемъ только, что онъ былъ современникомъ знаменитыхъ мужей Эллады: Солона, Пизистрата, Пиеагора, Гиппарха, Поликрата Самосскаго и — слѣдовательно — современникомъ Кира, Креза, Камбиза, Амазиса. О Крезѣ, какъ о царствующемъ владыкѣ сардовъ, упоминаетъ самъ Анакреонъ въ XV-й пѣснѣ, но называетъ Креза родовымъ именемъ его дѣда, Гига. Гражданская дѣятельность Анакреона также не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ, несмотря на удостовѣреніе Геродота, что Поликрать Самосскій нерѣдко совѣтовался съ Анакреономъ въ государственныхъ дѣлахъ. Первую половину своей жизни Анакреонъ провелъ, повидимому, внѣ своей отчины, при дворахъ Поликрата, Гиппарха и въ странствованіяхъ по разнымъ городамъ Эллинскаго материка и острововъ. Въ Теосѣ возвратился онъ уже на 45-мъ году, но вскорѣ принужденъ былъ снова оставить родной городъ и удалиться, вмѣстѣ со многими изъ своихъ согражданъ, во еракійскій городъ Абдеру. Одинъ изъ біографовъ Анакреона, Бодоній, говоритъ, что причиною переселенія теосцевъ во Фракію было возмущеніе, произведенное въ Теосѣ Гистіземъ. Трудно предположить, чтобы Анакреонъ былъ участникомъ въ этомъ возмущеніи, но пребываніе его въ Абдерѣ, кромѣ показаній нѣсколькихъ писателей, подтверждается имъ самимъ въ эпитафіи Агатону. Вѣроятно, не политическія убѣжденія, а болѣе мирныя привязанности увлекли Анакреона вслѣдъ за его соотечественниками. Это предположеніе подтверждается свидѣтельствомъ того же Бодонія, что Анакреону нравился климатъ Абдеры и нравы еракійцевъ, страстныхъ любителей поэзіи.

Анакреонъ умеръ на восемьдесятъ-пятомъ году и, вѣроятно, въ Абдерѣ. Валерій Максимъ, Плиній и Эней Сильвій согласно утверждаютъ, что онъ подавился сѣмечкомъ изюма, единственной его пищи въ послѣдніе дни жизни.

Судя по отзывамъ Платона и Юліана, Анакреонъ былъ красивъ и статенъ. *«Не только красотою тѣла, но и добродѣтелями ты сходенъ съ своими предками со стороны отца, съ Дропидомъ, съ Анакреономъ»*, говорятъ Сократъ Хармиду ³⁾. *«Мнѣ снилось, что Анакреонъ*

¹⁾ Евсевій—объ Анакреонѣ. — ²⁾ Бакстеръ. Анакреонъ. ³⁾ Платонъ — въ «Разговорѣ объ умѣренности».

глядитъ на меня и зоветъ къ себѣ. Я бросаюсь къ теосскому пѣвцу, цѣлю его и прижимаю къ сердцу. Онъ былъ уже старъ, но еще сохранилъ *свѣжую красоту*. Очи его горѣли сладострастіемъ» ¹⁾. Молодыя силы не покидали Анакреона до преклонной старости, и онъ самъ говорить: «Я старъ, но пью больше молодыхъ, и когда нужно водить хоро-воды, беру вмѣсто скипетра винный мѣхъ. Кто хочетъ выйти со мной на единоборство? Выходите и сражайтесь» ²⁾. «Дайте мнѣ ктонибудь этой влаги, что струится изъ рукъ осени, подруги Вакха; и будьте свидѣтелями *силы* старика, умѣющаго говорить, умѣющаго пить и безумствовать пристойно» ³⁾. «У пляшущаго старика стары только волосы: духъ его юнъ» ⁴⁾. Природныя данныя были развиты въ Анакреонѣ многостороннимъ образованіемъ. Сошлемся на мнѣніе переводчика Анакреона, Денне-Барона (Denne-Baron):

«Теосскій пѣвецъ умѣетъ переминыть лиру, умѣетъ держать въ рукѣ и барбитонъ, и пектиду. Хореографъ, онъ знакомъ со всѣми ритмами пляски, и самъ сочиняетъ новые; астрономъ, онъ показываетъ намъ въ полночь созвѣздіе Медвѣдицы, вращающейся подъ рукой Волопаса; живописецъ, онъ изображаетъ намъ Ваеилла и свою гетеру такими живыми красками, что позже имъ могли бы позавидовать Зевксисъ и Аппеллесъ; въ пѣснѣ «Къ любовницамъ», онъ, какъ новый аргонавтъ, огибаетъ берега и острова Средиземнаго моря; на его записныхъ дощечки заносятся поочередно — Аены, Коринѣ, Лесбосъ, Іонія, Родосъ, Карія, Критъ, Кадиксъ, Сирія, Канона, и далѣе — Бактріана, Индія; безукоризненный грамматикъ, онъ блистаетъ своимъ слогомъ, чистымъ, какъ его сердце, яснымъ, какъ его жизнь. Затѣмъ Анакреону принадлежить по праву имя мудреца, данное ему самимъ божественнымъ Платономъ въ «Филебѣ», имя вполне заслуженное безпримѣрнымъ безкорыстіемъ поэта. Стобей, опираясь на свидѣтельство Аристотеля, рассказываетъ, что Пизистратъ почтилъ своего пѣвца и друга денежнымъ подаркомъ въ 5 талантовъ ⁵⁾; Анакреонъ отослалъ назадъ эту сумму, сказавъ, что «деньги приносятъ ему много заботъ» ⁶⁾. Не мудрецъ ли онъ, этотъ простой, но величественный старецъ, предпочитавшій всему золоту Креза свою милую голубку, свою подругу и вѣстницу? Не мудрецъ ли онъ, оставившій «Гомеру убійственную струну лиры» и воспѣвшій провозвѣстника лѣта, мирнаго, безобиднаго кузнечика? Не мудрецъ ли тотъ, кто самъ сознается въ слабости своего духа и вноситъ это признаніе въ свои сочиненія? «Мало времени остается мнѣ въ этой жизни», говорить поэтъ: «при этой мысли, я часто содрогаюсь: такъ я боюсь тартара! подземный путь къ нему — ужасенъ». Сожалѣя о чарующихъ прелестяхъ жизни, Анакреонъ напоминаетъ намъ этотъ слезный стихъ пѣвца Энея:

Et dulus moriens reminiscitur Argos.

¹⁾ Антологія. Пѣсня Юліана къ Анакреону.—²⁾ Пѣсня XXXVIII.—³⁾ Пѣсня ЛII.—⁴⁾ Пѣсня XLVII.—⁵⁾ Около семи съ половиною тысячъ рублей серебромъ.—⁶⁾ Кажется, этотъ подарокъ былъ поводомъ къ XXIII пѣснѣ.

«Да! жизнь сладостна всёю — и герою, и пѣвцу. И были люди, дерзнувшіе называть теоскаго старца хвастливымъ философомъ, не хотѣвшимъ даже прислушиваться къ докучному плеску волнь Ахерона!»

Послѣднія слова направлены на пѣкоторыхъ порицателей Анакреона, признающихъ въ немъ *только* сладострастнаго поэта, торопливо наслаждавшагося матеріальными благами кратковременной жизни: нравственнаго смысла его пѣсенъ эти порицатели не признаютъ. Но порицанія ихъ — вопіющая несправедливость. Анакреонъ благоговѣлъ передъ веселымъ Ліэемъ и передъ красавицею Афродитой, благоговѣлъ, какъ язычникъ, передъ своими божествами, однако же воздерживался и отъ постыжныхъ возліяній, и отъ неумѣренныхъ жертвъ.

Красоты природы, возвращеніе весны, аромать розы, хороводная пляска харитъ, сладкія рѣчи богини Убѣжденія неменѣе любезны страстному теосцу, и имъ посвящаетъ онъ цѣлыя часы вдохновенія.

«Овидій, говоря объ Анакреонѣ», продолжаетъ Денне-Баронъ, «употребляетъ выраженіе: *vitiosus senex*, выраженіе, неистойно переведенное невѣждами словомъ — *пьяница*. Не потому ли, что Павзаній упоминаетъ объ изваяніи, изображавшемъ поэта въ положеніи человѣка поющего и шатающагося? Но какой же бездарный рѣзецъ могъ бы придать Анакреону степенную осанку эфора или градоправителя? Когда Анакреонъ пѣетъ, — поклонникъ харитъ, онъ пѣетъ не изъ грубаго ковша сварливаго скина, а изъ чаши, имъ самимъ заказанной художнику, изъ серебряной чаши съ золотыми изображеніями винограднаго сбора и невинныхъ игръ красавцевъ-отроковъ. Наливая чашу, Анакреонъ никогда не забываетъ чествовать боговъ: рѣзкая противоположность съ современными эпикурейцами, чернычами въ богохульныхъ пѣсняхъ вѣру своихъ отцовъ.

«Но что сказать о пылкой привязанности поэта къ красавцу Клеобулу, къ нѣжному Мемсту, къ юному Ваеиллу, этому идеалу всѣхъ совершенствъ? Мы можемъ сказать вотъ что: однѣ цѣломудренныя музы — однѣ во всей Греціи — покраснѣли и опустили покрывала, когда на Олимпѣ, за трапезою Зевса, юный виночерпій Ганимедъ смѣнилъ дѣвственную Гебу».

Въ греческой антологіи сохранились двѣ надгробныя надписи Анакреону; обѣ принадлежать неизвѣстнымъ поэтамъ.

Первая гласитъ:

«Я часто пѣлъ и теперь повторяю мою пѣсню изъ гробницы: пойте, пока ваше тѣло не обратится въ прахъ».

Вторая:

«Анакреонъ много пилъ и умеръ, но умеръ посреди наслажденій: ты хотя и не пьешь, но тѣмъ не менѣе сойдешь въ область аида».

Обѣ эти надписи ровно ничего не доказываютъ ни *за*, ни *противъ* нравственности Анакреона, однако же приводятся въ доказательство сильной его склонности къ вину.

Гораздо уважительнѣе для насъ слова Платона, называющаго Анакреона *мудрымъ и добродѣтельнымъ*; гораздо болѣе говорить въ пользу Анакреона уваженіе къ нему Пизистрата, Гиппарха и Поликрата, а также искренняя дружба Пиеагора, этого строгаго, воздержнаго мыслителя и образцоваго гражданина.

Впрочемъ многочисленные защитники Анакреона, и древніе, и новѣйшіе, горячо стоятъ за своего любимца, и одинъ изъ нихъ, Эліанъ Сладкорѣчивый ¹⁾, восклицаетъ: «Да не дерзнетъ никто оскорблять память теосскаго пѣвца, называя его невоздержнымъ!» Иосифъ Патритианъ до того увлекается похвалами Анакреону, что преступаетъ всякіе предѣлы: по словамъ Бодонія, онъ относитъ нѣкоторыя пѣсни іонійскаго пѣвца къ Предвѣчному Младенцу.

Что касается современниковъ Анакреона, любовь ихъ къ пѣснямъ теосса доходила до восторга, до страсти.

«Съ того дня, какъ Анакреонъ» (мы приводимъ слова Денне-Барона) «пропѣлъ свой удивительный гимнъ Венерѣ-Анадіоментѣ, матери Эрота, выходящей изъ волнъ, съ того дня не было на моряхъ Греціи ни одной лодки, гдѣ бы не звучали пѣсни іонійскаго старца. Вскорѣ эхо скалъ и острововъ перенесло эти пѣсни на материкъ. Уже Поликрать, въ своемъ самосскомъ дворцѣ, сдѣлалъ блистательный приемъ поэту, и Анакреонъ, по свидѣтельству Геродота, вскорѣ до того сблизился съ властелиномъ Самоса, что возсѣдалъ съ нимъ рядомъ во время приема вѣстника, посланнаго сардисскимъ сатрапомъ Орозетесомъ. Позже, чтобы очаровать жадныхъ до новостей аеянъ, еще незнакомыхъ съ мастерскими произведеніями Эсхила, Эврипида, Софокла, Аристофана и Кратина, аеянъ, еще неиспытанныхъ ощущеній страха, сожалѣнія и неудержимаго смѣха, Пизистратъ приказалъ оснастить пятидесяти-весельную галеру съ позолоченными мачтами: галера была отправлена за Анакреономъ и привезла его въ Аены. Платонъ рассказываетъ это событіе въ своемъ *Гиппархѣ*. Анакреонъ, стоя на кормѣ, въ вѣнѣ изъ розъ, съ бородой, опрысканной духами, съ чашей въ рукѣ, не олицетворялъ ли собой бога наслажденій, совершающаго священныя возліянія Эгейскому морю — этой вѣтренной Нереидѣ, одѣтой Байрономъ въ длинную, волнистую ризу изъ сафира и золота ²⁾»?

Теосцы воздвигли въ честь Анакреона статую. Въ Аенинахъ статуя Анакреона, описанная Павзаніемъ, была поставлена въ акрополѣ, близъ святилища Аены, рядомъ съ изваяніемъ, изображавшимъ Перикла.

Оеокритъ написалъ къ теосской статуѣ стихотвореніе, передаваемое нами въ близкомъ переводѣ:

Пристально въ статую эту взглядишь, чужеземецъ
И, возвратясь домой къ себѣ, молви: «я видѣлъ въ Теосѣ

¹⁾ Ист. Эліана, т. IV, кн. IX.

²⁾ Again his waves in milder tints unfold
Their long array of psaphire and of gold.
(*The Corsair*. Cant. III).

Анакреона, пѣвца несравненнаго древности славной,

Если прибавишь: «и лучшаго юности друга» —

Въ этихъ немногихъ словахъ ты очертишь безсмертнаго мужа.

Сочиненія Анакреона дошли до насъ далеко не вполнѣ: по досто-
вѣрнымъ извѣстиямъ, онъ сочинилъ двѣ поэмы: «Улиссъ и Пенелопа» и
«Сонъ», нѣсколько элегій, ямбовъ, гимновъ и множество пѣсень; но
намъ сохранились только 60 пѣсень и до 60 отрывковъ.

Въ первый разъ текстъ Анакреона былъ изданъ въ 1554 году, въ
Парижѣ, Гейнрихомъ Стефаномъ, съ присовокупленіемъ латинскаго пере-
вода издателя. Съ этого времени, въ теченіе трехсотъ лѣтъ, появилось
весьма значительное число изданій Анакреона, съ прозаическими и
стихотворными переводами, преимущественно на языкахъ — французскомъ,
нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и испанскомъ. Одна французская
словесность считаетъ до 130 изданій.

Отечественная словесность имѣетъ два почти-полныхъ перевода Ана-
креоновыхъ пѣсень.

Первый переводъ принадлежитъ неизвѣстному автору, скрывшему
свое имя подъ нѣсколькими звѣздочками ¹⁾.

Этотъ переводъ, съ текстомъ на лицо, появился въ Петербургѣ въ
1794 году ²⁾, и напечатанъ въ типографіи корпуса чужестранныхъ едино-
вѣрцевъ. Въ немъ заключается 61 пѣсня (считая эпиграму Стратоклесу
и Мириллѣ) и 15 отрывковъ. Вотъ что говоритъ самъ авторъ о своемъ
переводѣ:

«Анакреонъ переведенъ на русской языкъ съ греческаго, котораго я
не знаю; но лѣтъ пять-шесть назадъ не труднѣе бы мнѣ можетъ быть было
выучиться языку, нежели перевести вмѣсто одной книги по крайней мѣрѣ
десять съ разными языковъ, а сіе вотъ какимъ образомъ:

«Человѣкъ добровольной и греческой языкъ хорошо знающій ³⁾, взялъ
на себя трудъ подписать мнѣ каждое слово въ подлинникѣ такимъ образомъ:

(Приводится въ примѣръ 1-я пѣсня «къ Лирѣ» съ подсловнымъ рус-
скимъ переводомъ подлинника.)

«Подъ руководствомъ снисходительнаго, въ знаніи греческаго языка
несравненнаго, просвѣщеннаго и почтеннаго мужа, взялъ я на себя
педагогическія вериги — не выпустить ни какой рѣчи, и перевести оныя
въ стихахъ греческой же мѣры, не теряя сколько возможно плавности
и свободы, красоту Анакреоновыхъ мыслей возвышающихъ, и для сего
долженъ былъ при всякомъ почти стихѣ справляться въ морѣ здѣсь при-
ложенныхъ переводчиковъ, свидѣтельствующихъ достоинство автора, изъ

¹⁾ Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что упоминаемый переводъ
сдѣланъ покойнымъ литераторомъ Кутузовымъ.

²⁾ Мы не знаемъ, были ли другія изданія.

³⁾ Изъ примѣчаній оказывается, что авторъ говоритъ о митрополитѣ Евгеніи.

числа которых слѣдовалъ я болѣе тѣмъ, кои отмѣчены звѣздочками¹⁾. Для осужденія меня прошу (тѣхъ, кои греческаго языка не знаютъ) сличить переводъ мой съ другими, и наказати за то, гдѣ я отдалился отъ смысла подлинника».

Переводу безыменнаго автора предпослано нѣсколько біографическихъ свѣдѣній объ Анакреонѣ, а на каждую пѣсню, при концѣ книги, сдѣланы міеологическія и філологическія примѣчанія, съ ссылками на разные авторитеты, и съ присовокупленіемъ подражаній Ломоносова и Державина. Переводчикъ старался строго держаться подлинника и исполнилъ свой трудъ возможно-добросовѣстно; но языкъ перевода, разумѣется, уже очень устарѣлъ и къ сожалѣнію не передаетъ даже тѣни анакреоновскаго стиха. Мѣстами встрѣчаются произвольныя вставки; мѣстами смыслъ подлинника или понять превратно, или искаженъ. Впрочемъ, это уже вина не переводчика, а его руководителей. О вѣрной передачѣ греческаго размѣра мы даже и не упоминаемъ, какъ о попыткѣ, рѣшительно невозможной даже на русскомъ языкѣ.

Второй переводъ анакреоновыхъ пѣсенъ сдѣланъ переводчикомъ греческихъ классиковъ, *И. Мартыновымъ*. Выписываемъ изъ его предисловія къ изданію Анакреона въ 1829 году:

«Пользуясь временемъ, болѣе прежняго свободнымъ отъ занятій по службѣ, я, между прочимъ, выправилъ и переводы свои съ греческаго языка, въ разные времена напечатанные, въ намѣреніи издати оныя вновь.

«Къ таковымъ переводамъ принадлежитъ и *Анакреонъ*».

«Первое изданіе моего перевода вышло въ 1801 году. Съ того времени я могъ пріобрѣсти больше познанія въ греческомъ и въ своемъ языкѣ, больше вкуса и опытности. Стоять только сличить первое изданіе съ настоящимъ, чтобъ увидѣть, правду ли говорю. Почти ни одного стихотворенія не осталось безъ поправокъ, болѣе либо менѣе значительныхъ».

«Итакъ второго изданія моего перевода первое преимущество предъ прежнимъ состоитъ въ болшей точности выраженія мыслей и чувствъ моего поэта. Стопосложеніе оставлено прежне; ибо оно нѣкоторымъ образомъ подражаетъ Анакреонову, исключая смѣшенія мужскихъ и женскихъ окончаній каждаго стиха, что нѣсколько облегчило мой трудъ въ соблюденіи точности перевода».

«Второе достоинство состоитъ въ напечатаніи противъ перевода подлинника. Излишнимъ считаю распространяться о пользѣ таковаго соединенія того и другаго».

¹⁾ Звѣздочками отмѣчены переводы: *Гейнриха Стефана* (лат. текстъ Парижъ, 1534 г.), *Анны Дасье* (фр. т. Парижъ, 1681 г.), *Бернарда Лонжерера* (фр. т. 1682 г.), *Антонія ла-Фоса* (фр. т. Парижъ, 1706 г.), *Гакона* (фр. т. Парижъ, 1713 г.), *Муттон-та де Клерфона* (фр. т. Парижъ, 1779 г.), *Фишера* (нѣм. текстъ, безъ означенія года и мѣста изданія), *Бакстера* (англ. текстъ, Лондонъ, 1695 г.), *Дона Стефана Матуила де-Велласа* (исп. текстъ, Мадридъ, 1774 г.), *Иосифа Спалетти* (итальянскій текстъ, современный русскому переводу).

«Третье — въ томъ, что во второмъ изданіи почти на каждое стихотвореніе сдѣланы филологическія примѣчанія. Ихъ написалъ я, а отчасти заимствовалъ изъ иностранныхъ переводчиковъ Анакреона, для того, чтобы читателямъ доставить вмѣстѣ и пріятное и полезное занятіе. Во многихъ мѣстахъ привелъ я мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ поэтовъ отнюдь не для тщеславной выставки своей учености, но для показанія, кто именно и въ чемъ подражалъ Анакреону, и при томъ въ надеждѣ, что любителямъ поэзіи не противно будетъ видѣть прекрасныя отрывки, изъ коихъ многіе и не очень извѣстны. Я предполагалъ, что мой переводъ можетъ попасться во всякія руки.

«Наконецъ, во второмъ изданіи помѣстилъ я переводы и подражанія Анакреону, сдѣланныя знаменитыми нашими лириками — Ломоносовымъ и Державинымъ. Симъ хотѣлъ я услужить наипаче молодымъ нашимъ писателямъ; они изъ сихъ примѣровъ могутъ видѣть, какъ переводятъ и подражаютъ великіе поэты, въ чемъ они подошли къ образцу своему и въ чемъ ниже его».

Трудъ Мартынова — трудъ ученый и самобытный; смыслъ подлинника вообще понятъ и вѣрно переданъ переводчикомъ; примѣчанія обличаютъ большую начитанность и близкое знакомство съ древними авторами; но Мартыновъ не владѣетъ ни стихомъ, ни языкомъ. Переводъ его изобилуетъ тяжелыми оборотами рѣчи, странными перестановками словъ и нѣсколько тривиальными выраженіями.

Всѣ эти недостатки, конечно, порождены желаніемъ переводчика подойти какъ можно ближе къ подлиннику и передать его нѣжность и простоту; но благому намѣренію помѣшало отсутствіе поэтическаго такта. Оба упомянутые нами перевода, не смотря на разстояніе тридцати-пяти лѣтъ, читаются съ одинаковымъ трудомъ. Кстати здѣсь замѣтить, что между тѣмъ и другимъ переводомъ есть какое-то родство: въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ по два — по три стиха неизвѣстнаго переводчика цѣликомъ перенесены въ переводъ Мартынова. Иногда можно даже подумать, что неизвѣстный авторъ и Мартыновъ тождественны и что первый переводъ Мартынова появился не въ 1801, а въ 1794 году.

Нѣкоторыя пѣсни Анакреона были переведены — или близко, или въ отдаленномъ подражаніи — Ломоносовымъ, Державинымъ, Виноградовымъ¹⁾, Гнѣдичемъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Майковымъ, Фетомъ и др.

Теперь намъ остается объяснить появленіе новаго, предлагаемаго нами перевода Анакреоновыхъ пѣсенъ; но предварительно мы желали бы сколько нибудь познакомить нашихъ читателей съ современнымъ воззрѣніемъ на поэтическое значеніе теосскаго пѣвца. Съ этою цѣлью мы прежде всего сошлемся на авторитетъ одного изъ лучшихъ новѣйшихъ переводчиковъ Анакреона — Денне-Барона. Въ предисловіи къ своему переводу онъ говоритъ:

«Что касается полнаго анализа поэтическаго генія Анакреона, эту обязанность приняли на себя и исполнили прежде насъ многіе прои-

¹⁾ Малоизвѣстный переводъ 1790-хъ годовъ.

пательные цѣнители и ученые критики. Съ своей стороны, мы просимъ только дозволенія упомянуть о томъ умственномъ восторгѣ и изумленіи, съ какими мы встрѣчаемъ у этого, повидимому небрежнаго поэта, у этого вѣтренаго поклонника мимолетныхъ наслажденій безпримѣрно-смѣлые образы, чуждые всѣмъ остальнымъ лирикамъ.

«Таковы напримѣръ: — *Львамъ* (даровала природа) *вертеть зубовъ* ¹⁾.

«Жизнь убѣгаетъ и *катится*, какъ *колесо колесницы* ²⁾.

Глубоколонная дѣвица ³⁾.

«Новое войско (женщины), бросающее стрѣлы — очами ⁴⁾.

«Источникъ, струящій убѣжденіе ⁵⁾.

«Кудри луговъ, колеблемыя дыханіемъ зефира ⁶⁾.

«Не правда ли, въ этихъ краткихъ реченіяхъ выраженія летятъ на встрѣчу мыслямъ поэта? Надобно сознаться, что цвѣты, рассыпаемые Анакреономъ, похожи на розу въ брачной пѣснѣ Ѳетидѣ ⁷⁾: ихъ могутъ срывать невредимыми только нѣжныя персты юной дѣвы. Итакъ, безукоризненный переводъ Анакреона былъ бы невозможенъ для самого Лафонтена, для этого высокаго образца простоты. У іонійскаго пѣвца стихи, размѣръ, эпитеты, даже частицы рѣчи — все какъ будто восклицаетъ переводчику: *Noli me tanger!* (Не тронь меня!) Тѣмъ не менѣе нѣсколько-сносный переводъ теосскаго пѣвца долженъ принести пользу читателямъ, незнакомымъ съ эллинскимъ языкомъ. Для людей порядочныхъ, въ 60 пѣсенкахъ Анакреона вмѣщается цѣлая теорія философіи наслажденій. Эта философія не представляетъ никакихъ затрудненій; она не исполнена словопренія; нѣтъ въ ней ни жесткости, ни излишней утонченности, нѣтъ въ ней ничего неуловимаго; основной ея аксіомой можетъ послужить слѣдующій стихъ:

Bacchus guérit de tout, excepté du remords! ⁸⁾

Въ похвалахъ Денне-Барона нѣтъ ничего преувеличеннаго. Форма Анакреоновыхъ пѣсень безукоризненна и въ отношеніи къ языку, и въ отношеніи къ мелодіи стиха: приблизиться къ ея изящной простотѣ крайне трудно, если не невозможно. Лучшіе переводчики, даровитѣйшіе поэты не могли вполнѣ передать красотъ своего подлинника. Благодаря рѣмѣ, пѣсни Анакреона, въ переводахъ на новѣйшіе языки, могутъ быть звучнѣ, но мелодическій, по временамъ своенравный ихъ размѣръ недостижимъ, а плавная музыка обработаннаго эллинскаго языка непередаваема. Вотъ первая причина неодолимости подлинника. Вторая причина — самое содержаніе Анакреоновыхъ пѣсень. При первомъ взглядѣ, оно кажется очень однообразнымъ: вино, любовь и роза — три основныя и неизмѣнныя темы теосскаго пѣвца; все остальное — варіаціи. Мудрено ли, что послѣ столькихъ вѣковъ, породившихъ столько подра-

¹⁾ Пѣсня II-я. — ²⁾ Пѣсня IV-я. — ³⁾ Пѣсня V-я. — ⁴⁾ Пѣсня XVI-я. —

⁵⁾ Пѣсня XXII-я. — ⁶⁾ Пѣсня LVII-я. — ⁷⁾ Каталлъ Эпиталама Ѳетидѣ и Пелею. —

⁸⁾ Вакхъ избавляетъ отъ всего, кромѣ угрызений совѣсти.

жателей, эти нѣкогда свѣжія темы обратились въ общее мѣсто? Мудрено ли, что даже варіаціи на эти темы могли выходить иногда ярче подъ искусными перстами позднѣйшихъ лириковъ? Но что изъ этого слѣдуетъ? Неужели высокая истина, доступная нѣкогда единому гению, перестаетъ быть высокой истиной, обратившись въ общее достояніе? Неужели школьникъ, затвердившій таблицу умноженія, можетъ бросить тѣнь на лучезарное имя Пнеагора? Конечно — нѣтъ. А между тѣмъ первообразы Анакреона, въ теченіе времени, потеряли свое значеніе и въ цѣломъ, и въ частностяхъ: многія лучшія его пѣсни кажутся намъ давно затверженными строками, давно опошленными афоризмами. Но попытаемся остановиться на 6-мъ столѣтіи до Р. Х., какъ на послѣднемъ моментѣ человѣческаго развитія, попытаемся забыть послѣдующіе вѣка — и тогда мы поймемъ Анакреона. Во-первыхъ, мы поймемъ величіе духа язычника, закованнаго въ тѣсныя узы миеовъ, чуждаго понятій вѣчности и безсмертія, но чуждаго и жажды власти, и корысти, и зависти, и разрушительныхъ инстинктовъ, поймемъ, что этого слѣпотствовавшего чловѣка руководило священное чувство любви. Во-вторыхъ, мы поймемъ однообразіе основныхъ его темъ, обоготворенныхъ религіей и присущихъ всякому его современнику, какъ выраженіе современныхъ вѣрованій.

Въ-третьихъ, мы поймемъ красоты подробностей и самой мелкой отдѣлки каждой его пѣсни, вторившей тогдашнимъ убѣжденіямъ, понятіямъ, нравамъ и обычаямъ. Допустивъ, что выраженіе сочувственныхъ эллинскому обществу понятій достигаетъ у Анакреона высшей степени изящества, мы поймемъ наконецъ его поэтической гени и согласимся, что образцовый переводъ Анакреоновыхъ пѣсенъ невозможенъ, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, мало-мальски литературный переводъ ихъ необходимъ для каждой словесности.

Послѣднее убѣжденіе было поводомъ къ новому, предлагаемому здѣсь переводу Анакреоновыхъ пѣсенъ. Кромѣ того онъ вызванъ устарѣlostью и неполнотою первыхъ переводовъ Анакреона на русскій языкъ: съ одной стороны, въ настоящій переводъ вошли до сорока отрывковъ, еще неизвѣстныхъ въ отечественной словесности; съ другой стороны переводчикъ старался достигъ большей (сравнительно) стройности формы и благозвучія стиха.

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что «Пѣсни Анакреона Теосскаго» переведены съ греческаго; что переводъ сличенъ съ переводами иностранскими и уложенъ, за весьма немногими исключеніями, въ размѣръ, близкій къ подлинному.

Благосклонное вниманіе просвѣщенныхъ читателей будетъ лучшимъ вознагражденіемъ переводчика за его посильный трудъ.

Пѣсни Анакреона, предлагаемыя въ нашемъ переводѣ, принадлежатъ къ самой цвѣтущей эпохѣ Элады.

ΘΕΟΚΡΙΤΉ.

I.

РЫБАКИ.

ИДИЛЛІЯ.

—

Любозный Діофантъ! повѣрь, одна нужда
Искусствомъ двигала отъ вѣка
И преклоняла человѣка
Подъ бремя тяжкое труда.
Работникъ отдыха отраднago не знаетъ;
Ему въ ночи не спится отъ заботъ:
Едва сомкнетъ глаза, нужда его толкаетъ.—
И онъ испуганный отъ ложа возстаетъ.
Въ убогой хижинѣ, подъ тростниковой кровлей,
Въ стѣнахъ, сплетенныхъ изъ листьѣ,
Лежали на одрахъ изъ высохшей травы
Два старыхъ рыбака, измученные ловлей....
Валаяся вокругъ уснувшихъ рыбаковъ
Орудія тяжелыхъ изъ трудовъ:
Лесы и удочки, и неводъ, и корзины,
И сѣти мокрая, въ зеленыхъ нитяхъ тины,
И верши, гнутыя изъ прутьевъ ивняка,
И козій мѣхъ; надвинутая ловко,

Стояла на каткахъ ихъ лодка; а цыновка,
 Одежды ихъ и два старинныхъ колпака
 Имъ изголовіемъ служили.
 Въ орудьяхъ ловли все богатство рыбаковъ:
 Ни утвари, ни пса.... Они удачный ловъ
 Своимъ верховнымъ благомъ чтли
 И бѣдность имъ была любезнѣ всего;
 Сосѣда не было у нихъ ни одного;
 За то, со всѣхъ сторонъ ихъ море окружало
 И въ хижину волной гремячею плескало.
 Едва ли полнебесъ промчались бѣгуны
 Селениной блестящей колесницы,
 Когда у рыбаковъ раскрылися рѣсницы
 И съ вѣждъ слетѣли сны.
 Пробуждены заботою подѣнной,—
 Они ведутъ нехитрый разговоръ,
 Подсказанный природой благосклонной.

Асфаліонъ.

Другъ! мы съ тобой слышали съ давнихъ поръ,
 Что лѣтомъ день длиннѣй, а ночь всегда короче,
 Что Зевсъ возвелъ на нихъ все милостивый очи....
 Обманывали насъ—ты что ни говори:
 Я видѣлъ сотни сновъ, а нѣтъ еще зари....
 Иль заблуждаюсь я? Иль что же значить это?

Ольпесъ.

Асфаліонъ! не нужно укорять
 Непроизвольную пору любви и лѣта!
 И какъ не хочешь ты понять?
 Ночь для тебя длинна, затѣмъ лишь, что заботой
 Всѣ ночи у тебя, мой другъ, удлиненны....

Асфаліонъ.

Умѣешь ли отгадывать ты сны?
 Сегодняшній я расскажу съ охотой....
 У насъ съ тобою общій ловъ—
 И сны должны быть общими, пріятель!...

Ты смысломъ одаренъ, а здравый смыслъ для словъ —
Прямой истолкователь.
Притомъ же намъ досугъ: забившись въ постель,
Безъ дѣла и безъ сна лежимъ мы, а досель
Еще небесная лампада не погасла....
По-крайней-мѣрѣ тамъ всегда довольно масла....

Ольписъ.

Ну, что же? расскажи подробнѣ твой сонъ....

Асфалионъ.

Вчера, трудомъ обычнымъ утомленъ,
Я послѣ ужина заснулъ,—совсѣмъ усталой....
(Ты помнишь, мы съ тобой поужинали мало
И поздно).... Снилось мнѣ: я на скалѣ сижу
И взоромъ съ поплавка упорно не свожу....
Вдругъ рыба грузная приманку ухватила....
Собакаѣ снится хлѣбъ, а рыба рыбаку....
Моя не вдругъ сдалась желѣзному крючку:
Хоти всю воду кровь холодная багрила,
Но гнула уда, и я съ большимъ трудомъ
Добычу тяжкую удерживалъ крючкомъ....
Вода ее въ кругахъ: «Укусишь,—такъ большѣ
Тебя я укушу!» со зла я говорилъ....
Побилася она и замерла.... Вольнѣ
Я натянулъ лесу,—и бой оконченъ былъ.
И что же увидаль я? рыбу золотую....
Да, рыбу, всю—изъ золота лютую!
Какъ испугался я! Быть-можетъ, мною взятъ
Любимецъ самого Нептуна, или кладъ
Лазурноокой Амфитриты?...
И съ удочки я снялъ ее слегка,
Чтобъ не были нечаянно отбиты
Пылинки золота зазубриной крючка,
И бережно, съ обычною споровкой,
Добычу на берегъ я вытащилъ веревкой.
Потомъ я поклялся—про море позабыть
И съ золотомъ моимъ на суши царски жить;
Но въ то жъ мгновенье пробудился....
Другъ, разувѣрь меня.... Я клялся, и божился....

Ольпнсь.

Асфаліонъ, себя напрасно не тревожь—
 Ни клятвы не давалъ, ни золотой ты рыбы
 Не изловилъ: твой сонъ—обманъ и ложь.
 Вставай и на берегъ, на каменныя глыбы,
 Слѣши скорѣе: тамъ закинешь въ море сѣтъ
 За рыбами—не мнимыми—живыми;
 Но бойся: съ голода ты можешь умереть
 Съ твоими снами золотыми.

II.

ОБѢТЬ.

О, пастыръ рѣзвыхъ козь! когда ты этой весью
 Пройдешь къ дубовому густому перелѣсью,
 Ты тамъ, на цоколь треножномъ, межъ дубовъ.
 Увидишь статую хравителя садовъ,
 Внимательнаго къ зву всевластной Афродиты:
 И деревянный торсъ, обдѣланный едва,
 И хмѣлемъ вьющимся вѣнчанная глава
 Кой-гдѣ еще корой смоковницы покрыты...

Подъ изваяніемъ вокругъ обведена
 Рукою жреческой священная ограда,
 А мимо, съ высей скаль, проносится ручей—
 Подъ сѣнью лавровыхъ и миртовыхъ вѣтвей,
 Подъ кипарисами и листвою винограда.
 Кочующихъ дроздовъ весеннія семьи
 Вкругъ изваянія давно уже заплѣли
 И златокрылые ночные соловьи
 Выводятъ въ честь его серебряныя трели.
 Остановися тамъ и къ богу воззови
 И возвѣсти, что я, съ покорностью ребенка,
 Молю, чтобъ онъ меня избавилъ отъ любви,
 И въ жертву приношу отборнаго козлѣнка.
 А если отъ меня отклонитъ онъ бѣду—
 На жертвенникъ его три жертвы я кладу:

И лучшаго козла, и лучшую телицу,
 И агнца лучшаго, сосущаго ягницу,
 Въ овчарнѣ скрытаго до жертвеннаго дня.
 О, если бѣ только богъ помиловаль меня!

1856.

III.

АМАРИЛЛИНА.

Передъ пещерою моею Амариллины
 Я буду пѣть, пока съ утеса на утесъ
 Товарищъ за меня на горныя вершины
     Погонить рѣзвыхъ козъ.
 Мой добрый другъ, Титиръ! постереги мнѣ стадо,
 Пока его жаръ къ ручью не согнала;
 Но помни, что тебѣ остерегаться надо
     Вотъ этого ливійскаго козла:
 Онъ силенъ и сердитъ, и можетъ равить рогомъ.

Амариллина, отчего
 Тебѣ не сѣсть передъ порогомъ
 И не позвать къ себѣ того,
 Кто только тѣмъ передъ тобой повиненъ,
 Что упоенъ всею чарою красоты?
 О, нимфа милая! ужель находишь ты,
 Что носъ коротокъ мой и подбородокъ длиненъ?...
 Погубишь ты меня, сведешь меня съ ума!...
 Вотъ десять яблоковъ, любви моею задатокъ
 Всѣ съ дерева, что ты назначила сама:
 Я завтра принесу тебѣ другой десятокъ.
 Но скалься надъ моею любовью и тоскою.
 Зачѣмъ я не могу быть легкою пчелою!
 Влетѣлъ бы я къ тебѣ и въ одръ забился чистый,
 Подъ папоротникъ тотъ и плющъ широколистый,
 Гдѣ члены нѣжныя покоишь ты во снѣ.
 Теперь, Эроть, извѣстенъ ты и мнѣ:
 Ты — богъ безжалостный — и полный ярой злости —

И львицею вскормленный въ лѣсахъ...
 Ты жжешь мнѣ кровь и пепелишь мнѣ кости...
 Красавица, съ улыбкою въ очахъ,

Но съ сердцемъ, вылитымъ изъ мѣди неподдатной,
 Ты, чернобровая, лобзаньемъ очаруй
 Меня въ объятіяхъ: волшебень поцѣлуй
 У нимфы на груди, какъ волны, перекатной.
 Но нѣтъ, мнѣ разорвать приходится вънокъ,
 Моей рукой тебѣ сплетѣнный

Изъ темнаго плюща съ петрушкой благовонной...
 Что дѣлать мнѣ?... что предпринять я могъ?...
 Ты для меня глуха... мнѣ даже нѣтъ надежды...
 Осталось одно: совлечь съ себя одежды
 И въ волны кинуться съ скалистыхъ береговъ,
 Гдѣ Ольмисъ-рыболовъ манитъ къ себѣ притравой
 Прожорливыхъ тунцовъ.

А если гибели избѣгну я — забавой
 Мое отчаянье послужить для тебя.
 Я ненависть твою извѣдалъ, полюбя:
 Любовь, ты — вѣщая наука!
 Надъ маковымъ листкомъ недавно я гадалъ;
 Но тщетно я его рукою прижималъ:

Подъ нею лопнулъ онъ безъ звука.
 Гадальщица на вѣрномъ рѣшетѣ,
 Агрея старая, ты истину сказала,
 Когда, бродя въ поляхъ, въ полночной темнотѣ,
 На трепетный вопросъ мнѣ грустно отвѣчала:

«Ты полюбилъ безстрастную, пастухъ!
 А между-тѣмъ для ней, моей Амариллины,
 Я берегу козу: ея волнистый пухъ
 Сверкаетъ серебромъ, какъ лпія долины,
 И двое маленькихъ козлятъ
 Ея сосцы упругіе доятъ.

Эритакида, дочь Мермнона,
 Темнокудрявая, какъ волны Ахерона,
 Просила подарить козу еще вчера:

Я завтра же пошлю подарокъ ей съ утра —
Затѣмъ, что ты смѣешься надо мною.

О, боги! дрогнуль правый глазъ —
То знакъ свиданія! Сажуся подъ сосною
И начинаю пѣть. Красавица, хоть разъ
На бѣднаго пѣвца ты взглянешь не сердито!
Нѣтъ, сердце у тебя едва ль изъ мѣди слито!

(Поетъ:)

«Царевой юною плѣненъ,
«Проворный Гиппоменъ на поприще вступаетъ,
«И — яблоки въ рукахъ — въ аренѣ мчится онъ,
«И первый цѣли достигаетъ.
«При видѣ золотыхъ плодовъ въ его рукахъ,
«Страсть къ побѣдителю зажглась въ твоихъ очахъ,
«О Аталанта! Мать Альфезибѣи мудрой,
«Супругой Виса ты сдѣлалась тогда,
«Когда на Пилосъ съ Отриса стада
«Согналъ Мелампъ, гадатель чернокудрый...
«И не тогда ль плѣнилъ Киприду Адонисъ,
«Когда на высяхъ горъ стада его паслись?
«Но не могла любовника Киприда
«Оспорить на груди безсмертной у айда...
«О, какъ завидевъ мнѣ тотъ непробудный сонъ,
«Что очи у тебя сжемиль, Эндимионъ:
«Счастливецъ Язюнъ! съ богинею прелестной
«Ты то узналъ, что смертнымъ неизвѣстно!»

Я стражду... голова моя горитъ въ огнѣ...

А ты и знать не хочешь обо мнѣ.
Довольно пѣть. Но знай, о нимфа молодая,
Я лягу здѣсь — и пусть волковъ голодныхъ стая
Меня въ куски скорѣе разорветъ —
И будетъ смерть мнѣ сладостнѣй, чѣмъ мѣдъ.

IV.

ДѢТСТВО АЛКИДА.

ИДИЛЛІЯ.

На ночь Алкмена, омывши и грудью вскормя лебединой
 Чады своихъ милыхъ — Алкида, которому только десятый
 Мѣсяць пошелъ, и Ификла, юнѣйшаго ночью единой —
 Спать ихъ на мѣдномъ щитѣ уложила: доспѣхъ тотъ богатый
 Былъ Амфитріономъ снятъ съ Птерелая, какъ памятникъ боя,
 Боя, гдѣ палъ Птерелай отъ могучей десницы героя.
 Нѣжно Алкмена своихъ сыновей цѣловала,
 Нѣжныя рѣчи тому и другому вѣщала:

«Спите, младенцы, души моей радость, чета дорогая,
 Спите спокойно, спокойно поутру раскройте рѣсницы!
 Пусть эта ночь переносится, вашего сна не смущая,
 Пусть озаритъ васъ весельемъ и счастьемъ сіянье денницы!»
 Молвила; щитъ мѣднокованный тихо качаетъ —
 И невидимкою сонъ на младенцевъ слетаетъ.

Темная ночь перешла половину небесной дороги;
 Вяя Медвѣдицы плавно подъ мощнымъ плечомъ Волопаса
 Стала клониться къ закату: тогда-то къ Алкменѣ въ чертоги
 Неумолимая Гера, во мракѣ полночнаго часа,
 Местью дыша, ниспослала на гибель младенца Алкида
 Пару лазурно-чешуйчатыхъ змievъ, ужаснаго вида.

Крадутся вровень съ землею чудовища въ мракѣ полночи,
 Длинные кольца свои развиваютъ и движутся рядомъ;
 Искрятся ярко зловѣщимъ огнемъ кровожадныя очи;
 Страшныя пасти раскрыты и чернымъ опѣнились ядомъ.
 Близятся змии, ползутъ и острятъ ядовитое жало...
 Но ничего не скрывается въ мірѣ отъ взоровъ Зевеса:
 Вдругъ пробудилися чада Алкмены и мрака завѣса
 Спала съ чертоговъ и все въ нихъ внезапно, какъ днемъ, про-
 сіяло.

Первый примѣтилъ Ификлъ, на округлыхъ загибахъ щитовыхъ,
 Этыхъ чудовищныхъ змievъ, предать его смерти готовыхъ.

Страшные зубы завидѣвъ, онъ крикнулъ въ испугѣ, ногами
 Сбросилъ съ себя одѣяло-руно и спастися пытается.
 Но ужь младенецъ Алкидъ ни испуга, ни страха не знаетъ:
 Зміевъ схватилъ онъ и крѣпко имъ дѣтскими стиснулъ руками
 Горло, налитое ядомъ, богамъ ненавистнымъ безъ мѣры.
 Тщетно чудовища въ кольцахъ опутать Алкида хотѣли:
 Имъ не подь силу младенецъ, задержанный местію Геры
 Въ часъ нарощенья и слезъ незнававшей съ самой колыбели.
 Вскорѣ чудовища, силы утративъ въ борьбѣ бесполезной,
 Длинные кольца развили — и рвутся изъ петли желѣзной...

Въ это мгновеніе Алкмена, заслышавъ въ безмолвіи ночи
 Крики Ификла, открыла дремотой смежѣнныя очи:
 «Встань, Амфитріонъ! отъ ужаса дыбомъ вздымаются волосы...
 Встань необутый. Ты слышишь ли нашего младшаго голосъ?
 Видишь ли свѣтъ этотъ страшный, во мракѣ чертоги
 Намъ до зари осіявшій? Какою напастію боги,
 О, мой супругъ дорогой, угрожаютъ во гнѣвѣ мнѣ, бѣдной?»

Прянулъ въ волненіи съ одра Амфитріонъ и мечъ свой побѣдный
 Снялъ съ одного изъ столповъ, въ изголовьѣ кедроваго ложа:
 Новую тканю перевязъ лѣвой рукою хватаетъ,
 Правую — мечъ изъ искусно-точѣнныхъ ноженъ извлекаетъ.
 Вдругъ прекратилось сіяніе, мракъ полуночный умножа.
 Голосомъ громкимъ зоветъ Амфитріонъ невольниковъ сонныхъ:
 «Вѣрные слуги! скорѣе свѣтильниковъ, ярко зажженныхъ!
 Выбейте двери, замки и запоры сломите!
 Встаньте! спѣшите, усердные слуги, спѣшите!»

Слуги на зовъ Амфитріона тѣсной толпой прибѣгаютъ,
 Яркіе свѣточи вносятъ и вскорѣ чертогъ наполняютъ.
 Видя, что зміи вокругъ колыбели дѣтей обвиліся,
 Разомъ всѣ вскрикнули въ страхѣ, Алкидъ же, не вѣдавшій страха,
 Въ радости дѣтской, чудовищъ отцу показалъ, смѣючися,
 И — бездыханныхъ — къ ногамъ его бросилъ съ размаха.
 Между тѣмъ, блѣднаго, оледенѣннаго страхомъ Ификла
 Къ персямъ прижавши, Алкмена надъ нимъ со слезами поникла...
 Слѣдомъ за ней, подь руно уложивши младенца другаго,
 Царь возвратился въ ложницу, чтобъ сномъ успокоиться снова...

V.

АЛКИДЪ — ПОБѢДИТЕЛЬ ЛЬВА, ИЛИ БОГАТСТВА АВГІАСА.

идиллія.

...Пастырь маститый тогда, переставъ заниматься работой,
Молвилъ ему:

«Чужеземецъ, съ великой охотою

Я любопытство твое удовольствовать радъ, въ избѣжанье
Гнѣва путей охранителя, Гермеса: вѣренъ я богу,
Онъ же, правдивый, всегда насылаетъ на тѣхъ наказанье,
Кто не уважетъ заблудшему страннику путь и дорогу.

«Овцы царя Авгіаса не вмѣстѣ — въ стадахъ раздѣленныхъ,
Въ округахъ разныхъ пасутся: однѣ по долинамъ —
Вдоль береговъ Элизента, другія у водъ освященныхъ
Старца-Алфея, инны по злачнымъ Бупрѳоза вершинамъ,
Прочія — въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Каждое стадо
Вечеромъ съ пастбищъ собрать намъ въ овчарни отдѣльныя надо.

Такъ и быки: не узнаешь числа ихъ завистливымъ счетомъ —
Бродятъ они безъ числа по обширнымъ менійскимъ болотамъ.
Мирно пасутся на пажитяхъ вѣчно зеленыхъ,
Влажныхъ лугахъ, благотворной росой орошенныхъ,
Много находятъ они благотворной и сочной потравы:
Каждый день новую силу даютъ имъ цвѣтушія травы.

«Вправо, на томъ берегу, ты увидишь навѣсы ихъ хлѣва,
Тамъ, чужеземецъ, гдѣ старше яворы вѣтви склонили,
Гдѣ поднимается дикая маслина — видишь? — а слѣва
Видишь ли храмъ? — Аполлону его посвятили:
Нѣкогда пастыремъ былъ онъ и самъ, небожитель.

«Далѣе, видишь: одна и другая, и третья обитель?
Много ихъ: тугъ обитаемъ мы, вѣрныя царскіе слуги,
Стражи и пахари всѣхъ неисходныхъ царевыхъ владѣній.
Только тогда и ввѣряемъ мы Геѣ посѣвъ нашъ весенній,
Если три раза и даже четыре желѣзные плуги
Доно ея избраздятъ. Испытавшимъ поля земледѣламъ

Служить занятъмъ разсадка лозы и отростковъ древесныхъ;
Прочіе гнѣтъ виноградный плодомъ насыпають, созрѣвшимъ
Въ жаркомъ дыханіи лѣта, въ лучахъ поднебесныхъ.

«Этихъ равнинъ — Авгіасъ обладатель счастливый,
Также и этихъ холмовъ, увѣнчанныхъ златистою нивой,
Также и сѣней вѣтвистыхъ веселаго этого сада,
Что до горы небокрайной бѣжить отъ пытливаго взгляда.
Бьютъ водометомъ изъ каменныхъ персей ключи студеные.

«Мы обработкой полей заняты безпрестанно, съ охотой,
Съ ревностнымъ тщаньемъ на пользу труды прилагая дневные,
Какъ подобаеть слугамъ, занятымъ полевою работой,
Ежели мудрый владыка ихъ сердцу любезенъ.

«Но расскажи, чужеземець (быть-можетъ, я буду полезенъ),
Что привело тебя въ наши равнины? владыку народа
Ищешь ты, иль одного изъ подвластныхъ его приказанью?
Здѣсь я все знаю и могъ бы наставить тебя по желанью.
Доблестный видъ признается порукою доблести рода:
Вижу, что ты не изъ племени смертныхъ, коварныхъ и злобныхъ —
Нѣтъ, только боги являются намъ въ очертаньяхъ подобныхъ.»

«Добрый старикъ», отвѣчалъ ему сынъ многодоблестный Діа:
«Я съ Авгіасомъ, владыкой эпейнъ, пришелъ на свиданье.
Ежели въ городѣ онъ и, въ народномъ собраніи,
Для благоденствія гражданъ, вершить начинанья благія
Правды законной, богамъ правосуднымъ подобенъ,
Дай провожатымъ мнѣ перваго мужа, который способенъ
Рѣчь мою внять и котораго рѣчи не будутъ мнѣ чужды:
Ибо людей, по желанью Зевеса, связуютъ взаимныя нужды.»

«Странникъ», промолвилъ въ отвѣтъ селянинъ, сѣдной убѣленный:
«Странникъ, тебя, безъ сомнѣнья, наутствоваль богъ благо-
склонный;

Ты пожелалъ — и желанья твои не остались втупѣ:
Самъ Авгіасъ и Филей, его сынъ, накануне
Прибыли къ намъ и, повѣрь, не останутся здѣсь попустому;

Царь осмотрѣть все пространство обширныхъ владѣній намѣренъ:
 Только хозяйское око—а въ этомъ и царь нашъ увѣренъ—
 Только оно и хранить благоденствіе всякаго дома.
 Слѣдуй за мною подъ кровли пастушьи къ обителямъ этимъ:
 Можетъ-быть, тамъ самого Авгіаса мы встрѣтимъ.»
 Молвилъ — и съ мѣста поднялся пастухъ престарѣлый.
 Львиная кожа на крѣпкихъ плечахъ незнакомца молодого,
 Тяжкая палица въ мощной десницѣ и видъ его смѣлый —
 Все возбудило давно удивленіе старца сѣдого;
 Жаждалъ его распросить онъ, однако не смѣлъ попытаться;
 Въ страхъ — замедлить спѣшившаго гостя, невольно
 Сдерживалъ рѣчи, готовыя съ устъ полотверткихъ сорваться.
 Въ тайныхъ же мысляхъ другого нельзя намъ читать произвольно.

Шли они молча; но отзвукъ шаговъ ихъ въ окрестности горной
 И испаренія тѣла немедленно псовъ разбудили.
 Съ яростнымъ лаемъ Алкида мгновенно они окружили,
 Къ старому пастырю тутъ же ласкаясь покорно;
 Онъ же нагнулся и приподнял нѣсколько камней. Поспѣшно
 Псы отбѣжали въ испугѣ. Прикрикнувши строго,
 Пастырь успѣлъ отогнать ихъ; но старому было утѣшно
 Втайнѣ помислить о чуткости сторожей вѣрныхъ.

«Какъ много

Боги даруютъ намъ въ этомъ разумномъ твореніи!» снова
 Молвилъ старикъ, обратя къ чужеземцу почтенное слово.
 «Знай отличать оно сразу друзей отъ враговъ господина —
 И ни одно изъ животныхъ въ смысленности съ нимъ не сравнится;
 Но черезчуръ оно гнѣвно и слѣпо, когда раздражится.»

Тутъ улеглись въ конуры послушные псы селянина.
 Между-тѣмъ солнце на западъ своихъ бѣгуновъ направляло;
 Горній Олимпъ озарялся вечерней звѣздой.
 Сытые овцы стекались съ настбищъ въ овчарни волною;
 Слѣдомъ за ними быки; несчислимое стадо смѣняло
 Новое, новое стадо: одни за другими, безъ счета,
 Валомъ-валили стада и тѣснились, какъ влажные тучи,
 Яростно спертые въ быстро-любимыя кучи
 Силой Борея еракійскаго иль многобурнаго Нота:
 Вѣтеръ ихъ гонить, мѣшаетъ и вержетъ одна на другую,

Таъ-что и взоръ отличить не успѣтъ отъ первой вторую.
 Вотъ какъ безчисленны были стада Авгіаса, О, боги!
 Ими покрылись всѣ доли, равнины, дороги;
 Всѣ окружающія поля огласились мычаньемъ и ревомъ.
 Вскорѣ быки по привычнымъ расходятся хлѣвамъ;
 Овны овчарни свои наполняютъ.

Однако,

Какъ ни велико число пастуховъ и прислужниковъ, всякій
 Занятъ своею работою—и праздныхъ межъ нихъ не бываетъ.
 Кто изъ работниковъ пути на ноги телицъ нацѣпляеть,
 Чтобъ невозбранно доить ихъ, а кто къ неотдѣннымъ маткамъ
 Выкормковъ юныхъ подводитъ подъ тяжело-висящее вымя;
 Эготъ амфору несетъ, въ молоко орошенную сладкомъ;
 Тотъ замѣсилъ ужъ и сыръ маслянистый кругами густыми;
 Прочіе тутъ же поспѣшно стада отъ телицъ отдѣляютъ.

Царь Авгіасъ по овчарнямъ и хлѣвамъ идетъ, вычисляя,
 Сколько доставила прибыли паства дневная.
 Мудрый Алкидъ и Филей повсемѣстно царя провожаютъ.
 Сынъ Амфитріона, слышій въ безстрашной душѣ несмутнымъ,
 Былъ изумленъ этимъ множествомъ стадъ несчислимымъ.
 Точно: никто не возмогъ бы, дотолѣ отъ вѣка,
 Столько богатства представить въ рукахъ одного человѣка.
 Десять царей, пресловутыхъ обиліемъ стадъ и полями,
 Десять царей, съединивъ достояніе, были бъ безсилны
 Съ нимъ поровняться. Самъ Фебъ свѣтоносный и благообильный
 Сына содѣлалъ богаче всѣхъ смертныхъ стадами,
 И ежедневно ростилъ ихъ и множилъ. Ни моръ, ни заразу —
 Гибель для стадъ и отчаянныя пастырей добрыхъ — ни разу
 Царь не извѣдалъ еще надъ стадами своими.
 Мало того: у него умножались быки съ каждымъ годомъ
 И улучшали породу; телицы всѣ были съ приплодомъ,
 Больше юницъ, чѣмъ тельцовъ принося. Между ними
 Триста быковъ круторогихъ и бѣлопоножныхъ ходили;
 Двѣсти другихъ, красношёрстыхъ, давно ужъ телицъ отягчили.
 Всѣхъ ихъ гораздо виднѣе двѣнадцать быковъ, посвященныхъ
 Солнцу и бѣлыхъ, какъ лебеди. Горды своею красою,
 Стадомъ отдѣльнымъ пасутся они въ луговинахъ зеленыхъ,

Въ пажитяхъ зланныхъ кормяся росистой травю.
 Ежели изъ лѣсу дикіе звѣри, сбѣжавши въ долины,
 Вдругъ на стада нападутъ — всѣ двѣнадцать быковъ, какъ единый,
 Хищникамъ встрѣчу несутся и бой начинаютъ жестокой:
 Ярый ихъ гнѣвъ соотвѣтствуетъ ихъ громовому мычанью,
 Каждю смерти пылаетъ ихъ кровью налитое око.
 Выше другихъ и сильнѣе — одинъ, Фазтонъ по прозванью;
 Пастыри вѣрно сравнили его съ лучезарной звѣздой —
 Такъ онъ отличенъ походкою гордой и статной красюю.
 Львиную кожу завидѣвъ, несется онъ прямо къ герою,
 Чтобъ сокрушить ему бокъ неуклончивымъ лбомъ; но безъ страха
 Ждетъ нападенья Алкидъ: ухвативши рукою
 За рогъ быка, онъ пригнулъ ему голову книзу съ размаха,
 Крѣпко налегъ на плечо ему мощнымъ колѣномъ, какъ игомъ,
 Прочь отъ себя отгольнулъ — и животное мгомъ,
 Все задрожавъ, поднялось на заднія ноги въ испугѣ.
 Царь Авгіасъ и Филей, и кругомъ ихъ стоявшіе слуги —
 Всѣ изумлися этой неслыханной силѣ..

Между-тѣмъ мудрый Алкидъ и Филей именитый
 Съ этихъ полей плодоносныхъ въ сосѣдственный городъ спѣшили.
 Узкой тропой, въ виноградникахъ мимо овчаренъ пробитой,
 Еле-замѣтной межъ лозъ и густыми листьями прикрытой,
 Вышли они на большую дорогу, поля покидая.

Тутъ, на плечо свое правое голову тихо склоняя,
 Молвилъ возлюбленный сынъ Авгіаса Алкиду,
 Сыну Зевеса могучаго, шедшему сзади:

<Вѣрно *тебя*, чужеземецъ, молва прославляетъ въ Элладѣ?
 Нѣсколько сутокъ тому, посѣтивъ на пути Арголиду,
 Въ наши мѣста приплывалъ мореходъ великейской:
 Былъ онъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ и рассказывалъ мнѣ, что недавно
 Эллинь одинъ, на глазахъ у него, поразилъ достоуважно
 Страшнаго льва, обитателя мрачной дубровы немейской,
 Встарь посвященной Зевесу. Чудовище это безъ мѣры
 Всю разоряло страну изъ своей недоступной пещеры.
 Гдѣ побѣдителя родина — мнѣ неизвѣстно; тѣмъ менѣе —
 Въ Аргосѣ ль онъ обитаетъ, въ Тиринѣ ли, или въ Микенѣ?

Но, говорилъ онъ, герой происходитъ отъ крови Персея.
Я же увѣренъ, что *ты* совершилъ этотъ подвигъ: свидѣтель —
Львиная кожа на плечахъ, что ты не случайный владѣтель
Этого, силой руки добытого трофея.

Вѣрно ли я догадался, и ты ли герой, о которомъ
Мнѣ говорилъ мореходъ передъ цѣлымъ эпейнъ соборомъ?
Если я правъ, передай мнѣ, въ разсказѣ подробномъ,
Какъ ты побѣдно сразился съ чудовищемъ зловнымъ,
Какъ оно въ округъ Немен проникнуло? Было бъ напрасно
Звѣря такого искать по Элладѣ прекрасной:

Этихъ чудовищъ не видывалъ Пелопса островъ ни разу —
Тамъ лишь медвѣди, кабаны, да стаи волковъ дикобразныхъ.
Вотъ почему пзумилися всѣ, кто внимали разсказу.
Многіе просто его принимали за шутку для праздныхъ.»

Кончилъ Филей и сошелъ съ середины дороги, желая
Служать какъ можно внимательнѣй, идучи подлѣ Алкида.

«Сынъ Авгіаса», промолвилъ герой, отвѣчая:
«Ты не ошибся въ догадѣ — и вся Арголида
Въ этомъ порукою. Юный морякъ Геликеи
Точно о мнѣ говорилъ. Исполняя твое же желанье,
Все разскажу я тебѣ о чудовищѣ страшномъ Немен;
Лишь одного я не знаю: откуда оно появилось?
Всѣ многолюднаго Аргоса жители дать указанье
Также не могутъ; но мнѣнѣе такое у нихъ утвердилось,
Что форонѣянамъ богъ, раздраженный на нихъ и понинѣ,
Карою явнаго ихъ небреженья къ святынѣ —
Льва ниспослалъ. Какъ потокъ въ половодье, повсюду разсѣявъ,
Левъ обтекалъ всѣ поля, поглощая стада по дорогѣ.
Большій ущербъ наносилъ онъ стадамъ бембинѣянь,
Ближихъ сосѣдей его, приводившей всѣхъ въ ужась, берлоги.
Мнѣ Эврисеей, для начала трудовъ, присужденныхъ богами,
Льва повелѣлъ умертвить. Я отправился, правой рукою
Гибкій мой лукъ захвативши и туль со стрѣлами,
Лѣвою—палицу съ свѣжей, еще неотставшей корою:
Палицу самъ я обдѣлалъ изъ крѣпкой, подгорной маслины,
Выравши съ корнемъ ее посреди Геликонской долины.
Къ львиной берлогѣ приблизившись, лукъ изготовилъ я къ бою

И натянул тетиву смертоносной стрѣлю.
 Между-тѣмъ око мое повсемѣстно вращалось,
 Взоръ устремляя на встрѣчу сокрытому вражьему взору.
 Ясное солнце давно ужъ полнеба промчалось;
 Но не единого слѣду еще не видалъ я въ ту пору
 И не слыхалъ еще львиного рыку. Въ покинутомъ полѣ
 Пастырей мирныхъ и пахарей не было болѣ:
 Блѣдный страхъ смерти держалъ ихъ подъ кровами кущей.
 Лѣсъ изъ конца и въ конецъ пробѣгалъ я вѣтвистою гущей,
 Встрѣчи и боя со львомъ ожидая съ досадой немалой.

«Къ вечеру только, пресыщенный мясомъ и кровію алой,
 Онъ возвратился къ своей одинокой пещерѣ лѣниво.
 Мощная грудь, голова и косматая грива
 Были кровавою грязью противно покрыты;
 Онъ еще съ морды облизывалъ кровь.

«На вершинѣ пригорка,
 Частою листовою окрестныхъ кустарниковъ скрытый,
 Я выжидалъ на проходѣ врага и слѣдилъ его зорко.
 Только ступилъ онъ впередъ, какъ стрѣла засвистѣла
 И угодила ему въ лѣвый бокъ—но напрасно:
 Кожи у льва не пробивъ, остріе отъ упругаго тѣла
 Втунѣ въ траву отскочило. Желѣзо для льва не опасно.
 Страшную голову левъ приподнял удивленный,
 Въ недоумѣннѣ обвелъ по окрестности взоръ раскаленный,
 Пасть разомкнулъ и ужасные зубы оскалилъ.

«Въ негодованнѣ на этотъ ударъ бесполезный,
 Новой стрѣлою я въ грудь его прямо ударилъ,
 Въ самую душку, но—еле царапнувъ по кожѣ желѣзной—
 Также безвредно къ ногамъ его пала стрѣла и вторая.

«Одушевленный отчаяньемъ, я несомнѣнно бы встрѣтилъ
 Третьей стрѣлою врага, но, повсюду свой взоръ обращая,
 Левъ наконецъ и меня разгорѣвшимся окомъ замѣтилъ.
 Длиннымъ хвостомъ въ подколки себя ударяя,
 Онъ ужъ немедля готовится къ смертному бою:
 Яростно вздулася шея; щетинится грива густая;

Крѣпкій хребетъ изогнулся упругой дугою,
 Весь извиваясь на чреслахъ и бедрахъ. Подобно
 Вѣтви смѣковницы, что подъ искусной рукою,
 Передъ огнемъ, въ колесо округлялась свободно,
 Но, неожиданно выскользнувъ вонъ изъ руки напряженной,
 Вдругъ распрямилась и вдругъ отскочила далеко —
 Этой-то вѣтви подобно, и левъ раздраженный
 Быстро скакнулъ на меня. Но одеждой широкой
 Лѣвую руку прикрывши, стрѣлой я чудовище встрѣтилъ,
 Правой же палицу въ лобъ ему сильнымъ размахомъ намѣтилъ
 И опустилъ ее. Мѣлина на два куска разломилась,
 Въ черепъ ударивши мѣдный. Чудовище снова
 Страшнымъ прыжкомъ на протвника ринуться было готово —
 Лапы его ужъ совсѣмъ отъ земли отдѣлились,
 Но зашаталось оно и упало въ безсиліи яромъ —
 Такъ его мозгъ потрясенъ былъ ужаснымъ ударомъ —
 И неглядною тьмою одѣлися грозныя очи.

<Видя, что левъ обезпамятѣлъ, бросилъ я лукъ со стрѣлою,
 И, не давая опомниться льву, что есть мочи
 Сзади мохнатую шею обвилъ я рукою.
 Въ страхѣ, чтобъ онъ не поранилъ мнѣ руку когтями,
 Лапы переднія льва я сжимаю ногами,
 Мышцами лядвіи давлю ему бѣдра, затѣмъ поднимаю
 Голову съ лапами вмѣстѣ—и жизнь у него вырываю.
 И отлетѣлъ, уносяся изъ тѣсныхъ объятій Алкида,
 Духъ безобразный чудовища на берегъ мрачный айда.

<Тутъ же задумалъ я крѣпкую кожу съ бездушнаго тѣла
 Снять — и изыскивалъ средства для этого дѣла;
 Но ни желѣзомъ, ни клиномъ, ни камнемъ не могъ я падрѣза
 Сдѣлать на кожѣ, и только самими богами
 Былъ вдохновенъ—разодрать ее льва же когтями.
 Въ этомъ успѣлъ я — и кожу, твердѣйшую даже желѣза,
 Снялъ и, какъ-будто броней, накрылся я ею:
 Съ ней и удары убійственныхъ вражескихъ стрѣлъ безопасны.

<Вотъ какъ, мой другъ, пораженъ этотъ левъ, устравившій Немею,
 Этотъ и стадь и людей истребитель ужасный.>

VI.

ВОЛШЕБНИЦА.

ИДИЛЛИЯ.

Гдѣ вѣтви лавра? гдѣ любовный мой напитокъ?
 Фестилида, носи!... вотъ чаша: поскорѣй
 Поставь ее въ огонь и разверни надъ ней
 Багрянаго руна замороженный свитокъ:
 Пускай всю силу чаръ извѣдаетъ теперь
 Мой вѣроломный, вѣтренный любовникъ,
 Странанья моего безжалостный виновникъ.
 Двѣнадцать дней прошло, а онъ ни разу въ дверь
 Ко мнѣ не постучалъ, и не узналъ, жестокой,
 Жива я или нѣтъ? Онъ отъ меня далеко...
 О! для меня сомнѣній больше нѣтъ:
 Киприда и Эроть, во злобѣ несказанной,
 Зажгли другой огонь въ душѣ непостоянной;
 Но завтра я пойду въ гимназій Тимагетъ,
 Найду его и все узнаю при свиданьѣ,
 А нынче совершу надъ нимъ я заклинанье.
 Луна! укрась вѣнцомъ лучей
 Твое чело! зову тебя трикраты,
 Зову тебя, владычица ночей,
 Въ сообществѣ подземныя Гекаты!
 Геката, ты пугаешь даже псовъ,
 Когда въ ночь, стезею потаенной,
 Скользишь незримо межъ гробовъ
 Стопой окровавленной.
 Геката страшная, привѣтствую тебя!
 Пребудь со мной и тайну чаръ повѣдай,
 Чтобъ я сравнилася, соперницу сгубя,
 Съ Медеею и съ русой Перимедой.
 О, птица вѣщая! верни его ко мнѣ.
 Уже ячмень совсѣмъ сгорѣлъ въ огнѣ...
 Теперь, Фестилида... несчастная рабыня!
 Гдѣ у тебя, проклятой, голова?

Сыпь соль и говори волшебныя слова:

«Богиня!

Я кости Дэльфиса сжигаю на огнѣ.»

О, птица вѣщяя! верни его ко мнѣ.

Да; Дэльфисъ моего страданія виновникъ—

Я за него жгу лавръ; онъ пламенемъ одѣтъ,

Трепещетъ, рассыпался — и пепла даже нѣтъ:

Пусть такъ сгоритъ до тла невѣрный мой любовникъ

На медленномъ, невидимомъ огнѣ.

О, птица вѣщяя! верни его ко мнѣ.

Какъ мягкій воскъ мой пламень чарный,

Пусть также Дэльфиса растопитъ страстный жаръ!

Какъ вокругъ моей руки вотъ этотъ мѣдный шаръ,

Пусть такъ вокругъ меня вращается коварный

И на яву, и въ свѣ!

О, птица вѣщяя! верни его ко мнѣ.

Теперь въ огонь я брошу горсть мяквы...

Геката! ты могуществомъ красы

Смягчаешь сердце твердаго мужчины

Въ самомъ андѣ... Чу!... рабыня! лаютъ псы...

Ихъ вой вѣщяетъ намъ въ протяжныхъ отголоскахъ:

«Спѣшите въ мѣдный щитъ ударить: видимъ мы

Богиню тьмы

На ближнихъ перекресткахъ.»

О, птица вѣщяя! верни его ко мнѣ!

Умолкнулъ говоръ волнъ; стихъ вѣтеръ; все во снѣ;

Не спитъ одна тоска въ душѣ моей смятенной.

Я страстию къ тому воспалена,

Кто, вмѣсто имени—подруга и жена,

Лишивъ меня всего, что было мнѣ безцѣнно,

Оставилъ мнѣ позоръ и горести однѣ.

О, птица вѣщяя! верни его ко мнѣ.

Я возліянья трижды совершаю

И съ троекратною мольбой къ тебѣ взываю,

Свѣтило ясное ночей:

Отдай мнѣ Дэльфиса, тоски моей не множа;

Какая бъ дѣва съ нимъ ни раздѣляла ложа,

Пусть сей же часъ забудетъ онъ о ней,

Пусть будетъ имъ она оставлена нещадно,

Какъ вѣкогда Тезеёмъ Аріадна
 Была оставлена на Наксосѣ, во снѣ.
 О, птица вѣщая! верни его ко мнѣ.
 Аркадскій гиппоманъ приводитъ въ изступленья
 Коней и кобылицъ—и мчатся по горамъ
 Они въ безуміи. И ты къ моимъ дверямъ,
 Мой Дѣльфисъ, прилети въ такомъ же упоеньѣ,
 Въ такомъ же бѣшеномъ огнѣ.

О, птица вѣщая! верни его ко мнѣ.
 Бахромку пѣплума онъ потерялъ случайно:
 Я рву ее—и вотъ

Лоскутья мелкіе въ огонь бросаю тайно.
 Увы! безжалостный Эротъ!

Зачѣмъ, какъ жадная пѣвка, тѣло точишь
 И сердце мнѣ сосешь, и жаркой крови хочешь?
 О, птица вѣщая! верни его ко мнѣ.
 Но въ ступѣ истолочь должна я на огнѣ
 Зеленой ящерицы члены:

Напитокъ гибельный изъ нихъ составляю я —

И завтра же волшебнаго питья
 Я Дѣльфису подамъ въ возмездіе измѣны.
 Рабыня, зельями порога его дверей

Ты окропи сначала... Понемногу
 Всѣмъ сердцемъ приросла я къ этому порогу,
 А Дѣльфисъ пренебрегъ любовію моею.
 Потомъ, рабыня, плюнь и вымолви скорѣй:
 «Я пепель Дѣльфиса по вѣтру разсыпая».

О, птица вѣщая! верни его ко мнѣ.
 Теперь осталась я съ тоскою наединѣ...
 Какъ рассказать мнѣ страсть? кого винить?—не знаю.

Анаксо, дочь Эибола, шла
 Въ Діанинъ лѣсъ; священную кошицу
 На головѣ она несла;
 Въ лѣсъ навели звѣрей, пустили даже львицу,
 Чтобъ день торжественный отпраздновать сполна.
 Владычица ночей, узнай, какъ я любила!
 Моя кормилица, сосѣдка, Тевкарила,
 Эракіянка — теперь въ Элизіѣ она —
 Меня просила, убѣждала

И бѣдную Діаной заклинала

Пойти на праздникъ вмѣстѣ съ ней.

Я облеклась въ хитонъ свой серебристый

И, въ мантии богатой Клеаристы,

Вслѣдъ за кормилицей моей,

На празднество богини поспѣшила.

Владычица ночей, узнай, какъ я любила!

На половинѣ нашего пути

Попался Дѣльфисъ намъ—подобье Аполлона.

Онъ съ Эвдамиппомъ шелъ близъ хижины Ликона,

И намъ близъ ней случилось идти.

Цвѣли ихъ нѣжныи лавиты,

Златистымъ пухомъ юности покрыты,

И спорила ихъ груди бѣлзна

Съ твоими персями блестящими, луна!

Шли изъ гимназія; борьба ихъ заманила.

Владычица ночей, узнай, какъ я любила!

При взглядѣ на него я, бѣдная, тотчасъ

Вся вспыхнула огнемъ, мой разумъ помутился

И скрылось празднество изъ потемнѣвшихъ глазъ,

И блѣдностью мой лобъ болѣзненно покрылся.

Не знаю, кто отвелъ меня домой,

Но цѣлыхъ десять дней лежала я больной:

Меня горячка жгучая палила.

Владычица ночей, узнай, какъ я любила!

Все тѣло у меня желтѣло, какъ топазъ,

И сѣклись волосы, и кости были кожей

Едва обтянуты... О, боги! но кого же,

Кого тогда въ мольбахъ я не звала изъ вастъ?

Какой волшебницы помочь мнѣ не просила?

Но легче не было, а время уходило...

Владычица ночей, узнай, какъ я любила!

Я, наконецъ, призналася рабѣ:

«Θестилида, спаси! откроюся тебѣ:

«Миндіецъ—жизнь моя, мое существованье.

«Ступай въ гимназіи Тимагетъ

«И выжидай его: онъ выйдетъ на гулянье;

«Онъ спорить тамъ въ борьбѣ, какъ молодой атлетъ:

«Средь юношескихъ игръ растеть и крѣпнеть сила...

Владычица ночей, узнай, какъ я любила!
 «И, если онъ одинъ, тихонько помапи:
 — «Симета ждетъ тебя — ступай за мной!» — шепни».

Сказала я—раба со мной простилась
 И вскорѣ не одна подъ кровъ мой воротилась:

Красавецъ Дельфисъ съ ней.

Когда же сердцемъ я—не ухомъ—у дверей
 Чуть слышный шумъ его походы уловила
 (Владычица ночей, узнай, какъ я любила!)

Похолодѣла я, какъ ледъ;

Полуденной росой съ чела закапаль потъ...

Какъ иногда ребенка сонъ встревожить
 И мать во снѣ позвать онъ хочетъ, но не можетъ,
 Такъ точно я тогда безъ голоса была,
 И рѣчь моя въ устахъ холодныхъ замерла...

На мраморъ я недвижный походила...

Владычица ночей, узнай, какъ я любила!
 Коварный юноша потупилъ скромно взоръ,
 Ко мнѣ на ложе сѣлъ и началъ разговоръ.
 «Симета— онъ сказалъ—меня ты пригласила,

«Но выслушай—тебѣ я не солгу:

«Ты менѣ, чѣмъ я Флиина на бѣгу,

«Меня опередила.

(Владычица ночей, узнай, какъ я любила!)

«Да я и самъ хотѣлъ къ тебѣ придти...

«Свидѣтель мнѣ Эротъ: съ двумя-тремя друзьями,

«Я въ эту ночь собирался принести

«Тебѣ корзину съ свѣжими плодами

И «побѣдителемъ возлечь у милыхъ ногъ

«Въ вѣнкѣ изъ тополя: Элада тотъ вѣнокъ

«Безсмертному Алкиду посвятила...

(Владычица ночей, узнай, какъ я любила!)

«И если бы меня пустила ты къ себѣ,

«Была бы счастлива: рѣшеніемъ всегласнымъ

«Любовникъ твой и ловкимъ и прекраснымъ

«Былъ признанъ изо всѣхъ соперниковъ въ борьбѣ.

«А я бы счастливъ былъ, любовію волнуемъ,

«Съ пурпурныхъ устъ твоихъ единымъ поцѣлуемъ.

«Но если бѣ, оттолкнувъ меня, твоя рука

«Не сдвинула съ дверей запретнаго замка,
 «Мнѣ путь открыли бы огонь, желѣзо, сила...
 (Владычица ночей, узнай, какъ я любила!)

«Сперва Киприду я благодарю: меня
 «Богиня счастьемъ подарила;

«Потомъ тебя, за то, что изъ огня

«Ты вырвала меня и въ домъ свой пригласила;

«А я, красавица, ужъ былъ испепеленъ:

«Бываль и богъ огня огнемъ любви сожженъ.

(Владычица ночей, узнай, какъ я любила!)

«Да, велика любви могучей сила:

«Она съ постели не одну

«Срывала въ часъ таинственныхъ свиданій

«И дѣву юную, и юную жену,

«Еще дрожавшую отъ мужниныхъ лобзаній...»

Такъ Дѣльфисъ говорилъ—внимала я ему,
 Я, легковѣрная, влюбленная — и что же?

Покорная безумью моему,

Влекла его на дѣвственное ложе...

Смелись уста и вспыхнулъ жаръ въ крови...

Но, цѣломудренно-любившая Селена,

Ты знаешь таинства любви!

Съ того мгновенья неизмѣнно

Текли дни наши въ тишинѣ,

Безъ ссоръ, упрековъ и обиды...

Но мать Филисто, олетриды,

Явилася ко мнѣ

Сегодня поутру, едва лишь воня Феба,

Изъ моря вынырнувъ, помчался вдоль неба,

Зорю румяную гоня —

Пришла и вѣстію встревожила меня:

«Твой Дѣльфисъ полюбилъ другую—я не знаю,

Кого онъ полюбилъ; но знаю лишь одно,

Что въ честь своей любви онъ часто пьетъ вино,

А ты оставлена... Твой вѣтренникъ цвѣтами

Вѣнчаетъ дверь любовницы своей.»

Она сказала мнѣ, и я—я вѣрю ей:

Сосѣдка славится правдивыми рѣчами.

И точно, отчего,
 Бывало, онъ на дню три раза побываетъ
 И чашу у меня порою забываетъ,
 А вотъ двѣнадцать дней не вижу я его?
 Ажели онъ забылъ меня для новой милой?
 Но, вѣтъ! съ Симетою онъ связанъ клятвы силой,
 И, если пренебречь задумаетъ мной онъ,
 Клянуся Парками, подземный Ахеронъ,
 Увидить скоро онъ твой токъ огнисто-бурный:

Затѣмъ, что ядь училась составлять
 У ассирійца я — и знаю сберегать

Его на днѣ волшебной этой урны.

Прости, луна! направь своихъ коней
 На отдыхъ и на сонъ — въ чертоги Океана...
 А мнѣ не отдохнуть съ печалію моей.

Прости, серебрячѣлая Діана,
 Простите также вы, свѣтильники ночей,
 Вы, спутники ея беззвучной колесницы,
 Ея, ночей блистательной царицы!

1856.

VII.

СИРАКУЗЯНКИ, ИЛИ ПРАЗДНЕСТВО АДОНИСА.

(Идиллія *).

Гóрго. (а)

Дома Праксїноа?

ПРАКСІНОА.

Милая Гóрго, какъ поздно!... Я дома;
 Но ужъ и ждать перестала тебя... Поскорѣ скамейку
 И изголовье, Эйноа! (б)

Гóрго.

Не нужно.

*) См. примѣчанія въ концѣ статьи.

П Р А К С И Н О А .

Да полно, садися!

Г о р г о .

Вѣрю теперь, что блаженны безлотноя души!
 Какъ я устала, Праксїноа! Думала, вѣтеръ повалитъ...
 Шла къ тебѣ—шла, и не знала—дойду ли? На улицахъ давка:
 Все колесницы четверкой, сандалии, брѳны, хламиды...
 Чернь такъ и ломить стѣною: насилу-то вотъ дотащилась...

П Р А К С И Н О А .

Что же ты хочешь? съ большого ума, мой любезный сожитель
 Лучше придумать не могъ, какъ найти мнѣ кавурку —
 Здѣсь, на краю, всего свѣта,—затѣмъ ужъ, конечно,
 Чтобъ разлучить насъ съ тобою: во всемъ, вотъ во всемъ мнѣ
 перечить;
 Просто не мужъ онъ, а извергъ мой!...

Г о р г о .

Ссъ!... Помолчи при ребенкѣ: (с)

Видишь, какъ смотреть?

П Р А К С И Н О А .

Запиріонъ, душечка! я не объ тятѣ...

Г о р г о .

Все понимаетъ мальчишка,—клянуса самой Прозерпиной!
 (Запиріону.)

Милый мой, тятя твой добрый и умникъ!

П Р А К С И Н О А .

«Сей умникъ и, будто-бъ»

Какъ говорится въ законѣ, «виновникъ дней нашего сына»—
 Вздумалъ вчера мнѣ купить притираній, и вмѣсто селитры
 Добылъ—орясина въ сажень!—чего же ты думаешь?... Соли!...

Г Ó р г о .

Вылитый мой Дюкляйдасъ: присяжный палачъ на покупки!
Вообрази себѣ: цѣлыхъ семь драхмъ заплатилъ, и за что же?
За пять облѣзлыхъ овчинокъ,—отрѣпя, собачія шкуры,
Лѣхмы на лохмахъ!... Однако бери поскорѣй покрывало
И одѣвайся... Пора во дворецъ Птоломея, на праздникъ
Въ честь Адониса. Я слышала, будто царица готовить
Намъ торжество изъ торжествъ!...

П р а к с и н о а .

Для того и богатство дается
Людымъ, чтобъ были богаты.

Г Ó р г о .

Конечно!... А мы хоть посмотримъ,
Да перескажемъ тѣмъ, кто не видалъ... А пора намъ собираться!

П р а к с и н о а .

Празднымъ одна пора: праздникъ... Воды мнѣ, Эйноба, скорѣе!
Слышишь? Да что же ты тянешься, точно какъ кошга съ про-
сонокъ?
Сдвинься же съ мѣста!... И прежде всего мнѣ воды!... Полю-
буйтесь,
Какъ подаетъ она! Лей же потише, несчастная! брызжетъ
Мнѣ на хитоніонъ, словно на тряпку какую!... Довольно!
Вотъ и умылась, какъ боги велятъ умываться... Эйноба,
Ключъ отъ большого ларца!... да сама принеси мнѣ живѣе.

Г Ó р г о .

Вотъ-такъ къ лицу эмперомена!... Какъ извиваются сборки!...
Сколько, по правдѣ, дала ты за ткань?

П р а к с и н о а .

И не спрашивай, Гóрго!
Чуть ли не цѣлыхъ двѣ мины, чистѣйшихъ серебряныхъ мины.
Вышивки я не считаю: всю душу въ нее положила...

Г Ó Р Г О.

Ну, и довольна?

П Р А К С Ы Н О А.

Довольна. Подай покрывало, Эйноба,
Да ужь и мантию кстати.

(Запириону.)

А ты—ты останься:

Волеи тамъ ходять... кусаются... Лошади также кусаютъ
Маленькихъ мальчиковъ... Хнычь-себѣ въ волю, а я ужь не брошу
Такъ-таки прямо тебя подъ копыта... Прощай же!... Эй, няня!
Чѣмъ-нибудь надо потѣшить ребенка!... Покличь ты собаку,
Да не забудь же, смотри, припереть дверь засовомъ... О, боги!
Что за толпа! Вотъ поди проберись сквозь такой муравейникъ!...
О, Птоломей! съ той поры, какъ отецъ твой къ богамъ сопри-
числень,

Сколько добра ты намъ сдѣлалъ! Теперь не боится ужь путникъ.
Смѣлыхъ воровъ, настоящихъ египтянъ; а въ прежнее время
Какъ плутовали они заодно цѣлой хитрою шайкой!...
Милая Гóрго! спасайся: вонъ вершники царскіе мчатся!
Ахъ, не сомни меня, всадникъ любезный! Твой рыжій взбѣсился—
Такъ и стоитъ на дыбахъ! Отодвинься же, дура-Эйноба...
Разомъ убьетъ!... Хорошо, что ребенокъ мой дома остался!...

Г Ó Р Г О.

Да успокойся, Праксinoa: всѣ ускакали на площадь.

П Р А К С Ы Н О А.

Охъ! наконецъ отдыхаю... Коя да змѣи ледянистой
Больше всего я боялася съ дѣтства... Однако
Надобно намъ потѣшить: прибываетъ толпа за толпою.

Г Ó Р Г О.

Ты изъ дворца что ли, матушка? (2)

С Т А Р У Х А.

Да, мои дѣтки, оттуда.

Г Ó Р Г О .

Можно войти?

С Т А Р У Х А .

Попытайся: поврѣмени, даже и въ Трою
Греки вошли!... Все поврѣмени можно... Попытка—не шутка...
Такъ-то, красавица!...

Г Ó Р Г О .

Все рассказала старуха по пальцамъ—
И ужъ ушла.

П Р А К С Ы Н О А .

Да чего не расскажем старухи! Все знаютъ...
Даже, какъ Гера на брачное ложе приѣмлетъ Зевеса.

Г Ó Р Г О .

Видишь, Праксїноа, сколько народу у двери толпится?

П Р А К С Ы Н О А .

Ужась что! Гóрго, дай руку мнѣ: такъ-вотъ! А ты, Эвтихида (d),
Эйнба,
За руку крѣпче, какъ можешь, возьми, да смотри не отстань же:
Надо всѣмъ вмѣстѣ войти... Ближе къ намъ прижимайся, Эйнба!
Бѣдная я! мой лѣтнїкъ ужъ изорванъ... Не правда ли, Гóрго?...
Дѣй да хранить твои дни; но прошу я тебя, чужеземець,
Платъе мое пощади!

Ч у ж е з е м е ц ъ . (e)

Радъ бы радостью былъ... Постараюсь...

П Р А К С Ы Н О А .

Страшная давка! Толгуются, какъ стадо свиное.

Ч у ж е з е м е ц ъ .

Не бойтесь!

Вотъ на просторъ вы и выбрались, женщины!

ПРАКСІНОА.

Ахъ, дорогой чужеземецъ!
Ты—нашъ спаситель! пошли тебѣ небо счастливые годы.
Какъ онъ любезенъ и честенъ!... Эйноа, насъ душатъ! Держися!
Да пробивайся жъ впередъ напроломъ, злополучная! Знатно!
Всѣ ужъ вошли (ж) говорить новобрачный, свою молодую
Въ домъ запирая на первую ночь...

Г Ó Р Г О.

Подойди сюда ближе —
Ткани сначала посмотримъ: взгляни—что за прелесть, за тоцкость!
Кажется, боги творили...

ПРАКСІНОА.

Пресвѣтлая дѣва-Аѳна!
Что за ткачихи ихъ ткали? Какой живописецъ-художникъ
Образы эти набросилъ? Не живопись—люди живые!
Сколько ума въ человѣкѣ! А самъ Адонисъ! полюбуйся —
Какъ онъ хорошъ на серебряномъ ложѣ!... ланиты покрылись
Юности дѣвственнымъ пухомъ... О, какъ онъ хорошъ, вселюбимый,
Даже любимый и тамъ, на самомъ берегу Ахерона!

2-й ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Долго ли вамъ ворковать всякій вздоръ? Точно горлицы, тянутъ
Слово за словомъ!

Г Ó Р Г О.

Да кто ты, мой милый? И что тебѣ, если
Мы въ самомъ дѣлѣ хотимъ поболтать? Мы твои не рабыни!
Ты сиракузянкамъ хочешь законы писать? Не трудися:
Знай, что мы родомъ—прямые коринѳянки и согражданки
Съ Беллерофономъ. Языкъ нашъ безъ примѣси целополезской.
Иль говорить по-дорійски доріянкамъ ты запрещаешь?

ПРАКСІНОА.

О, медодарница! (э) ты ужъ отъ двухъ-то господъ насъ избавь!
И одного съ насъ довольно!... Тебя не боюсь я, пришелецъ,
И не позволю обидѣть себя никому... понапрасну.

Г Ѣ р г о .

Полно, Праксіноа! Видишь: готовится въ честь Адониса
Итъ знаменитая дѣва Артеп, которая въ иѣсняхъ
Сперхиса (и) столько ужъ разъ побѣждала. Молчи жъ: начинается...
Вѣрно, споеть превосходно, и я востаргаюсь заранѣ...

Женщина (к) поетъ:

Ты, властелинка надъ ГѢлгосомъ, ты, соприсушая
Нивамъ Идалии, съ Эриксомъ круто-холмистымъ,
Ты, поцѣлуемъ зовущая
Звонче, чѣмъ золотомъ чистымъ!

Видишь—годъ минулъ: къ тебѣ самого Адониса, Киприда,
Медленно-лѣтныя Оры (и) приносятъ съ прибрежій аида!
Правда, медлительны Оры; но всѣ ихъ желаютъ и просятъ:
Что-нибудь людямъ *онѣ* постоянно приносятъ...

Дочь Діонеи, Киприда! ты смертному лозію
Цвѣтъ и безсмертную завязь дала, всеблагая,
Каплю по каплѣ амврозію
Въ грудь Береники вливая:

И потому, многохрамная,—честь Адонису и лики,
Что, красотою съ Еленою равная, дочь Береники,

Что Арсиноа тебѣ благодарна... Взгляни же ты,
Какъ надъ твоимъ Адонисомъ цвѣты заплелся;
Какъ въ чаши гроздія выжаты, —
Будто бы сами лилися;

Какъ для него созрѣваютъ плоды подъ дыханьемъ зефира;
Какъ въ золоченыхъ сосудахъ курится сирійская мирра.

Все, что изъ бѣлой муки на листьяхъ выпекается,
Съ примѣсю травъ и растеній душистыхъ, женами,
Сокомъ оливо насыщается,
Иль золотыми сотами,

Все, что снѣдомо въ водахъ, на землѣ и въ пространствахъ
ээра,

Все—передъ гостемъ, любезнымъ виновникомъ нашего пира.
Вотъ—для него же—увита бесѣдка укропомъ пахучимъ,

Крошки-эроты надъ ней переносятся роємъ летучимъ:

Такъ соловьята пытаются крыла мягкопернаго
Силу, порхаячи, съ вѣтки на вѣтку, дубровой...

Сколько тутъ дерева чернаго,

Золота, кости слоновой,

Сколько ихъ въ этихъ орлахъ, — такъ и слышно, — крылами
шумящихъ,

Къ внуку Сатурнову въ высъ виночерпія юнаго мчащихъ!

— «Мягче вы сна!» восхищаясь коврами багровыми,
Скажетъ милетець; самосецъ ссазалъ бы все то же...

Вотъ, подъ завѣсой, готовыми,

Высытса ложе и ложе:

Въ первомъ — Киприда, въ другомъ — Адонисъ, Адонисъ, не-
отжившій

И девятнадцати вѣсенъ, такъ рано и юно любившій,

Что не кололъ нѣжный пухъ его устъ, при лобзаніи,
И еле-еле подъ нимъ золотились ланиты.

Какъ ты блаженъ при свиданіи,

Юный супругъ Афродиты!

Завтра, зарею, мы къ морю снесемъ и тебя, и Киприду,
И, съ обнаженными персями, гимнъ запоемъ подъ пектиду:

«Лишь одинъ ты, полу-богъ,

Возвратиться къ смертнымъ могъ

Изъ обители Плутона,

И съ прибрежій Ахерона

Намъ на время возвращенъ.

Этой чести удостоенъ

Ни герой Агамемнонъ,

Ни Аяксъ, свирѣный воинъ,

Не былъ Кронидомъ во вѣкъ,

И ни Гекторъ самъ, любимый

Изъ сыновъ Гекубы чтимой,

Ни одинъ сей человекъ,

Ни Патроклъ, ни Пирръ — герой,

Соразрушители Трои,

Ни древнѣйшіе отъ нихъ,

Тѣ, на ветхихъ трупахъ чьихъ
 Зародилася Эллада,
 Девкаліонови чада —
 Всѣ они, и всѣ они,
 Всѣ Пеласги, Пелопиды,
 Какъ и мы, кончали дни:
 Ты одинъ, супругъ Киприды,
 Ты одинъ, нашъ Адонисъ,
 Живъ изъ смертныхъ... возвратись!»

Г ѳ р го.

Боги! Праксinoa, слышала? Вотъ-такъ счастливица-дѣва!
 Дважды—счастливица! Что за гремучій, неслыханный голосъ!
 Что за искусство!... Но время домой намъ: теперь голодаеть
 Мой Діоклѣядасъ; а если онъ голоденъ—просто бѣдовый!
 Ахъ, Адонисъ мой; прости; но вернися—на счастье намъ—снова!
 1858.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ
 ЧТЕНІЯ» (1858).

Л. А. Мей, кончившій переводъ всѣхъ пѣсенъ Анакреона, занялся переводомъ всѣхъ идиллій Теоокрита. Идиллія „Сиракузянки“ была уже превосходно переведена Гнѣдичемъ; но нашъ незабвенный истолкователь Гомера врядъ ли имѣлъ подъ рукой тѣ схоластическія пособія, которыя теперь облегчаютъ всякое добросовѣстное занятіе.

Для поясненія «Сиракузянокъ», приводимъ предисловіе Гнѣдича:

«Поэзія идиллическая у насъ, какъ и въ новѣйшихъ литературахъ европейскихъ, ограничена тѣснымъ опредѣленіемъ *поэзіи пастушеской*; опредѣленіе ложное. Изъ него истекаютъ и другія, столько же неосновательныя мнѣнія, что поэзія пастушеская (т. е. идиллія и эклоги) въ словесности нашей существовать не можетъ, ибо у насъ нѣтъ пастырей, подобныхъ древнимъ и проч., и проч.

Идиллія грековъ, по самому значенію слова ¹⁾, есть *видъ, картина*,

¹⁾ Εἰδύλλιον происходитъ отъ εἶδος, *видъ*, и есть слово уменьшительное, такъ сказать, *видица*. (Гнѣдичъ хотѣлъ, повидимому, объяснить понятное для насъ выраженіе *tableau de genre*, въ полномъ значеніи этого слова, т. е. въ значеніи картины изъ народнаго быта.)

или то, что мы называемъ *сцена*; но сцена жизни и пастушеской, и гражданской, и даже героической. Это доказываютъ идилліи Теоокрита, поэта перваго, и лучше сказать единственнаго, который, въ семь родѣ поэзіи, служилъ образцомъ для всѣхъ народовъ Запада. Хотя не онъ началъ обрабатывать сей родъ, но онъ усовершенствовалъ его, приближивъ болѣе къ природѣ. Занявъ для идилліи своихъ формы изъ *миль*, сценическихъ представлений, изобрѣтенныхъ въ отечествѣ его, Сициліи, онъ обогатилъ ихъ разнообразіемъ содержаній; но предметы для нихъ избиралъ болѣе частію простонародныя, чтобы пышности двора александрийскаго, при которомъ жилъ, противопоставить мысли простыя, народныя, и сею противоположною плѣнить читателей, которые были вовсе удалены отъ природы. Дворъ Птолемея совершенно не зналъ нравовъ пастырей сицилійскихъ; картины жизни ихъ должны были имѣть для читателей идилліи двоякую прелесть, и по новости предмета, и по противоположности съ чрезмѣрною изнѣженностію и необузданною роскошью того времени. Сердце, утомленное бременемъ роскоши и шумомъ жизни, жадно плѣняется тѣмъ, что напоминаетъ ему жизнь болѣе тихую, болѣе сладостную. Природа никогда не теряетъ своего могущества надъ сердцемъ человѣка.

Вездѣ, гдѣ общества человѣческія доходили до предѣла, на которомъ былъ тогда Египетъ, поэты также пытались производить подобныя противоположности. Но одни греки умѣли быть вмѣстѣ и естественными, и оригинальными. Всѣ другіе народы хотѣли улучшивать, или по своему переименовывать самую природу; чувства замѣняли чувствительностію, простоту изысканностію. У римлянъ нѣсколько разъ пытались представить горожанамъ картины жизни сельской. Идилліями началъ свое поприще Вергилій; но не смотря на прелесть стиховъ, онъ остался позади Теоокрита; пастухи его болѣею частію ораторы. Калпурій и другіе изъ римлянъ подражали Вергилію, не природѣ.

Въ литературахъ новѣйшихъ время, особенно итальянской, когда всѣ роды поэзіи были испытаны, являлось множество идиллій, посреди народа развращеннаго; но какъ мало естественности въ Санназаро, какая изысканность въ Гварини! О французахъ и говорить нечего. Геснеръ, котораго много читали при дворѣ Людовика XV, также не могъ выдержать испытанія времени; онъ создалъ природу сентиментальную, на свой образецъ; пастуховъ своихъ идеализировалъ, а что хуже, въ идилліи ввелъ миеологию греческую. Въ этомъ состояло его заблужденіе: нимфы, фавны, сатиры для насъ умерли и не могутъ показаться въ поэзіи нашего времени, не разливая ледяного холода. Такимъ образомъ Теоокритъ остается, какъ Гомеръ, тѣмъ свѣтлымъ фаросомъ, къ которому, всякій разъ, когда мы заблуждаемся, должно возвратиться.

До сихъ поръ одни поэты германскіе, намъ современные, хорошо поняли Теоокрита; Фоссъ, Броннеръ, Гебель произвели идилліи истинно народныя; плѣнительныя картины оныхъ переносятъ читателя къ той сладостной жизни въ нѣдрахъ природы, отъ которой нынѣшнее состояніе общества такъ насъ удаляетъ; онѣ вселяютъ даже любовь къ сему роду

жизни. Успѣхъ сей производятъ не одни дарованія писателей: Санназаро, Геснеръ имѣли также дарованіе. Германскіе поэты поняли, что родъ поэзіи идиллической, болѣе нежели всякій другой, требуетъ содержаній народныхъ, отечественныхъ; что не одни пастухи, но всѣ состоянія людей, по роду жизни близкихъ къ природѣ, могутъ быть предметами сей поэзіи. Вотъ главная причина ихъ успѣха.

Гдѣ, если не въ Россіи, болѣе состояній людей, которыхъ нравы, обычаи, жизнь такъ просты, такъ близки къ природѣ? Это правда, русскіе пастухи не спорятъ въ пѣснопѣнія, какъ греческіе; не дарятъ другъ друга вазами и пр.; но отъ этого развѣ они не люди? развѣ у нихъ нѣтъ *своихъ* сердець, *своихъ* страстей? а у другихъ простолюдиновъ нашихъ развѣ нѣтъ своей вѣры, повѣрій, нравовъ, костюмовъ, своего быта домашняго и своей русской природы? Наши многообрядныя свадьбы, наши хороводы, разныя играща, праздники сельскіе, даже церковныя, суть живыя идилліи народныя, ожидающія своихъ поэтовъ. Какъ умѣлъ Теокрытъ всѣмъ этимъ пользоваться! Желая описать, напримѣръ, *Праздникъ Адониса*, какъ онъ искусно возвышаетъ похвалу его, влагая оную въ уста лицъ низшаго состоянія. Идиллію сію я перевести осмѣлился. Одна изъ труднѣйшихъ, по множеству послѣвиць и простонародныхъ оборотовъ, она въ переводѣ, можетъ быть, не удовлетворитъ требованіямъ знатоковъ языка греческаго; но да простятъ слабости перевода за намѣреніе познакомить сколько нибудь читателей, не знающихъ погречески, съ однимъ изъ необыкновенно-оригинальнымъ произведеніемъ поэта древняго, которое болѣе другихъ его идиллій доказываетъ, что и въ новѣйшихъ литературахъ идиллія также существовать можетъ, если поэты будутъ умѣть, подобно Теокрыту, пользоваться предметами. Вотъ содержаніе идилліи:

Сиравузянки, съ семействами ихъ, прѣгавшія въ Александрію, приходятъ одна къ другой; желая видѣть праздникъ Адониса, идутъ во дворецъ Птолемея Филадельфа, идъ жена его, Арисноя, великолѣпно устроила это празднество.

Въ такой рамѣ, повидимому, тѣсной, чего ни заключается? Образъ жизни, нравы семейныя, обычаи народныя, военныя, дѣла царствованія Птолемеява, обряды религіи, великолѣпіе ея празднествъ — все тутъ видимо, и все въ живомъ дѣйствиі, не въ холодномъ описаніи. Такова идиллія древнихъ, или, лучше сказать, таковъ геній Теокрыта. >

Войдя въ невольное состязаніе съ Гнѣдичемъ, Л. А. Мей нашелся въ необходимости сдѣлать нѣсколько примѣчаній и ссылокъ на авторитеты.

ПРИМѢЧАНІА И РАЗЪЯСНЕНІА Л. А. МЕЯ.

(а) Въ греческомъ подлинникѣ не обозначены дѣйствующія въ этой идилліи лица; но ихъ можно наименовать по самому тексту: Горго и Праксиноа—сиракузянки, Эйнао—невольница Праксинои; старуха; 1-й и 2-й чужеземцы. Кромѣ того, еще упоминается о сынѣ Праксинои, Запиріонѣ, и ея невольникѣ, Эвтихидѣ.

(б) Я держался толкованія Валькенера (Walckenaer) и его изданія *идиллій Теоокрита*, а потому и отнесъ къ Праксиноѣ слова: «Милая Горго» и т. д., до словъ «Изголовье, Эйнао». Въ другихъ изданіяхъ эти слова отнесены къ Эйнао... Также переведено и у Гнѣдича. Но мнѣ кажется, что чтеніе Валькенера правильнѣе: врядь ли невольница могла называть посѣтительницу своей госпожи *милою*.

(в) Я уже замѣтилъ, что Запиріонъ—сынъ Праксинои. Гнѣдичъ точно также читаетъ это собственное имя, но имя мужа Горго произноситъ по-рейхлински, т. е. не Діоклѣйдасъ, а Діоклѣидъ.

(г) Гнѣдичъ прибавляетъ къ слову Горго, въ скобкахъ: (къ старухѣ, идущей на встрѣчу). Въ подлинникѣ этихъ словъ нѣтъ.

(д) Я перевелъ Эвтихида, а не Эвтихиды, по чтенію Валькенера. У него напечатано *Ευτιχίδος*, собственное имя мужское, а не женское. Такъ и во французскомъ изданіи: *Lyrîques Grecs. Theocrite. Traduction de M. V... de L...., membre de l'académie de Paris.*

Въ переводѣ Гнѣдича рѣчь идетъ объ Эвтихидѣ, невольницѣ Горго.

(е) Гнѣдичъ въ своемъ переводѣ говоритъ:

«... Платье мое разорвано, Горго,

Точно разорвано!...»

И потомъ продолжаетъ: (къ незнакомцу)

«Ради Зевеса,

да будешь ты счастливъ,

«Добрый мой человекъ, я прошу—охраняй мое платье.»

Въ подлинникѣ, по изданіямъ Валькенера, Брунка, миланскому и по другимъ, нѣтъ этой вставки: (къ незнакомцу).

(ж) (*Всѣ вошли*) «*Ευδοί τῶσαι*»—слова брачнаго обряда.

(з) Я не зналъ, какъ ближе передать греческое слово «*αδερων*», нѣчто въ родѣ «неудачнаго», или, какъ выражался покойный Осипъ Ивановичъ Сенковский, «*грѣшившаго стиховно*».

(и) Долгомъ считаю упомянуть, что у Гнѣдича этотъ гимнъ переведенъ, то-временно, въ совершенствѣ; по переводчикъ унесъ съ собою въ могилу тайну искусства—передавать древне-греческіе стихи русскими.

Нельзя не припомнить при этомъ вдохновенныхъ словъ Пушкина:

«Слышу умоляшіе звуки божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой».

Звучность гнѣдичеваго строя я попытался сколько нибудь замѣнить созвучіями. Вслѣдствіе этого, размѣръ измѣненъ.

(к) Разумѣется,—аргивянка.

(л) Богиня часовъ—орес.

VIII.

ПОХИТИТЕЛЬ МЕДА.

Какъ-то Эроса, за кражу изъ улья сотѣвъ благовоющихъ,
 Въ палець ужалила больно пчела: онъ и на руку дуеть,
 Онъ и ножонкою топаетъ о-земь отъ боли и гнѣва,
 И къ Афродитѣ летить — показать ей жестокою рану,
 Малышъ созданьемъ такимъ, какъ пчела, нанесенную злобно.
 «Сынъ мой!» богиня ему отвѣчаетъ съ улыбкою: «развѣ
 Самъ не похожъ ты на пчелку? Подумай: ты — малый ребенокъ,
 А вѣдь какія ты раны наносишь своими стрѣлами!»

IX.

КЪ СТАТУѢ АНАКРЕОНА.

Пристально въ статую эту взглядишь, чужеземець,
 И, возвратися домой къ себѣ, молви: «и видѣлъ въ Тебѣсь
 Анакреона, пѣвца несравненнаго ветхой Эллады».
 Если прибавишь: «и лучшаго юности друга» —
 Въ этихъ немногихъ словахъ ты очертишь безсмертнаго мужа.

17 августа 1856.

X.

ВЕРЕТЕНО.

(27-я идиллія.)

Даръ стрѣлоокой Аенны, безцѣнный для пряжи досужей
 И домовитой хозяйки, кормилицы нѣжной семейства,
 Веретено! поплывёмъ мы съ тобою къ веселой Налѣѣ
 И въ тростникѣ, у пріюта Кириды, свой якорь закинемъ.
 Только бы Дій испослалъ намъ погонюю вѣтеръ попутный,
 Только бы обнялъ скорѣе я Нивію, милаго друга,
 Милаго также и странницамъ-музамъ хозяйскимъ привѣтомъ.

XI.

СМЕРТЬ АДОНИСА ¹⁾.

Не стало Адониса:
 Лежитъ передъ Киберой —
 Безжизненъ, блѣденъ; кудри
 Покрываютъ пылью сѣрой.
 На стонъ богини гнѣвной
 Слетѣлися эроты;
 И загоняютъ вепря —
 Убийцу въ тенѣты.
 Поймали, заковали...
 Едва переступаешь...
 Кто за цѣпь тянетъ звѣря,
 Кто лукомъ подгоняетъ, —
 И привели къ богинѣ:
 — «О, звѣрь между звѣрями!
 Такъ — это ты супруга
 Дерзнулъ сразить клыками?»
 — «Клянусь тебѣ, Кибера,
 Покойникомъ героемъ,
 И узами моими,
 И этихъ ловчихъ роемъ!
 Красавца Адониса
 Я не хотѣлъ поранить;
 Но что жъ?... краса всевластна
 Собою взоръ туманить...
 Онъ сталь передо мною,
 Какъ бога изваянье, —
 И, лядвію завидѣвъ,
 Я потерялъ сознание...
 Владчица! казни же
 Клыки мои и зубы,
 А если недовольно,
 Отрѣжь мнѣ даже губы...»

---

¹⁾ Адонисъ погибъ на охотѣ, подъ клыками разъяреннаго вепря.

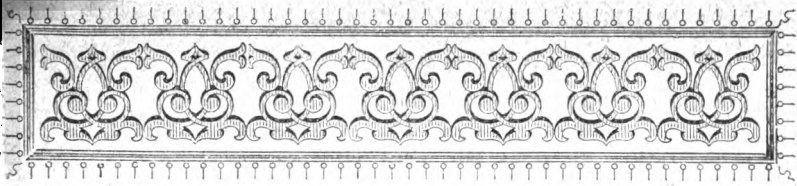
Богинѣ стало жалко,
И вепря благодушно
Она освободила...
Вотъ съ тѣхъ-то поръ послушно
Онъ ходить за богиней,
И весь у ней во власти,
И сжѣтъ кльва, причину
Своей безумной страсти.

13-е апрѣля 1862 г.

СЪ АНГЛИЙСКАТО.

МИЛЬТОНЪ.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

I.

изъ первой пѣсни.

И девять разъ уже смѣнилось время,
Мѣрило дня и ночи для людей,
Какъ Сатана со скопищемъ проклятымъ
Лежалъ, въ горящей пропасти вращаясь,
Разбитый, сокрушенный, хотъ безсмертный.
Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему пная кара —
И бѣлая — была присуждена:
Его съ тѣхъ поръ терзать долженствовали
Двѣ мысли — объ утраченномъ блаженствѣ
И мукахъ, нескончаемыхъ во вѣки.
Уныло онъ вокругъ бросаетъ взоры,
Горящія и скорбю мятежной,
И гордой, закоснѣлою враждою.
И вдаль онъ смотритъ — и вездѣ, куда
Достигнуть можетъ ангельское око,
Онъ видитъ лишь ужасную пустыню,
Обширную и дикую темницу,
Округлую со всѣхъ сторонъ, подобно
Горнилу распаленному; но пламя
Не изливаетъ свѣта въ ней, а только —

Мракъ видимый, способный озарить
 Мерцаніемъ ужасные предметы —
 Страну печалей, горестныя сѣни,
 Гдѣ никогда не могутъ обитать
 Ни тишина, ни миръ; куда надежда,
 Всѣмъ близкая, ни разу не достигла;
 Гдѣ муки пытки длятся безконечно;
 Гдѣ жупель несгораемый питаетъ
 Всечасно прибывающій потопъ
 Огня геенны. Такова обитель,
 Назначенная вѣчнымъ правосудьемъ
 Мятажникамъ. Ихъ мрачная темница
 Удалена отъ Бога и отъ свѣта
 На разстоянью, большее трикраты,
 Чѣмъ отъ земного средоточья полюсь.
 О, какъ не схожа эта бездна съ высью,
 Откуда духи сверженные пали!
 И вотъ своихъ сообщниковъ въ паденьѣ,
 Затопленныхъ горящими волнами,
 Средь ярыхъ вихрей бурнаго огня
 Узрѣлъ онъ вскорѣ, и съ собою рядомъ
 Узрѣлъ въ мученьяхъ скорчен наго духа,
 Совмѣстника по силѣ и печестью,
 Того, къ кому, чрезъ вѣки, Палестина,
 Постыдно поклоняясь, зывала:
 «Веэльзевулъ!» Ему-то архи-врагъ,
 На небѣ нареченный Сатаню,
 Ужасное молчаніе нарушивъ,
 Вѣщаль такія дерзостныя рѣчи:

«Ты ль это? О! какъ глубоко ты палъ!
 Какъ не похожъ на образъ лучезарный,
 Чтó нѣкогда въ блаженномъ царствѣ свѣта
 Своимъ сіяньемъ яркимъ затмѣвалъ
 Воителей небесныхъ мірады!
 И ежели ты тотъ, кого со мною
 Одни и тѣ жъ намѣренья и думы,
 Одна и та жъ надежда и отвага
 На славный подвигъ вмѣстѣ съединили,

Къ соединяетъ ранняя погибель —
 Ты видишь самъ, въ какую прѣпасть пали
 Мы съ высоты, низвержены громами
 И молніей Всевышняго. Но кто же
 Доселѣ зналъ всю мощь его десницы?
 Однако же ни эта мощь, ни кары,
 Быть можетъ, уготованныя впрредѣ
 Мнѣ гнѣвнымъ побѣдителемъ, не въ силахъ
 Вселить въ меня раскаянья, и я —
 Хотя въ наружномъ блескѣ измѣненный —
 Не измѣню ни умысла того,
 Ни высшаго того пренебреженья
 Къ обидѣ, мнѣ неправо нанесенной,
 Которые принудили меня
 Со всемогущимъ смѣло состязаться,
 И вызвали на лютую борьбу
 И бой тьмы-темъ духовъ вооруженныхъ:
 Они его владычество отринуть
 Осмѣлились, и предпочли меня,
 И, воспротивясь силою своею
 Всевышней силѣ, средь равнинъ небесныхъ
 Въ сомнительномъ бою колебали
 Его престоль... Мы потеряли поле,
 Но что жъ? не все потеряно: остались
 И воля непреклонная, и месть,
 И мужество, несвѣчное ярму:
 Вотъ что во вѣкъ ничѣмъ непобѣдимо!
 И этой славы отъ меня исторгнуть
 Ни гнѣвъ его, ни сила не возмогутъ.
 И неужель колѣнопреклоненно
 Мнѣ пасть во прахъ челою и умолять
 О милости, и власть боготворить
 Того, кто самъ содрогнулся недавно
 За власть свою предъ грозной сей десницей?
 О, вѣтъ! такое униженье будетъ
 Безчестнѣй и позорнѣе паденья!
 Зане, судьбы велѣваемъ, существо
 И мощь духовъ ничѣмъ несокрушимы,
 Мы, опытомъ событій приснославныхъ

Увѣрясь въ силѣ нашего оружья
 И искусясь въ предвидѣннѣ разумномъ,
 Должны рѣшить, съ надеждой необманной:
 Вестя ль отнынѣ силой, иль коварствомъ
 Непримѣримо-вѣчную войну
 Съ врагомъ великимъ. Онъ же торжествуетъ
 Въ избыткѣ радости побѣдной, и царить
 На небесахъ — единый самовластно!»

Такъ говорилъ богоотступникъ-ангелъ,
 И, посреди мученій, громогласно
 Отчаяньемъ и пыткой величался.

II.

ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

Ничто съ Эдемомъ не могло сравниться,
 И все красой далеко отстояло
 Отъ сада ассирійскаго, гдѣ *врагъ*
 Обозрѣвалъ кругомъ безъ наслажденья
 Всѣ рѣды наслажденій, и всѣ рѣды
 Живыхъ существъ, для взора странно новыхъ.
 Межъ ними два, съ осанкой благородной,
 Съ богоподобно-возвышеннымъ станомъ,
 Единой ризой чистоты одѣты,
 Казались — въ ихъ величѣ обнаженномъ —
 Достойными владыками всего:
 Во взорахъ ихъ сіяль и отражался
 Всеславнаго создателя ихъ образъ,
 И истина, и разумъ, и святая,
 Покорная любовь дѣтей къ отцу —
Покорная, но вольная — а людямъ
 Могущество она лишь придаетъ...
 Однако же чета была неравной,
 Какъ былъ неравнымъ самый полъ ея:
 Онъ созданъ былъ на мощь и созерцанье;

Она — на чары нѣжныя и прелесть;
 Онъ созданъ былъ единственно для Бога;
 Она — для Бога — въ образѣ его.
 Его чело высокое и взоры
 Являли власть верховную; и кудри —
 Темнѣе гіацинта — ниспадали
 Съ пробора, вровень съ мощными плечами.
 У ней, до самыхъ легко-стройныхъ чреслъ,
 Покровомъ пали золотыя пряди
 Волось, волнистыхъ, сладострастно-мягкихъ,
 Какъ завитокъ весенній винограда.
 Зависимость они обозначали,
 Но обоудно-признанную впрочемъ,
 Зависимость, къ которой власть и сила
 Тѣмъ легче и нѣжнѣ относились,
 Чѣмъ болѣе встрѣчали и отпора,
 И гордости въ уклончивости страстной...
 И не было таинственно сокрыто
 Ничто... затѣмъ — что не было стыда...
 Позорный стыдъ предъ тайнами природы,
 Безчестное исчадіе грѣха,
 Прикрытое личиною ложной чести,
 Ты возмутилъ весь родъ людской и изгналъ
 Изъ благозданной жизни человѣка
 И простоту, и свѣтлую невинность!

И такъ *они* нагими пребывали
 Передъ очами ангеловъ и Бога,
 Затѣмъ, что зла еще не понимали.
 Рука съ рукой, гуляла по Эдему
 Младая, несравненная чета;
 Подобной ей потомъ не соединяла
 Любовь въ своихъ объятіяхъ: Адамъ —
 Красивѣйшій изъ всѣхъ послѣ-рожденныхъ
 Его сыновъ, и образецъ красы
 Межъ дочерей земли прелестныхъ — Ева.
 Подъ кущею тѣнистою деревьевъ,
 Дышавшею прохладой, на лужайкѣ,
 Близъ свѣжаго источника, они

Возсѣли рядо́мъ; ихъ поде́нный трудъ
 Средь вертограда райсваго нуждался
 Лишь въ дуновеньѣ тихаго зефира,
 И самый отды́хъ дѣлалъ имъ покойнѣй,
 Потребность въ пи́щѣ легкой возбуждая
 И жажду. Здѣсь супруго́въ ожида́ла
 Вечерняя трапеза изъ плодо́въ,
 Но изъ плодо́въ, въ которыхъ чистый нектаръ
 Повсюду сами вѣтви подноси́ли,
 Привѣтливо склоня́ясь надъ четую
 И надъ пушистымъ берегомъ потока,
 Узорчато-закованнымъ въ цвѣты.
 Пло́дъ сладкій, вмѣстѣ съ кожицей душистой,
 Они вкушали, уто́ляя жажду
 Струей кристалльной полно́го потока.
 И не было за трапезо́й супру́жней
 Ни въ нѣжныхъ разгово́рахъ недоста́тка,
 Ни въ ласково-осмѣленныхъ улыбка́хъ,
 Ни въ шалостяхъ ребяческихъ, присущихъ
 Четѣ, спря́жонной узами любви
 И одино́вой.

Окрестъ ихъ, рѣзвя́ся,
 Играли всѣ животныя земныя,
 Всѣ звѣри, что, въ послѣдствіи, сокрылись
 Въ глуши лѣсовъ, въ степяхъ или въ пустыняхъ.
 Припавъ къ землѣ, катался левъ и въ лапахъ
 Козленка нѣжилъ; прыгали кругомъ
 Медвѣди, тигры, барсы и пантеры;
 Сло́нь неуклюжі́й тѣшилъ ихъ, стараясь
 Сгибать искуснѣй хоботъ свой, а рядо́мъ,
 Сплетая въ узелъ гордіевъ всѣ кольца,
 Змі́й вкрадчавый и хитрый извивался
 И проявлялъ въ движеніяхъ коварство,
 Котораго еще не опасались.
 Другія же животныя, насытятся
 Обильной пи́щей, на травѣ лежали,
 Или жевали жвачку, ибо солнце
 Съ наклоннаго ристалища спѣшило

Спуститься въ море, къ дальнимъ островамъ,
И воздымалъ вѣсовъ небесныхъ чашу
Со звѣздами привратникъ неба вечеръ.

Тутъ Сатана, все время пребывавшій
Въ безмолвномъ созерцаніи, напоследокъ
Обрѣлъ давно-затихнувшее слово
И молвилъ, опечаленный:

«О, адъ!

Что съ грустію невольною я вижу?
На верхъ блаженства нашего, со славой,
Вознесены инныя существа,
Быть можетъ, земнородныя, не духи,
Но близкіи во всемъ къ духамъ небеснымъ.
Гляжу на нихъ я съ жаднымъ изумленьемъ —
И могъ бы полюбить ихъ: такъ подобенъ
Въ нихъ Божій образъ, и такую прелесть
Создателя десница въ нихъ вложила.
О, милая чета, ты и не знаешь,
Какъ отъ тебя превратный жребій близокъ,
Какъ скоро радость замѣнится горемъ,
Тѣмъ большимъ горемъ, чѣмъ полнѣе радости!
Вы счастливы, но счастье ваше мало
Охранено, и вашъ высокій рай,
И ваше небо также очень мало
Защищены передъ такимъ врагомъ,
Какой теперь къ вамъ входитъ... но врагомъ
Не вашимъ... Нѣтъ! я чувствую къ вамъ жалость —
Безжалостный... ищущій союза съ вами,
Взаимной дружбы, истинной и тѣсной,
Такой, чтобъ намъ отнынѣ обитать —
Иль съ вами мнѣ, иль вамъ со мной... Быть можетъ,
Моя обитель васъ и не плѣнитъ,
Какъ этотъ рай прелестный... что же дѣлать?
Она созданье вашего Творца —
Онъ самъ её мнѣ даровалъ въ наслѣдье,
И я дѣлюсь охотно съ вами: адъ
Свои врата широкія разверзнетъ

И вышлетъ вамъ владыкъ своихъ на встрѣчу.
 Для вашихъ многочисленныхъ потомковъ
 Простора будетъ много тамъ — не такъ,
 Какъ въ этомъ ограниченномъ пространствѣ —
 И если лучше мѣста не нашлося,
 Благодарите искренно Того,
 Кто за свои обиды вынуждаетъ
 Мстить даже не обидѣвшимъ меня...
 Но пусть бы я невинностию вашей
 Подвигнуть былъ, какъ и теперь, на жалость —
 Общественное благо, честь, стремленье
 Къ владычеству надъ этимъ новымъ міромъ
 И жажда мести мнѣ повелѣвають
 Исполнить то, предъ чѣмъ въ иное время —
 Хоть и проклятый — я бы содрогнулся. >
 Такъ общій врагъ сказалъ и, въ оправданье
 Своихъ проступковъ демонскихъ, привелъ
 Необходимость — доводъ всѣхъ тирановъ.

Онъ кончилъ рѣчь. Три раза измѣнило
 Ему лицо; три раза поблѣднѣло
 Отъ зависти, отчаянья и гнѣва,
 И каждому внимательному оку
 Могло бь открыть коварную личину:
 Затѣмъ, что духи свѣта непричастны
 Волненью необузданныхъ страстей.
 замѣтилъ онъ свое смущенье скоро,
 Смѣнилъ его спокойствіемъ наружнымъ,
 И — жи отецъ — дитя свое онъ первый,
 Онъ первый внесъ въ святныя сѣни рая,
 Прикрывши ею мечь, и вѣроломство.
 Но не возмогъ коварный обмануть
 Всевидящаго ока Уріла:
 За нимъ слѣдилъ архангелъ вѣщимъ взоромъ
 И — на вершинахъ ассирійскихъ горъ —
 Въ его чертахъ замѣтилъ измѣненье,
 Несродное блаженнымъ, и приемы,
 И гордую походку — ибо онъ
 Считалъ себя незримо-одинокимъ.

Стремился онъ и близился къ предѣламъ
 Эдема, гдѣ роскошный вертоградъ
 Увѣнчивалъ зеленою оградой,
 Какъ бы плетнемъ, возвышенную плоскость
 На дикой кручѣ. По бокамъ спускались
 Лѣса густыми, темными кудрями,
 Входъ воспрещая; а изъ самой гущи
 Вздымались, тѣни длинныя бросая,
 И кедръ, и ель съ развѣсистю пальмой
 Все выше: тѣнь дилася выше тѣни,
 Уступами — лѣсной амфитеатръ.
 Но выше ихъ верхушекъ поднялося
 Зеленое забрало вертограда:
 Съ него глядѣлъ нашъ праотецъ далеко
 На всѣ свои окружныя владѣнья;
 Еще повыше—рядомъ полукруглымъ
 Неслися вверхъ маститыя деревья,
 Покрытыя цвѣтущими плодами:
 Въ нихъ золото сливалось съ эмалью.
 На нихъ и солнце радостнѣй играло
 Своимъ лучомъ, чѣмъ на вечернихъ тучкахъ,
 Или на влажной радугѣ, когда
 Господь дождями орошаетъ землю.
 Былъ чудный видъ. И свѣжею струею
 Въ грудь Сатаны вливался чистый воздухъ—
 И вѣялъ онъ весною и весельемъ,
 И могъ бы онъ развѣять всѣ печали,
 Когда бъ души отчаянье не жгло.

И вотъ, стрясая съ крыльевъ ароматы,
 Летятъ зефиры нѣжныя и шепчутъ —
 Гдѣ взяли благовонную добычу.
 Не такъ ли, мысль Надежды обогнувши,
 Стремятся мореходы къ Мозамбику,
 И вдругъ нордъ-остъ внезапно къ нимъ доносить,
 Отъ самыхъ Савскихъ пряныхъ береговъ,
 Весь ароматъ Аравіи Счастливой,
 И замедляютъ плаванье они,
 Чтобы до дна исчерпать благовонья,

Смягчившія пахучею росою
 Суровыя морщины океана?
 Такъ усладилъ всеобщаго врага
 Эдемскій воздухъ благорастворённый.
 Но не былъ такъ пріятель рыбій дымъ
 Влюбленному въ жену Товита-сына
 И изгнанному силой Асмодею,
 Когда бѣжалъ онъ изъ страны Мидійской
 И скованъ былъ въ Египтѣ божьимъ гнѣвомъ.

Подошвы этой крутизны пустынной
 Достигъ стопою тихой Сатана
 Задумчиво... но далѣе не могъ онъ
 Найти прохода: частые подростки
 Кустарниковъ росли сплошной стѣною,
 Загорожая путь и человѣку,
 И звѣрю. Былъ одинъ лишь входъ съ востока,
 Но пренебрегъ имъ архи-возмутитель:
 Презрительнымъ прыжкомъ онъ перенесся
 Черезъ самую высокую ограду
 И на ноги въ Эдемъ сталъ. Какъ волкъ
 Своей добычи ищетъ, голодая,
 И, посмотрѣвъ—гдѣ пастыри, подъ вечеръ,
 Замкнули стадо, загородку хлѣва
 Свободно перескакиваетъ... или,
 Какъ дерзкій тать, задумавшій похитить
 Скопленную казну у гражданина,
 Хранимую запорными дверями,
 Влѣзаетъ въ домъ сквозь кровлю, или въ окошко—
 Такъ въ Божье стадо вкрался тать первѣйшій...
 (Такъ послѣ въ церковь вкратились нечестивцы)
 И вотъ, взлетѣвши, онъ на Древо Жизни,
 Срединное и высшее надъ всѣми,
 Сѣлъ въ видѣ вѣрона; но не объ жизни—
 О смерти всѣхъ живущихъ онъ подумалъ:
 Не вникъ онъ въ свойство древа-жизнедавца,
 Дарившаго безсмертіемъ, а только
 Избралъ его возвышенною точкой.
 Такъ всякое дыханье—кромѣ Бога—

Не знаетъ часто истаго добра —
И благосотворенное стремится
Себѣ во вредъ и въ гибель обратить.

Вокругъ себя глядитъ онъ съ изумленьемъ
И видитъ всѣ сокровища природы,
Въ пространствѣ тѣсномъ собранныя вкупѣ
Для услажденья чувства человѣка,
Иль лучше—видитъ небо на землѣ:
Затѣмъ, что рай блаженный былъ—отъ Бога
Восточно-насажденный вертоградъ.
Съ востока цвѣлъ онъ впрямь отъ Аарона
До башенъ присно-славной Селевкии,
Воздвинутыхъ владыками Эллады;
Тамъ древле обитали, въ Фелассарѣ,
Сыны Эдема. Въ сей благословенной
Странѣ Господь возвелъ своей десницей
Стократъ-благословенный вертоградъ.
Онъ восхотѣлъ—и по его велѣнью—
Произросли изъ плодоносной почвы
Всѣ злаки и деревья—обольщенье
Для зрѣнья, обонянiя и вкуса.
Всѣхъ выше ихъ возникло Древо Жизни,
Цвѣченное пахучими плодами
Растительнаго золота; но съ жизнью
Стояла рядомъ наша *смерть*: то *древо*
Познанiя добра и зла, то «*древо*,
Которому такъ много заплатили
Всѣ люди за познанiе *добра*,
Познавши *зло*»... На полдень протекала
Черезъ Эдемъ широкая рѣка,
Не измѣняя своего теченья,
И межъ ливны кудрявой крутояра
Стремилася въ невѣдомую бездну.
Тотъ крутояръ Господь кругомъ разбросилъ,
Какъ образецъ, гдѣ вылилъ онъ Эдемъ...
А токъ воды, по скважинамъ, собралъ
Всѣ жаждущiя силы земляныя,
И брызнулъ вверхъ жемчужнымъ водометомъ,

И рай несчетно оросилъ ручьями;
Потомъ, струи собравши воедино,
Внизъ ринулся широкимъ водопадомъ
Въ объятъя темной, влажно-лонной бездны;
Но на четыре вѣтви раздробился
Передъ впаденьемъ въ море, и промчался
По славнымъ царствамъ и странамъ далекимъ—
О нихъ же здѣсь не можетъ быть помину.

1857.

БАЙРОНЪ.

I.

ИЗЪ «ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА».

Не говорите больше мнѣ
О сѣверной красѣ британки:
Вы не извѣдали виолнѣ
Все обаянье кадиксанки.
Лазури нѣтъ у ней въ очахъ
И волосы не золотятся;
Но очи искрятся въ лучахъ
И съ томнымъ окомъ не сравнятся.

Испанка, словно Прометей,
Огонь похитила у неба,
И онъ летитъ изъ глазъ у ней
Стрѣлами черными Эреба.
А кудри—ворона крыла!
Вы бѣ поклялись, что ихъ извивы,
Волною падая съ чела,
Цѣлуютъ шею, дышутъ—живы...

Британки зимне-холодны,
И если лица ихъ прекрасны,
За-то уста ихъ ледяны,
И на привѣтъ любви безгласны.
Но—юга пламенная дочь—
Испанка рождена для страсти,
И чаръ ея не превозмочь,
И не любить ея нѣтъ власти.
Въ ней нѣтъ кокетства: ни себя,

Ни друга лаской не обманеть,
 И ненавядя, и любя,
 Она притворствовать не станетъ.
 Ей сердце гордое дано:
 Купить нельзя его за злато,
 Но—неподкупное—оно
 Полюбить надолго и свято.

Ей чуждъ насмѣшливый отказъ;
 Ея мечты, ея желанья:
 Всю страсть, всю преданность на васъ
 Излить въ годину испытанья.
 Когда въ Испаніи война,
 Испанка трепета не знаетъ,
 А другъ ея убить—она
 Врагамъ, за смерть, копьемъ отмщаетъ.

Когда же вечеромъ порхнеть
 Она въ кружокъ веселый танца,
 Или съ гитарой запоетъ
 Про битву мавра и испанца,
 Иль четки нѣжною рукой
 Начнетъ считать, съ огнемъ во взорахъ,
 Иль у вечерни голосъ свой
 Сольетъ съ подругами на хорахъ—

Во всякомъ сердцѣ задрожитъ,
 Кто на красавицу ни взглянетъ,
 И всѣхъ она обворожитъ
 И сердце взорами приманитъ.
 Осталось много мнѣ пути,
 И много ждетъ меня приманки;
 Но лучше въ мірѣ не найти
 Мнѣ черноокой кадисанки.

1860.

II.

АФИНСКОЙ ДѢВУШКѢ.

Часъ разлуки бьетъ: прости,
 Афинянка! возврати
 Другу сердце и покой,
 Иль оставь навѣкъ съ собой.
 Вотъ обѣтъ мой—знай его:
 Ζῶη μοῦ, σὰς ἀγαπῶ *).

За румянецъ этихъ щекъ,
 Что эгейскій вѣтерокъ
 Цѣловаль тайкомъ не разъ,
 За огонь газельихъ глазъ,
 За кудрявое чело:
 Ζῶη μοῦ, σὰς ἀγαπῶ.

Поцѣлуемъ устъ твоихъ,
 Зыбью персей молодыхъ,
 Рѣчью тайною цвѣтовъ,
 Говорившихъ больше словъ—
 Всѣмъ клянусь, что душу жгло:
 Ζῶη μοῦ, σὰς ἀγαπῶ.

Афинянка! обо мнѣ
 Вспомни ты наединѣ...
 Въ Истамбуль уѣду я,
 Но Афинѣ душа моя
 Не покинетъ для него:
 Ζῶη μοῦ, σὰς ἀγαπῶ.

14 октября 1859.

*) *Зоя му, засъ агано*—значити: *жизнь моя, люблю тебя.*

III.

1.

Прости, прости, мой край родной!
 Въ волнахъ ты черезъ мигъ
 Исчезнешь... Чу! реветъ прибой,
 Чу! бурной чайки крикъ.
 На западъ съ солнцемъ мы летимъ
 По влажному пути;
 Оно склонилось: вмѣстѣ съ нимъ,
 На эту ночь, прости!

2.

Нѣтъ! поутру взойдетъ оно,
 Блеснетъ съ небесъ опять,
 Опять его увижу; но
 Тебя мнѣ не видать...
 Мой замокъ пусть; очагъ потухъ;
 Мой дворъ травой поросъ;
 И у воротъ, какъ ночи духъ,
 Завылъ мой вѣрный пѣсъ.

3.

Ко мнѣ, малютка пажъ! О чемъ
 Ты слѣзы льешь рѣкой?
 Иль страшно въ морѣ что кругомъ,
 Волны и бури вой?
 Не плачь, не бойся ничего:
 Корабль нашъ крѣпче скалъ
 И быстръ — на врьдъ ли бы его
 Мой соколь обогналъ.

4.

«Пусть воютъ буря и волна:
 Ихъ не боюся я;

Но лютой скорбію полна,
 Сэръ Чайльдъ, душа моя:
 Съ отцомъ монмъ, съ родимой я —
 Надолго разлучень...
 Безъ нихъ опора и друзья
 Мнѣ — только ты, да онъ.

5.

Отецъ меня благословилъ
 И не заплакалъ... Мать...
 Нѣтъ! у нея не станеть силъ
 Съ тоскою совладать!...»
 —«Довольно, мой малютка!... Ахъ!
 Хоть разъ орошено
 Будь сердце мнѣ въ такихъ слезахъ —
 Не высохло бъ оно...

6.

«Ко мнѣ, оруженосецъ мой!
 Что блѣдень и уныль?
 Тебя съ французомъ грозный бой
 И смерти страхъ смутилъ?
 —Сэръ Чайльдъ! повѣрь: не страшны мнѣ
 Ни бой, ни смерть поѣа;
 Но съ каждой мыслью о женѣ —
 Блѣднѣй моя щека.

7.

«Надъ самымъ озеромъ жена,
 Близъ твоего дворца,
 Живеть съ дѣтьми... Что имъ она
 Отвѣтитъ про отца?»
 —«Довольно! сердцемъ я понять
 Готовъ твою печаль;
 Но мнѣ... мнѣ семью покидать
 Едва-ли-бъ было жаль.»

СЪ НѢМЕЦКАГО.

ШИЛЛЕРЪ.

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА.

АНДРОМАХА.

Для чего стремится Гекторъ въ бою,
Гдѣ Ахиллъ безжалостной рукою
За Патрокла грозно мститъ врагамъ?
Если Оркъ угрюмый насъ разлучить,
Кто малютку твоего научить
Дротъ метать и угождать богамъ?

ГЕКТОРЪ.

Слезъ не лей, супруга дорогая!
Въ поле битвы пыль свой устремляя,
Этой дланю я храню Пергамъ.
За боговъ священную обитель
Я паду и — родины спаситель —
Отойду къ стигійскимъ берегамъ.

АНДРОМАХА.

Не гремѣть твоимъ доспѣхамъ болѣ;
Ржавый мечъ твой пролежитъ въ неволѣ,
И Приама оскудѣетъ кровь:
Въ область мрака ты сойдешь отнынѣ,
Гдѣ Коцитъ слезится по пустынѣ...
Канетъ въ Лету Гектора любовь!

ГЕКТОРЪ.

Весь мой пылъ, всѣ мысли и стремленья
 Я залюю волной рѣки забвенья,
 Но не пламенникъ любви...
 Чу! дикарь у стѣнъ ужъ кличетъ къ бою.
 Дай мнѣ мечъ и не томись тоскою —
 Леты вѣтъ для Гектора любви.

1854.

II.

ОЖИДАНИЕ.

Чу! скрипнули дверцей садовой?
 Чу! брякнула ручка замка?
 Нѣтъ, то въ тополи махровой
 Слышенъ лепеть вѣтерка.

Одѣнься густолиственной красой,
 Пышно-зеленый сводъ! торжественный устроимъ
 Приемъ мы въ честь красавицы молодой.
 Вы, вѣтви, для нея сплетайтесь покоемъ,
 Наполненнымъ таинственною мглой!
 Проснитесь, вѣтерки, играйте рѣзвымъ роємъ
 Веругъ розовыхъ ланитъ ея, когда
 На зовъ любви прійдетъ она сюда.

Чу! ктò это тамъ торопливо
 Скользить, шелестя по кустамъ?
 Нѣтъ, то птица боязливо
 Пропорхнула по вѣтвямъ.

День! погаси свой пламенникъ скорѣй!
 Ко мнѣ, вѣмая ночь и сумракъ молчаливый!
 Укрой насъ въ сѣнь таинственныхъ вѣтвей,

Набрось на насъ свой флёръ пурпурный и ревнивый...
 Свидѣтелей—докучныхъ ихъ ушей,
 Нескромныхъ взоровъ ихъ—бѣжить Амуръ стыдливый;
 Лишь Гесперь—стражъ довѣренный любви:
 Его, о ночь, на небо призови!

Чу! звукъ издалёка домчался,
 Какъ-будто кто шепчетъ въ саду?
 Нѣтъ, то лебедь расплескался
 На серебряномъ пруду.

Мой слухъ обнялъ гармоніи потокъ:
 Ручей журчитъ волной; зари живымъ румянцемъ
 Лобзаемый, колеблется цвѣтокъ;
 Прозрачный виноградъ горитъ янтарнымъ глянцемъ,
 И персикъ наливной, припавши за листокъ,
 Лепечетъ радостно съ златистымъ померанцемъ,
 И вѣтеръ ароматною волной
 Съ моихъ лавитъ смываетъ лѣтній зной.

Чу! кажется, входятъ въ аллею?
 Чу! дѣвственный шагъ прозвучалъ?
 Нѣтъ, подъ тяжестью своею
 Съ вѣтки спѣлый плодъ упалъ.

День сладко задремалъ и пламенные взгляды
 Его угасли; меркнетъ полоса
 На западѣ; цвѣты отрадной ждуть прохлады;
 Сребристый серпъ взошелъ на небеса;
 Міръ растопляется въ спокойныя громады,
 И все—краса, волшебная краса,
 И каждая изъ нихъ, свой поясъ разрѣшая,
 Восторженнымъ очамъ является нагая...

Но что тамъ во мракѣ мелькаетъ?—
 Не платье ли милой моей?
 Нѣтъ, то бѣлый столпъ свергаетъ
 Въ темной зелени вѣтвей.

О, сердце, полно ждаты! К чему мечту пустую,
 Тѣнь счастья въ душѣ своей ласкать?
 Мечтой не остудить мнѣ грудь мою больную
 И призрака руками не обнять...
 О, приведите мнѣ—не тѣнь—ее, живую,
 О, дайте ручку нѣжную пожать,
 Коснуться хоть слегка краевъ ея мантильи!...
 И надо мною сонъ простеръ незримо крылья.

И тихо, незримо, какъ лучъ упованья,
 Нежданной зарею блаженнаго дня,
 Она подошла—и лобзанья
 Ея пробудили меня.

1854.

III.

АМАЛІЯ.

Свѣтлый образъ жителя Валгаллы,
 Другъ мой былъ всѣхъ юношей милѣй:
 Очи—моря синіе кристаллы
 Въ майскомъ блескѣ солнечныхъ лучей...
 Поцѣлуй друга—обаянье:
 Какъ двѣ искры, вспыхнувшія вдругъ,
 Какъ два тона арфы, при сліяньѣ
 Въ одностройный, неразрывный звукъ,
 Пламенѣли, дѣшу сплавивши съ душою,
 На устахъ, звуча, сливались...
 Сердце рвалось къ сердцу... Небеса съ землею
 Вдругъ счастливецѣвъ растоплялися.
 Друга нѣтъ! напрасно, ахъ! напрасно
 Звать его въ кручинѣ и слезахъ:
 Нѣтъ его—и всё, что въ жизни красно,
 Всё звучитъ мнѣ безнадежнымъ: *ахъ!*

1855.

IV.

АЛЬШЙСКИЙ СТРѢЛОКЪ.

«Хочешь ты пасти барашка?
 «Дамъ тебѣ ручного я:
 «Щиплетъ травку бѣлый башка
 «И играетъ у ручья...»
 — Нѣтъ, родная! манить сына
 На охоту горъ вершина. —

«Хочешь, съ рогомъ иль свирѣлю,
 «Стадо по лѣсу водить?
 «Тамъ звонкой пѣвучей трелью
 «Будутъ слухъ твой веселить.»
 — Нѣтъ, родная! манить сына
 Горъ суровая вершина. —

«Подожди, цвѣточки снова
 «Запестрѣютъ на грядкахъ...
 «Сада нѣтъ въ горахъ—сурово
 «На суровыхъ высотахъ!»
 — Пусть цвѣточки тѣшатъ взоры...
 Отпусти, родная, въ горы! —

И пошелъ онъ на охоту —
 Все къ вершинѣ, все впередъ;
 По скалисту оплоту
 Онъ безтрепетно идетъ.
 Передъ нимъ, межъ скалъ ущелій,
 Пролетѣла тѣнь газели.

По обрываю, надъ скалами,
 Черезъ пропасти безъ дна,
 Легкимъ скокомъ и прыжками
 Переносится она;
 Но стрѣлокъ, въ упорствѣ смѣломъ,
 Мчится вслѣдъ ей съ самострѣломъ.

На утесъ съ крутой вершиной
 Перепрыгнула она
 И повисла надъ стремниной,
 Гдѣ застыла крутизна:
 Тамъ подъ ней утесъ громадный,
 А за нею врагъ нещадный.

Въ страхѣ взоръ она подьѣмлетъ —
 О пощадѣ молить онъ;
 Но напрасно: врагъ не внемлетъ,
 Самострѣль ужъ наведенъ...
 Вдругъ возсталъ изъ бездны черной
 Духъ ущелій, старецъ горный.

И, газель своей рукою
 Оградивши, произнесъ:
 «Для чего сюда съ собою
 «Смерть и ужасъ ты занесъ?
 «Вамъ ли тѣсно, персти чада!
 «Что жъ мое ты гонишь стадо?»

1854.

V.

РУССО.

Монументъ, возникшій злымъ укоромъ
 Нашимъ днямъ и Франціи позоромъ,
 Гробъ Руссо, склоняюсь предъ тобой!
 Миръ тебѣ, мудрецъ, ужѣ безгласный!
 Мира въ жизни ты искалъ напрасно:
 Миръ нашелъ ты, но въ землѣ сырой.

Язвы міра вѣкъ не заживали:
 Встарь былъ нравъ—и мудрыхъ убивали,

Нынче—свѣтъ, а меньше ль палачей?
 Паль Сократъ отъ рукъ невѣждъ суровыхъ,
 Паль Руссо—но отъ рабовъ христовыхъ,
 За порывъ создать изъ нихъ людей.

1855.

VI.

ВЕЧЕРЬ.

Богъ лучезарный! росы освѣжительной жаждутъ поляны;
 Послѣ дневного труда и заботъ человѣкъ отдыхаетъ;
 Тише бѣгутъ твои кони:
 Спускай колесницу свою!

Видишь ли ты, кто тебя изъ кристальныхъ чертоговъ Нептуна
 Нѣжной улыбкой манить? узнаетъ ли ее твое сердце?
 Шибче помчались кони:
 Богиня Фетида манить!

Быстро съ своей колесницы, въ объятія страстной богини,
 Прянулъ возникій — и вожжи златяя Амуръ принимаетъ,
 Кони стоятъ неподвижно
 И пьютъ студеную волну.

На небо ночь благовонная всходитъ неслышной стопою;
 Слѣдомъ за ней много-звѣздной спѣшитъ и любовь-чаровница.
 Смертный! люби и покойся:
 Покоится любящій Фебъ.

1849.

VII.

ГРАФЪ ЭБЕРГАРДЪ ГРЕЙНЕРЪ.

ВОЕННАЯ ПѢСНЯ.

(Посвящается Н. В. Гербею.)

Ну что вы тамъ, въ землѣ своей,
 Дерёте носъ подъ-часъ?
 Не мало доблестныхъ мужей,
 Не мало есть богатыхъ
 И въ Швабіи у насъ.

У васъ — и Карлъ и Эдуардъ,
 И Фрицъ... и кто потѣмъ?
 И Карлъ, и Фрицъ, и Эдуардъ...
 У насъ — одинъ: графъ Эбергардъ,
 Въ сраженіи божій громъ.

И Ульрихъ, сынъ его... и тотъ
 Любилъ желѣза звонъ:
 Бывало, врагъ громить и жжётъ —
 Сынъ графа Ульрихъ не вздрогнётъ,
 И вспять ни пяди онъ.

Рейтлингцы, съ зависти, не разъ
 Ковали тайный ковъ...
 И препоясались на насъ
 Они мечомъ въ недобрый часъ;
 А графъ — не ждётъ враговъ:

Вломился къ нимъ — не побѣдилъ,
 Вернулся недобромъ;
 Отецъ свою досаду скрылъ;
 А сыну божій свѣтъ не милъ,
 И плачетъ онъ тайкомъ.

Змѣя подь сердцемъ... «А! постой!»
 Задумалъ онъ съ тѣхъ поръ;
 И влялся отчей бородой —
 Омытъ кровавою рѣкой
 Свой гнѣвъ и свой позоръ.

И дождался... давно пора!...
 И людямъ и конямъ
 Пришлось подь Дѣффингенъ — съ утра
 Сойдтись на поле... и — «ура!»
 Ужь жарко было тамъ!

Нашъ лозунгъ былъ: «врага топчи
 За прежній бой!» Потомъ
 Съ утра до поздней до ночи
 Трещали копыя и мечи,
 И била кровь ключомъ.

А Ульрихъ?... лѣвѣнка не серди:
 Къ врагамъ домчался онъ —
 И страхъ и ужасъ впереди,
 И крикъ и стоны позади,
 И смерть со всѣхъ сторонъ...

Но съ смертію не спорять лѣвы:
 Сверкнула сабля въ тылъ —
 Всѣ разомъ къ Ульриху... увы!
 Не опустилъ онъ головы,
 Да жгучій взоръ застылъ.

Какъ будто голову намъ сбѣкъ —
 Самъ врагъ заплакалъ... Га!
 Нашъ графъ не плакалъ весь свой вѣкъ:
 «Мой сынъ такой же человекъ! —
 «Маршъ, дѣти, на врага!»

И сердце жолчью облилось,
 И копыя гнѣвъ навѣлъ —
 И много труповъ улеглось;

А врагъ бѣжалъ, и веривъ и вросъ,
На горы, въ лѣсъ и въ доль.

И съ трубнымъ звукомъ мы въ свой станъ
Вернулись потомъ —
И пирь-горой у поселянь:
И вальсъ и пѣсни — и стаканъ
Занскрился виномъ.

А гдѣ жъ нашъ старый графъ? Сидитъ
Въ шатрѣ однимъ одинъ;
Слеза въ глазахъ его блеститъ;
Предъ нимъ убитый сынъ лежитъ,
Лежитъ убитый сынъ.

Затѣмъ при графѣ мы своѣмъ
И тѣломъ и душой.
Въ его рукѣ не мечъ, а громъ,
Онъ — буря въ полѣ боевомъ,
Звѣзда земли родной!

Такъ что жъ вы тамъ, въ землѣ своей,
Дерете носъ подь-часъ?
Не мало доблестныхъ мужей,
Не мало есть богатырей
И въ Швабіи у насъ!

1857.

VIII.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

Внутренней связью
Силь четырёхъ
Держится стройно
Мира чертогъ.

Звѣзды лимона
 Въ чашу на дно! —
 Горько и жгуче
 Жизни зерно.

Но растопите
 Сахаръ въ огнѣ:
 Гдѣ эта жгучесть
 Въ горькомъ зернѣ?

Воду струями
 Лейте сюда:
 Все обтекаетъ
 Мирно вода.

Каплю по каплѣ
 Лейте вино:
 Жизнь оживляетъ
 Только оно!

Выпьемъ, покажѣсть
 Кубокъ нашъ жгучь!
 Только кипучій
 Сладостенъ ключь!

1857.

IX.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ — ДЛЯ СѢВЕРА.

—
 На всѣхъ холмовъ открытыхъ,
 Въ полдень, солнечнымъ лучемъ,
 Наливаетъ мать-природа
 Гроздья золотомъ-виномъ.

Но никто еще не знает,
 Какъ великая творить:
 Неразгадана работа,
 Корень силы не отрыть.

Полно искръ, какъ чадо солнца,
 Какъ источникъ свѣтовой,
 Пѣрлясь, бѣтъ вино изъ бочки
 Ясно-пурпурной струей;

И горѣ возносить души,
 И въ стѣсненные сердца
 Щедро льѣтъ бальзамъ надежды,
 Жажду жизни безъ конца.

Только... нашъ холодный поясъ
 Солнце нехотя живить:
 Можетъ красить развѣ листья,
 А плодовъ не золотить.

Но и сѣверъ просить жизни,
 И веселья заодно:
 Оттого-то мы безъ гроздй
 Создаемъ себѣ вино.

Блѣдно созданное нами
 На домашнихъ алтаряхъ;
 А творимое природой
 Блещетъ въ жизненныхъ лучахъ.

Но смѣлѣе бей изъ чаши
 Наша скудная струя!
 И искусство — даръ небесный,
 И ему земля своя.

Царство силъ ему подвластно,
 И изъ стараго оно
 Нѣчто новое слагая,
 На землѣ Творцу равно.

Не оно ль самимъ стихіямъ
 Возможно повелѣвать,
 И, въ очагъ сковавши пламя,
 Хочетъ Фебу подражать?

Къ островамъ благословеннымъ
 Не оно ль шлетъ корабли,
 Чтобъ плоды златые юга
 И на сѣверѣ росли?

Лейся жъ, влага огневая,
 И свидѣтельствуй вовѣкъ —
 До чего достигнуть можетъ
 Силой воли человекъ!

3 мая 1857.

X.

ЗАМѢТКИ.

1.

ДВѢ ДОРОГИ.

Тебѣ двѣ дороги открыты на свѣтѣ —
 Одна къ идеалу, другая къ могилѣ:
 Умѣй же свободно и въ пору на первую выйти,
 Пока не принудила Парка идти по другой.

2.

КРАСОТА И РАДОСТЬ.

Если тебѣ не случилось печальной красавицы видѣть —
 Ты никогда не видалъ красоты;
 Если тебѣ не случилось въ прекрасномъ лицѣ читать радость —
 Радости ты никогда не видалъ.

3.

КЪ *.

Знанья свои сообщи мнѣ: я буду тебѣ благодаренъ;
Но предлагаешь ты мнѣ самогò себя... нѣтъ, другъ, уволь!

4.

КЪ МУЗЪ.

Чѣмъ бы я былъ безъ тебя—я не знаю, но грустно мнѣ видѣть,
Чѣмъ безъ тебя столько сотенъ и тысячъ бываетъ.

5.

ИДЕАЛЬ.

Мысль твоя *всѣхъ* достоянье, *твое* достояніе — чувство:
Чувствуй же въ сердцѣ Того, о которомъ ты мыслишь.

6.

МИСТИКАМЪ.

Есть одна вѣчная тайна: у всѣхъ насъ она предъ глазами;
Все наполняетъ она, но никто не видалъ этой тайны.

7.

ВНУТРЕННЕЕ И ВНѢШНЕЕ.

«Богъ только видитъ въ насъ сердце!» Одинъ только онъ его
видитъ —
Такъ покажи же ты что-нибудь сносное также и намъ.

8.

СВѢТЪ И ЦВѢТЬ.

Вѣчно-единный, останься при вѣчно-единомъ!

Ты, переменчивый цвѣтъ, къ бѣднымъ людямъ сойди.

9.

ТРИ ВОЗРАСТА ПРИРОДЫ.

Басня ей жизнь придала; наука въ душѣ отказала;
Творчество снова ей душу и жизнь отдаетъ.

10.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МОСТЪ.

Жизни шумящія волны бѣгутъ надо мной, подо мною:
Съ ними къ безсмертью нестись и меня приглашаетъ художникъ.

11.

ТЕОФАНІЯ.

Видя счастливца, боговъ-небожителей я забываю;
Но предо мною они, когда я увижу страдальца.

ГѢТЕ.

—

I.

ПѢСНЯ МИНЬОНЫ.

—

Ты знаешь ли край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ,
Гдѣ въ темныхъ листахъ померанецъ, какъ золото, рдѣеть,
Гдѣ сладостный вѣтеръ подъ небомъ лазоревымъ вѣеть,
Гдѣ скромная мирта и лавръ горделивый растутъ?
Ты знаешь ли край тотъ? туда бы съ тобой,
Туда бы ушла я, мой другъ дорогой!

Ты знаешь ли домъ?... позолотою яркой блестя,
На легкихъ колонахъ вздымаетъ пышная зала...
<Дитя мое бѣдное! что съ тобой случилось, дитя?>
Ты знаешь ли домъ тотъ? туда бы съ тобой,
Туда бы ушла я, возлюбленный мой!

Ты знаешь ли гору? Тамъ въ тучахъ тропинка видна;
Тамъ мулъ себѣ путь пробиваетъ въ туманахъ нагорныхъ;
Тамъ змѣи гнѣздятся въ пещерахъ и пропастяхъ черныхъ;
Тамъ рушатся скалы и плещетъ на скалы волна.
Ты знаешь ту гору? Туда мы съ тобой,
Туда мы умчимся, отецъ мой родной!

1849.

—

II.

Нѣтъ только тотъ, кто зналъ
Свиданья жажду,
Пойметъ, какъ я страдалъ
И какъ я стражду.

Гляжу я вдаль... нѣтъ силъ —
Тускнѣетъ око...
Ахъ, кто меня любилъ
И зналъ — далеко!

Вся грудь горить... Кто зналъ
Свиданья жажду,
Пойметъ, какъ я страдалъ
И какъ я стражду.

1857 г.

ГЕЙНЕ.

I.

ПѢСНИ.

1.

Рано утромъ я гадаю:
Будешь ты, или нѣтъ?
Грустно голову склоняю
Вечеромъ въ отвѣтъ.

Ночью, слабый, изнурѣнный,
Я не сплю съ тоской,
И въ дремотѣ, полусонный,
Грѣжу день-деньской.

2.

Шатаюсь я изъ-угла въ уголь... Прожить
Немного часовъ, и прожить для чего же—
Чтобъ видѣть её, самоё её... Боже!
Да полно же, сердце, мнѣ въ грудь колотить!

Охъ! эти часы—прелѣпный народъ:
Плетутся дорогой своей копотливо;
Ползуть еле-еле; зѣваютъ лѣнливо...
Сворѣй же, лѣнливые, живо—впередъ!

Все дышетъ тревожнымъ порывомъ во мнѣ;
 Но Оры — онѣ никогда не любили—
 Коварный союзъ межъ собой заключили,
 И спѣху влюбленныхъ смѣются онѣ.

3.

Бродилъ я подѣ тѣнью деревьевъ,
 Одинъ, съ неразлучной тоской —
 Вдругъ старая грѣза проснулась
 И въ сердце впила въ мнѣ змѣей.

— Пѣвицы воздушныя! гдѣ вы
 Подслушали пѣсню мою?
 Заслышу ту пѣсню — и снова
 Отраву смертельную пью.

«Гуляла дѣвица и пѣла
 «Ту пѣсню не разъ и не разъ:
 «У ней мы подслушали пѣсню,
 «И пѣсня осталась у насъ.»

— Молчите, лукавыя птицы!
 Я знаю, что хочется вамъ
 Тоску мою злобно похитить...
 Да я-то тоски не отдамъ!

4.

Милая - милая, ручку на сердце ко мнѣ!...
 Слышишь ли: кто-то стучитъ тамъ, на самомъ на днѣ?...
 Это стучитъ тамъ мой плотникъ угрюмый и злой:
 Онъ принялся мнѣ сколачивать гробъ тесовой.

Цѣлыя сутки стучить онъ своимъ молоткомъ —
 И не даетъ мнѣ покоя ни ночью, ни днемъ...
 Полно же, плотникъ! работай ужь что ли живѣй —
 Только бы мнѣ отдохнуть и заснуть поскорѣй...

5.

Колыбель моихъ страданій,
 Гробъ покоя моего,
 Милый городъ!... Что желаній
 Прошпнталь я для него!

Будьте вѣкъ благословенны,
 Домъ и садъ въ тѣни аллея,
 Гдѣ пронесся мигъ блаженный
 Для меня, при встрѣчѣ съ ней.

Если бъ я, при первомъ взорѣ,
 Могъ тебя не полюбить,
 Другъ души, — тоска и горе
 Не могли бъ меня убить.

Никогда бы я нисколько
 Не смутилъ твоей мечты:
 Тихо я любилъ и только
 Жить хотѣлъ, гдѣ дышешь ты.

Но сама меня упрёкомъ
 Прогоняешь ты... Изволь!
 Въ жилахъ ядъ кипитъ потокомъ;
 Защемила сердце боль...

Посохъ странника беру я
 И бреду, разбитый, въ путь,
 Свѣжій гробъ вдали почуя:
 Есть и мнѣ гдѣ отдохнуть!

6.

Подожди, морякъ суровый:
 Я — сейчасъ съ тобой, — ей-ей —
 Только дай проститься съ ними —
 И съ Европою я съ ней.

Ключъ кровавый! что жъ не брызжешь
 Изъ меня? Иль ты усталъ?...
 Жаль!... А я бы жаркой кровью
 Муки сердца записалъ.

Ты никакъ теперь боишься
 Крови, милая? Постой!
 Сколько лѣтъ съ кровавымъ сердцемъ
 Я стоялъ передъ тобой?

Ты знакома ль съ ветхой притчей
 Про коварную змію,
 Ту, что яблокомъ сгубила
 Прародитей въ раю?

Этотъ плодъ — всѣхъ золь причина:
 Ева въ міръ внесла съ нимъ смерть,
 И огонь Елена въ Трою...
 Ты сама — огонь и смерть!

7.

Въ Рейнѣ зѣркальномъ глядится
 Надъ горою городоеъ,
 И по Рейну быстро мчится
 Въ блескѣ солнца мой челнокъ.

Я гляжу, какъ заплетаетъ
 Въ кудри золото струя —
 И со дна души всплываетъ
 Дума тайная моя.

Яснымъ дружескимъ привѣтомъ
Волны въ глубь свою манятъ,
Но я знаю ихъ: подъ свѣтомъ —
Смерть и ночь онѣ таятъ.

Рейнъ! ты ликомъ безмятежнымъ
Схожъ съ коварною моею:
И она вѣдь взглядомъ нѣжнымъ
Манить въ глубь своихъ очей.

8.

Я сначала струсилъ, позже
Думаль—этакой простака!
<Не снести мнѣ...> Вотъ и снесъ же —
Но не спрашивайте: какъ?

9.

Кипарисами, вязями розъ, золотой мишурой
Эту книжку я всю изукрасилъ бы щедрой рукой,
Какъ кладбищенскій памятникъ пѣсень моихъ,
И на вѣчный покой уложилъ бы я ихъ.

Если бъ также любовь сохранить въ этой книжкѣ я могъ!
На могилѣ любви разцвѣтаетъ покоя цвѣтокъ:
Полюбуются имъ и срываютъ потомъ...
Будеть цвѣсть онъ и мнѣ,—да на гробѣ моемъ!

Здѣсь однѣ лишь покоятся пѣсни мои, что порой,
Словно лава изъ Этны, гремучей и жгучей рѣвкой,
Изъ душевной глубины вырвалися вдругъ,
Разсыпая лучистыя искры вокругъ.

А теперь—онѣмѣли, мертвы и какъ саванъ блѣдны
Коченѣютъ онѣ, мои пѣсни, что трупъ—холодны;
Не повѣтъ на пѣсни дыханьемъ любовь,
Къ прежней жизни онѣ просыпаются вновь.

И едва ихъ слезою участія любовь оросить,
Вновь предчувствіе робкое въ сердцѣ моемъ говорить,

Что воскреснуть поблѣкшіе эти листы,
Если ручкой, въ чужбинѣ, коснешься ихъ ты.

И тогда-то разрушатся чары, тогда оживутъ
Эти блѣдныя буквы и путы свои разорвутъ,
И отрадно посмотрятся въ очи твои,
И зашепчутъ слова и тоски, и любви...

10.

Я легъ и спалъ—такъ сладко спалъ,
Какъ будто жить отвыкъ;
Но въ сонной грѣзѣ мнѣ предсталъ
Нездѣшной дѣвы ликъ.

Блѣдна, какъ мраморъ холодна,
Жемчужный свѣтъ въ глазахъ —
Она таинственно-чудна
И волны въ волосахъ...

И тихо-тихо бѣлый ликъ
Склонился надо мной:
Надъ самымъ сердцемъ онъ поникъ
Кудрявой головой.

Какъ кровь ключомъ кипитъ сама,
Ключомъ по жиламъ бьетъ!
А грудь красавицы нѣма
И холодна, какъ ледъ.

Да! грудь моя, пожалуй, — лёдъ,
И нѣтъ огня въ крови;
Но знаю я, какъ всѣхъ гнетётъ
Насиліе любви.

«Да! на губахъ и на щекахъ
Мои хъ румянца нѣтъ;
Но я — забудь невольный страхъ —
Но я люблю, поэтъ!»

И крѣпко-крѣпко обняла —
 И больно стало мнѣ...
 Запѣлъ пѣтухъ... Во снѣ была
 И унеслась — во снѣ...

1 июня 1858.

II.

INTERMEZZO.

2.

Изъ словъ моихъ выросло много
 Душистыхъ и яркихъ цвѣтовъ,
 И вздохи мои перелились
 Въ полуночный хоръ соловьевъ.

И если меня ты полюбишь,
 Малютка, цвѣточки — твои,
 И звучную пѣснь подь окошкомъ
 Тебѣ запоютъ соловьи.

32.

Отчего поблѣднѣла весной
 Пышноцвѣтная роза сама?
 Отчего подь зеленой травой
 Голубая фіалка нѣма?

Отчего такъ печально звучить
 Пѣсня птички, несясь въ небеса?
 Отчего надь лугами висить
 Погребальнымъ покровомъ роса?

Отчего въ небѣ солнце съ утра
 Холодно и темно, какъ зимой?
 Отчего и земля вся сѣра
 И угрюмѣй могилы самой?

Отчего я и самъ все грустнѣй
 И болѣзненнѣй день-ото-дня?

Отчего, о скажи мнѣ скорѣй,
Ты—покинувъ—забыла меня?

45.

Въ лучезарное лѣтнее утро
Я по темному саду брожу;
Говорятъ мнѣ тихонько фіалки,
Но я мимо ихъ нѣмъ прохожу.

Говорятъ мнѣ тихонько фіалки—
И участія полонъ ихъ взглядъ:
«Не сердися на нашу сестрицу,
«Блѣдный-блѣдный и злой!» говорить.

51.

Отравой полны мои пѣсни —
И можетъ ли иначе быть?
Ты, милая, гибельнымъ ядомъ
Умѣла мнѣ жизнь отравить.

Отравой полны мои пѣсни —
И можетъ ли иначе быть?
Не мало змѣй въ сердцѣ ношу я,
И долженъ тебя въ немъ носить!

58.

Вѣтеръ воетъ межъ деревьевъ,
Мракъ ночной вокругъ меня;
Сѣрой мантіей окутанъ,
Я гоню въ лѣсу коня.

Впереди меня порхаютъ
Вереницы легкихъ сновъ
И несутъ меня на крыльяхъ
Подъ давно-желанный кровъ.

Лають псы; встрѣчаютъ слуги
У крыльца съ огнемъ меня:

Я по лѣстницѣ взбѣгаю,
Шумно шпорами звеня.

Освѣщенъ покой знакомый—
Какъ уютенъ онъ и тихъ—
И она, моя царица,
Ужъ въ объятіяхъ моихъ.

Вѣтеръ воетъ межъ деревьевъ;
Шепчуть вокругъ меня листы:
«Сны твои, ѣздокъ безумный,
«Также глупы, какъ и ты.»

62.

Погребенъ на перекрестѣ
Тотъ, кто кончилъ самъ съ собой;
На его могилѣ выросъ
Грѣшноцвѣтникъ голубой.

Я стоялъ на перекрестѣ
И вздохнулъ... Въ ночи нѣмой
При лунѣ качался тихо
Грѣшноцвѣтникъ голубой.

64.

Мнѣ ночь сковала очи,
Уста свинецъ сковаль...
Съ разбитымъ лбомъ и сердцемъ
Въ могилѣ я лежалъ.

И долго ли—не знаю—
Лежалъ я въ тяжкомъ снѣ,
И вдругъ проснулся—слышу:
Стучатся въ гробъ ко мнѣ.

«Пора проснуться, Гейнрихъ!
«Вставай и посмотри:
«Всѣ мертвые возстали
«На свѣтъ иной зори.»

— О, милая, не встать мнѣ:
 Я слѣпъ—въ очахъ темно—
 Навѣкъ они потухли
 Отъ горькихъ слезъ давно.

«Я поцѣлуемъ, Гейнрихъ,
 «Сниму туманъ съ очей:
 «Ты ангеловъ увидишь
 «Въ сіяніи лучей.»

— О, милая, не встать мнѣ:
 Еще не зажила
 Та рана, что мнѣ въ сердце
 Ты словомъ нанесла.

«Тихонько рану, Гейнрихъ,
 «Рукою я зажму,
 «И заживлю я рану,
 «И въ сердцѣ боль уйму.»

— О, милая, не встать мнѣ:
 Мой лобъ еще въ крови —
 Пустилъ въ него я пулю,
 Сказавъ «прости» любви.

«Тебѣ кудрями, Гейнрихъ,
 «Я рану обвяжу,
 «Потокъ горячей крови
 «Кудрями удержу.»

И такъ меня просила,
 И такъ звала она,
 Что я хотѣлъ подняться
 На милый зовъ отъ сна;

Но вдругъ раскрылись раны
 И хлынула струя
 Кровавая изъ сердца,
 И—пробудился я.

1 сентября 1858.

III.

ДОМА.

1.

Было... Въ жизненныхъ потѣмкахъ
Свѣтлый образъ мнѣ сіялъ,
Да угасъ онъ, свѣтлый образъ,
И повсюду сумракъ палъ.

Если дѣти испугались,
Очутившись впотьмахъ,
Запѣваютъ громко пѣсню,
Чтобъ прогнать невольный страхъ.

Таеъ-то, глупенькій ребенокъ,
Таеъ впотьмахъ пою и я:
Пѣсня можетъ-быть несладна,
Да боязнь прошла моя.

4.

По лѣсу брожу я и плачу,
А дроздь, свозъ густые листы,
Мнѣ свищетъ, порхая по вѣтвямъ:
«О чемъ закручинился ты?»

Узнай у сестрицъ, у косатокъ —
Онѣ тебѣ скажутъ—о чемъ:
Весной онѣ гнѣзда лѣпили
У милой моей подъ окномъ.

60.

Сегодня у васъ вечеринка
И въ комнатахъ будто бы день;
Свозъ яркія стекла мелькаетъ
И движется стройная тѣнь.

Меня ты не видишь: въ потѣмбахъ
 Стою я внизу, подь окномъ;
 А въ сердцѣ моемъ и подавно
 Не видишь—такъ сумрачно въ немъ.

Но въ сумракѣ томъ ретивѣе
 Подь пыткой должно обмирать
 И кровью должно обливаться...
 А ты?.. Да тебѣ не видать...

61.

Хотѣлъ бы въ единое слово
 Я слить мою грусть и печаль,
 И бросить то слово на вѣтеръ,
 Чтобъ вѣтеръ унесъ его вдаль.

И пусть бы то слово печали
 По вѣтру къ тебѣ донеслось,
 И пусть бы всегда и повсюду
 Оно тебѣ въ сердце лилось!

И если бь усталыя очи
 Сомкнулись подь грезой ночной,
 О пусть бы то слово печали
 Звучало во снѣ надь тобой!

75.

Я и самъ въ былые годы
 Перенесъ любви невзгоды,
 Я и самъ сгоралъ не разъ;
 Но дрова все дорожаютъ—
 Искры страсти угасаютъ...
 Ма foi!—и въ добрый часъ.

Поняла?... Отриже слѣзы;
 Прогони смѣшныя грѣзы
 Вмѣстѣ съ глупою тоской;
 Будь похожа на живую,

И забудь любовь былую —
 Ma foi—хоть бы со мной.

8 марта 1859.

IV.

ЛОРЕЛЕЯ.

—
 Богъ вѣсть, отчего такъ нежданно
 Тоска мнѣ всю душу щемить,
 И въ памяти такъ неустанно
 Старинная пѣсня звучить?...

Прохладой и сумракомъ вѣть;
 День выждалъ вечерней поры;
 Рейнь катится тихо — и рдѣть,
 Вся въ искрахъ, вершина горы.

Взошла на утѣсы крутые
 И сѣла дѣвица-краса,
 И чешетъ свои золотые,
 Что солнечный лучъ, волоса.

Ихъ чешетъ она, распѣвая —
 И гребень у ней золотой—
 А пѣсня такая чудная,
 Что вѣтъ и на свѣтѣ другой.

И обмеръ рыбакъ запоздалый,
 И, пѣсню слышавши ту,
 Забылъ про подводныя скалы
 И смотреть туда—въ высоту...

Мнѣ кажется: такъ вотъ и канетъ
 Челнокъ: вѣдь рыбакъ безъ ума,
 Вѣдь пѣсней призывною манить
 Его Лорелея сама.

21 марта 1859.

V.

НА МОРѢ.

Сердилось море и робко изъ тучь
Сквозилъ полумѣсяцъ лучемъ,
Когда мы къ лодкѣ подошли
И сѣли въ ней втроемъ.

Тоскливо и мѣрно плескалась волна,
Подъ мѣрные взмахи весломъ,
И пѣной брызгала на насъ,
На всѣхъ на насъ втроемъ.

Надъ лодкой бѣлѣла, недвижно стройна,
Она наклоненнымъ челомъ,
Какъ мраморный Діаны ликъ
Бѣлѣлъ надъ алтаремъ.

За тучами спрятался мѣсяцъ; свистить
Пронзительно вѣтеръ кругомъ;
Надъ головами рѣзкій крикъ
Мы слышимъ всѣ втроемъ.

То крикнула бѣлая чайка, грозя
Какой-то бѣдою и зломъ,
И подъ зловѣщій этотъ крикъ
Мы вздрогнули втроемъ.

Въ горячкѣ я, что ли, иль грѣза меня
Обвѣяла бредомъ и сномъ?
Но мнѣ нелѣпый снится сонъ —
И какъ все дико въ немъ!

Нелѣпо и дико... приснилось мнѣ,
Подъ бурей, во мракѣ nocturno,
Что я—Спаситель и несу
Крестъ на плечѣ моемъ.

Бѣдняжка-красавица, также и ты,
 Склонившись подъ тяжкимъ крестомъ,
 Изнемогла; но я спасу,
 Спасу тебя на немъ.

Бѣдняжка, не будешь ужъ болѣе ты
 Страдать подъ позорнымъ ярмомъ;
 Не то—пусть сердце за тебя
 Разнимуть мнѣ ножомъ.

О, глупая грѣза, обманчивый сонъ!
 Какой я Спаситель?... Кругомъ —
 Гроза и море... Боже мой,
 Спаси меня на немъ!

Шаддей-Адоная, помилуй меня,
 Покрой милосердья щитомъ!
 О, Боже, какъ влокочетъ тамъ,
 На темномъ днѣ морскомъ!

Ужъ майское солнце давно по цвѣтамъ
 Играло горячимъ лучемъ,
 Когда изъ лодки вышли мы...
 Но вышли мы—вдвоемъ.

1859.

VI.

НЕСОВЕРШЕНСТВО.

Совершенство нигдѣ не бывало, и нѣтъ,
 Съ той исконной поры, какъ создѣлся нашъ свѣтъ.
 Розы нѣтъ безъ шиповъ; да и самыя дивы,
 Въ поднебесѣхъ, едва-ль безусловно-счастливы.

Безуханны тюльпаны; на Рейнѣ твердятъ,
 Что и честный однажды стяннулъ поросятъ;
 И Лувреци честь только смерть и прикрыла,
 А не-то бы она ужъ на сносѣ ходила.

Возобразной ногой обездоленъ павлинь,
 И Коринны порой нагонють намъ сплннь,
 Какъ покойный Вольтеръ—острогой «Генриады»,
 Или даже Клопштокъ—красотой «Мессиады».

Идеаль изо-всѣхъ велемудрыхъ коровъ
 По-испански сказать не съумѣетъ двухъ словъ;
 И въ «Кипридѣ» Кановы—излишество лоска;
 Какъ латынь, такъ и носъ—все у Массмана плоско.

И кислѣйшія рюмы въ сладчайшихъ стихахъ—
 Намъ не въ рѣдкость, какъ жало въ пчелиныхъ сотахъ;
 И безсмертный Ахиллъ раненъ въ пятку Парисомъ;
 И Дюма Александръ уродился метисомъ.

Нѣтъ на небѣ звѣзды лучезарной такой,
 Чтобъ на землю она не скатлась порой;
 Въ лучшемъ сидрѣ у насъ слышенъ запахъ отъ бочки;
 Даже въ солнцѣ подчасъ видны темныя точки.

Да и ты, милый другъ, хоть и сводишь съума,
 А—признайся—и ты не безъ пятенъ сама?
 Что пытливо глядишь прямо въ очи поэту?—
 Груды нѣтъ у тебя, а въ груди сердца нѣту...

15 ноября 1860.

VII.

ОГЛЯДКА.

Все сладкое, все, что такъ манить собой,
 Я все перенюхаль на кухнѣ земной;
 Чѣмъ славится міръ нашъ, чѣмъ можетъ гордиться,
 Я всѣмъ понемножку успѣлъ насладиться:
 Я кофе пиваль, пирожки поѣдалъ,
 Я сахарныхъ куколъ въ засосъ цѣловаль;
 Жилетки и фраки на мнѣ — то и дѣло —
 Мѣнялись, А что въ кошельгѣ-то звенѣло!

мѣй, т. II.

Какъ Геллертъ, я мчался на борзомъ конькѣ
 И строилъ я замки себѣ вдалькѣ;
 Лежалъ на дужайкѣ я, прозванной—счастьемъ,
 И солнце свѣтило мнѣ съ жаркимъ участиемъ,
 И былъ я увѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ,
 И мозгъ обвивалъ мнѣ душистымъ онъ сномъ —
 То грѣзой надъ розой, то грѣзой надъ маемъ,
 То грѣзой, что только вотъ я нескончаемъ,
 Что только для сѣмерекъ созданъ былъ день,
 Что мнѣ умирать не пора, да и лѣнь.
 Воистину смерть и могила — пустое,
 Коль прямо вамъ въ ротъ ниспадаетъ жаркое,
 Съ небесъ, на пурпуровыхъ крыльяхъ зари...
 Да грѣзы-то — мыльные все пузырь —
 Мои перелопались.. Вотъ—и лежу я
 На терниихъ свѣжихъ, стена и тоскуя.
 Всѣ члены мои ревматизмомъ громить,
 Въ душѣ моей—горе, въ душѣ моей—стыдъ;
 Съ весельемъ моимъ, и съ моимъ наслажденьемъ —
 Досадою квить я, и квить — сожалѣньемъ.
 Мнѣ подали желчи; проняли стопы,
 Меня безпощадно кусали клопы;
 Заботы кусали меня наипаче —
 Я долженъ былъ брать, да и брать безъ отдачи,
 Кривя и умомъ, и душою моею —
 У юношей свѣтскихъ, у старыхъ камней...
 Ну—словомъ—у всѣхъ, что богато во градѣ,
 Я, кажется, даже просилъ Христа-ради.
 Теперь я усталъ на тяжеломъ пути,
 Мнѣ ношу хотъ въ гробъ бы, да только бѣ снести:
 Прощайте! Горѣ мы, любезные братья—
 Сомнѣнья нѣтъ—примемъ другъ друга въ объятъя.

1861.

VIII.

ЛѢСНАЯ ТИШЬ.

Въ бывалое время, въ годà молодые,
 Вѣнокъ на челѣ я носилъ, какъ другіе;
 Въ немъ ярко просвѣчивалъ каждый цвѣтокъ,
 И былъ заколдованъ мой чудный вѣнокъ.

И всѣ мой вѣнокъ благовонный хвалили,
 Да только вѣнчаннаго имъ не любили:
 Бѣжалъ я отъ злобы и желчи людской
 Въ пріютъ мой тѣнистый, подъ листвою лѣсной.

Въ лѣсу, и въ лѣсу—только тамъ и раздолье!
 Духамъ и звѣрямъ тамъ просторъ и приволье...
 И феи, и лани—крутые рога—
 Ко мнѣ подходили, не чуя врага.

Ко мнѣ подходили онѣ безъ опаски
 Кроваваго умысла, или острастки:
 Что я не охотникъ—почуяла лань,
 Что я не плачу философіи дань,

И даже не умникъ—почуяла Фей:
 Глупцовъ онѣ только и любятъ, жалѣя...
 Любили—присягу дать въ этомъ готовы—
 Любили и прочіа власти лѣсовъ.

Вокругъ меня эльфы порхали любовно—
 Воздушный, веселый народецъ; но словно
 Холодною сталью ихъ очи блестятъ,
 И смертью за мигъ наслажденья грозятъ.

И майскими играми, майскою пляской
 Они меня тѣшили; тѣшили сказкой

Про разныя ташни изъ хроникъ лѣсныхъ
Титаніи... Много я выслушалъ ихъ.

Садился ли я надъ хрустальной струею
Источника, тотчасъ, веселой толпою,
Всплывали ундины, красавицы водъ,
Въ серебряныхъ, длинныхъ покровахъ,—и вотъ

По цитрамъ согласно онѣ ударили
И бѣшенный свой хороводъ начинали:
Мелодія, позы—все видося въ немъ,
И брызгало звучнымъ, блудящимъ огнемъ.

Порою онѣ помирнѣе бывали:
У ногъ моихъ скромною группою лежали,
Головкой припавъ на колѣни ко мнѣ,
И пѣли онѣ, распѣвали онѣ

Романсы какого-то тамъ итальянца,
О томъ, что растутъ гдѣ-то три померанца,
О томъ, что восторгомъ ихъ сердце проникъ
И богоподобень. конечно, мой ликъ.

И пѣли... Но взбалмошнымъ смѣхомъ напѣвы
Порой прерывали дубровныя дѣвы,
Порой и вопросомъ: < . . . . .
< . . . . .

< . . . . . и всѣ вы такіе?
<У всѣхъ у васъ души?... Онѣ холщевыя,
<Иль сшиты изъ кожи, чтобъ стало навѣвъ?...
<Скажи: отчего же такъ глупъ человѣкъ?>

Отвѣтъ мой да будетъ пока неизвѣстенъ;
Но—вѣрьте—хоть смѣхъ ихъ и былъ неумѣстенъ,
Но—вѣрьте—моею безсмертной душой
Я твердо выслушивалъ смѣхъ водяной.

Ундины и эльфы хитры и любезны,
Но гномы ихъ болѣе людямъ полезны:

Всегда человѣку гномъ искренній другъ
И дѣласть множество всякихъ послугъ.

Широкая, длинная, алаго цвѣта,
На нихъ эпанечка красиво надѣта.
Я виду не подаль, что знаю—зачѣмъ
Приходится ноги имъ прятать совѣмъ?

Не ноги, а лапки у нихъ, какъ у утки;
Но твердо увѣрены эти малютки,
Что тайны ихъ знать никому не дано—
И, право, надъ ними смѣяться грѣшно.

О, Боже! да чѣмъ же умнѣе ихъ мы-то?
У всѣхъ у насъ что нибудь также сокрыто,
И всѣ мы, всѣ думаемъ также подчасъ,
Что лапокъ утиныхъ не видно у насъ.

Знакомъ съ саламандрами не былъ тогда я,
И мало о нихъ мнѣ ватага лѣсная
Могла рассказать. Проносились они,
Какъ тѣни огней, въ полуночной тѣни.

И малы, и худы, какъ спички, бѣдняжки;
Въ обтяжку и брючки на нихъ и рубашки
Багроваго цвѣта съ шитьемъ золотымъ;
Надъ личикомъ желтымъ, печальнымъ, больнымъ,

На каждомъ изъ нихъ золотая коронка
Съ рубинами; каждый похожъ на ребенка,
А думаетъ каждый, что онъ лишь одинъ
На свѣтѣ всемоцный всему властелинъ.

Въ огнѣ не сгарать—это кунштюкъ безспорно;
Но все жъ притязанье малютокъ задорно:
Пускай не сгораютъ, да все жъ для меня
Они—не могучіе духи огня.

Я пальму ума отдаю той породѣ,
Которой есть вѣрная кличка въ народѣ—

Народъ говоритъ про нихъ такъ: «Мужичокъ—
Овъ самъ съ ноготокъ, борода съ докотокъ.»

Откуда они—неизвѣстно... Сдается,
Когда въ лунномъ свѣтѣ ихъ рой кувырнется,
Что пляшутъ и скачутъ сморчки по лучу...
Откуда они—я и знать не хочу,

Затѣмъ-что ко мнѣ они добрыми были
И разной меня ворожбѣ научили:
Огонь заговаривать, птицъ окликать,
Цвѣтокъ-невидимку въ Купалу искать.

Учили, какъ въ звѣздные свитки вчитаться;
Какъ, вѣтеръ взнуздавъ, безъ сѣдла на немъ мчаться;
Какъ тайною силой руническихъ словъ
Усопшихъ въ ночи вызывать изъ гробовъ.

Учили—у дятла выманивать свистомъ
Разрывъ-траву съ вѣщими корнемъ и листомъ:
Они указуютъ въ полуночной мглѣ,
Гдѣ клады съ зарокотъ зарыты въ землѣ.

Учили словамъ, что нашептывать надо,
Когда докопаться удастся до клада,
И все объяснили—напрасный урокъ:
Наука о кладахъ пошла мнѣ не въ прокъ.

По правдѣ, тогда я доволенъ былъ малымъ,
Оплачивать нужды своимъ капиталомъ
Я могъ: приносили тогда каждый годъ
Воздушные замки мнѣ вѣрный доходъ.

О, милое время! блаженные годы!
Когда предо мною велись хороводы
Ундины или эльфовъ подъ сѣнью лѣсовъ,
При вѣчныхъ проказахъ малютокъ-духовъ.

О, милое время! когда легкой аркой
Изъ вѣтвей пахучихъ и зелени яркой

Свивались деревья,—и я ликоваль,
И я, увѣчанный, подъ сводъ ихъ вступаль.

То милое время—оно ужъ сокрылось,
И все съ той блаженной поры измѣнилось,
Давно измѣнилось все—и, увн!
Похищенъ вѣнокъ у меня съ головы.

Похищенъ вѣнокъ у меня; я не знаю,
Какъ это случилось, но я изнываю,
И вянетъ, и вянетъ мой жизненный цвѣтъ,
И будто души у души моей нѣтъ.

Нѣтъ эльфовъ въ лѣсу: по таинственнымъ логамъ
Я слышу лай стаи съ охотничьимъ рогомъ;
Лань прячется въ чащу и, страха полна,
Тамъ лижетъ кровавыя раны она.

И гдѣ «мужички съ ноготокъ?» Безъ сомнѣнья,
Забилися въ трещины скаль съ огорченья.
Къ друзьямъ моимъ маленькимъ слѣдъ я сыскаль,
Да счастье съ вѣнкомъ на пути потеряль.

Гдѣ фея съ улыбкой своей благосклонной,
Съ волной золотистыхъ кудрей благовонной?
Обитель ея, крѣпкій дубъ—обнаженъ
Отъ листьевъ и въ жертву вѣтрамъ обреченъ.

Печальнѣе Стикса ручей и стремнина;
Сидитъ на пустынномъ побережьѣ ундина,
Блѣдна и недвижна, какъ каменный ликъ,
Что съ грустью на грудь головою поникъ.

Какъ другъ, приближаюсь я къ ней съ состраданьемъ,
Но смотритъ она на меня съ содроганьемъ—
И быстро скрывается въ чащѣ вѣтвей,
Какъ будто бы призравъ привидѣлся ей.

IX.

АНГЕЛАМЪ-ХРАНИТЕЛЯМЪ.

Что мигъ — онъ все ближе и ближе ко мнѣ,
 Тотъ всадникъ потёмный на бѣломъ конѣ;
 Я слышу — по частому звуку копытъ —
 На полныхъ рысяхъ онъ за мною спѣшить.
 Умчить онъ меня отъ Матильды съ собою...
 Подумаешь — сердце сожметса тоскою.

Матильда была мнѣ дитѣй и женой —
 И вотъ ужъ на свѣтѣ остаться одной —
 Вдовой и сироткой — приходится ей,
 Зане нисхожу я въ обитель тѣней...
 А бѣдная, вѣря, что мужъ ея — сила,
 Спокойно на дружескомъ сердцѣ почилa.

О, ангелы Божьи! взываю я къ вамъ!
 Вонмите рыданьямъ, вонмите мольбамъ:
 Изъ горнихъ чертоговъ, съ эдемскихъ полей
 Слетите на землю къ Матильдѣ моей,
 Щитомъ некрушимымъ ее оградите
 И ваше подобіе въ ней охраните!

Слезой вашей чистой о нашихъ грѣхахъ,
 Тѣмъ словомъ, что, съ трепетомъ падая въ прахъ,
 Священникамъ вымолвить можно однимъ,
 Красой вашей, благостью, всѣмъ пресвятымъ
 Я васъ заклинаю, небесныя власти,
 Храните Матильду отъ бѣдъ и напасти!

23 іюля 1860.

X.

МОРСКОЙ ПРИЗРАКЪ.

Я свѣсилъ за корабельный бортъ
 И всматриваться сталъ повитымъ грѣзой окомъ
 Во глубь воды, прозрачной, какъ кристалль,
 И проникалъ я взоромъ глубже, глубже —
 Такъ глубоко, что изъ морского лона —
 Сначала, какъ дымящійся туманъ,
 Потомъ ясныи, ясные и цвѣтные —
 Поднялись башни, куполы церквей,
 И наконецъ, облитый свѣтомъ солнца,
 Всплылъ цѣлый старый нидерландскій городъ,
 Толпой народа шумно-оживленный.
 Вотъ альдерманы важныя идутъ,
 Всѣ въ черныхъ мантияхъ и съ фризами на шеѣ,
 Съ почетной цѣпью, съ длинной, длинной шпагой;
 Ихъ лица также вытянулись длинно.
 Идутъ они по площади кинучей
 Къ высокой лѣстницѣ ратуши,
 Гдѣ изваянья царственныя строго
 Стоять на стражѣ съ скинтромъ и мечомъ.
 Неподалеку, передъ рядомъ зданій,
 Гдѣ свѣтятъ ярко зѣркальныя окна,
 Подъ тѣнью густою липъ зеленыхъ,
 Остриженныхъ искусно въ пирамиды,
 Гуляютъ, платьемъ шелковымъ шумя,
 Дѣвицы молодыя. Станъ ихъ гибкобъ;
 Цвѣтутъ здоровьемъ личикѣ у нихъ;
 Всѣ въ черныхъ шапочкахъ — таковъ уже обычай;
 У всѣхъ струятся кудри золотыя.
 Въ испанскихъ одѣяньяхъ удалцы
 Проходятъ мимо ихъ съ поклономъ, подбоченясь;
 Старухи въ темныхъ платьяхъ, съ узкимъ лифомъ,
 Со святцами и четками въ рукахъ,
 Слѣшаютъ толпой къ высокому собору,

Куда зовутъ ихъ колокольный звонъ
И звуки загремѣвшаго органа.

И самому мнѣ западаетъ въ душу
Таинственный и отдаленный звукъ;
Тоскливое волненіе сжимаетъ
Мнѣ сердце, исцѣленное едва.
Я чувствую, какъ злыя раны сердца
Лобзаютъ страстно милыя уста —
И поцѣлуями ихъ вновь разбередили:
Горячая и алая струя,
За каплей капля, полилася въ море,
Въ глубокой городъ, на высокой домъ,
На старый домъ, гдѣ нѣтъ живой души,
Лишь подъ окошкомъ нижняго жилья
Задумчивая дѣвушка сидитъ,
Склонившись на ручку головою,
Какъ бѣдное, забытое дитя...
И знаю я, давно тебя я знаю,
О бѣдное, забытое дитя!

И такъ глубоко, такъ глубоко въ морѣ
Скрываешься теперь ты отъ меня
Изъ дѣтскаго, пустого своенравья!
И всплыть наверхъ ты болѣе не можешь,
И здѣсь ты бродишь цѣлыя столѣтья,
Чужая межъ людьми, тебѣ чужими,
Межъ-тѣмъ какъ я, съ растерзанной душою,
Тебя по свѣту цѣлому искалъ,
И все искалъ, и все искалъ тебя,
Всегда-любимая, утраченная мною
И наконецъ найденная опять!
Нашелъ тебя, и снова я смотрю
На милый образъ, нѣжную улыбку,
На умные и свѣтлые глаза...
И никогда съ тобой я не разстанусь:
Спѣшу къ тебѣ туда — туда, на дно,
И съ жаркими объятіями бросаюсь
Въ морскую глубь — къ тебѣ, къ тебѣ на сердце...

И хорошо, что за ногу успѣлъ
 Меня схватить и оттащить отъ борга
 Нашъ капитанъ, сказавъ съ улыбкой злою:
 «Да что вы, докторъ! чорту что ли брать?»

1859.

XI.

АПОЛЛОНЪ.

1.

Надъ самымъ обрывомъ обитель стоитъ;
 Рейнъ мимо несется, какъ птица;
 И сквозь монастырской рѣшетки глядитъ
 На Рейнъ молодая бѣлица.

На Рейнѣ, вечерней зарей облита,
 Колышется шляпка; цвѣтами
 Пестрѣветъ на парусѣ гордомъ тафта;
 Обвѣшана мачта вѣнками.

Кудрявый красавецъ стоитъ надъ рулемъ,
 Какъ образъ античнаго бога;
 Пурпурная тога надѣта на немъ,
 И вышита золотомъ тога.

У ногъ его девять богинь возлежать —
 Изъ мрамора вылиты лики;
 Ихъ стройныя формы призывно сквозятъ
 Подъ складками легкой туники.

Кудрявый красавецъ поетъ про любовь,
 На сладостной лирѣ играетъ...
 Горить у бѣлицы встревоженной кровъ
 И къ сердцу ключомъ прикипаетъ.

И крестится разъ она — разъ и другой;
 Но бѣдной и крестъ не помога,
 И жметъ ей своей безпощадной рукой
 Волѣзненно сердце тревога.

2.

«Я богъ всеильный музыки;
 Повсюду я прославленъ:
 Мнѣ на Парнасѣ, въ Греціи,
 Издревле храмъ поставленъ.

«Да, на Парнасѣ, въ Греціи,
 Я возсѣдалъ и пѣнью
 Внималъ у струй Касталии,
 Подъ кипарисной тѣнью.

«Порой со дщерями дѣла
 Торжественные хоры:
 Звучали всюду ли-ли-ля
 И смѣхъ и разговоры.

А между тѣмъ — тра-ра, тра-ра —
 Гремѣли звуки рога:
 Въ лѣсу охотилась сестра,
 Горда и быстронога.

«Не знаю, какъ случилось,
 Но — только освѣжали
 Уста струи Касталии —
 Уста мои звучали.

«Я пѣлъ, неволью слухъ маня,
 Неволью лира пѣла,
 Какъ будто Дафна на меня
 Тогда сквозъ лавръ глядѣла.

«Я пѣлъ — лились амброзіей
 Мои хъ напѣвовъ волны,

И были звучной славою
Земля и небо полны.

«Лѣтъ съ тысячу изъ Греціи
Я изгнанъ... Миновалось...
Но сердце — сердце въ Греціи
Возлюбленной осталось...»

3.

Въ одѣяніе бѣгинокъ —
Въ эпанечку съ капюшономъ
Изъ грубѣйшей черной саржа
Вся закуталась бѣлица,

И идетъ она поспѣшно
По голландской по дорогѣ,
Вдоль по Рейну, и поспѣшно
Каждыхъ встрѣчныхъ опрашиваетъ:

«Не видали ль Аполлона?
Онъ одѣтъ въ пурпурной тогѣ;
Сладко онъ поетъ подъ лиру:
Онъ кумиръ мой возделанный»

Но никто не отвѣчаетъ:
Кто спиною повернется,
Кто въ глаза ей захохочетъ,
Кто прошепчетъ ей: «бѣдняжка!»

Но дорогу переходить
Ей старикъ; онъ весь трясется;
Цифры въ воздухъ выводитъ
И поетъ гнусливо что-то.

За спиной его котомка;
На макушкѣ трехугольный
Колпачекъ; лукаво щурясь,
Внемлетъ онъ рѣчамъ бѣлицы:

«Не видали ль Аполлона?
Онъ одѣтъ въ пурпурной тогѣ;
Сладко онъ поетъ подь лиру:
Онъ кумиръ мой вождельный.»

Головой качая дряхлой,
Отвѣчалъ онъ ей подробно,
И забавно, при отвѣтѣ,
Дергалъ острую бородку:

— Не видалъ ли Аполлона?
Отчего жь его не видѣть?
Я видалъ его нерѣдко
Въ амстердамской синагогѣ.

— Онъ служилъ тамъ запѣвалой,
Прозывался Рабби Фебишъ—
Аполлонъ на ихъ нарѣчѣ;
Но кумиромъ мнѣ онъ не былъ.

— Ну, и пурпурную тогу
Также знаю; славный пурпуръ:
По восьми флориновъ... только
Недоплачено полсуммы.

— А родитель Аполлона,
Моисей, прозываемъ Итчеръ—
Всякой всячины обрѣзчикъ...
И конечно, ужъ червонцевъ.

— Мать приходится кузиной
Зятю нашему... Торгуетъ:
Огурцовъ у ней соленыхъ
И ветошекъ разныхъ много.

— Сына врядъ ли очень любятъ.
Славный онъ игрокъ на лирѣ;
Но играть гораздо лучше
Онъ привыкъ въ *тарокъ* и въ *ломберъ*.

— Ну, и вольница при этомъ.
 Потерялъ недавно мѣсто;
 Ъсть свинину; бродить съ трупной
 Нарумяненныхъ актеровъ.

— И по ярмаркамъ онъ съ ними
 Представляетъ въ балаганахъ
 Арлекина, Олоферна
 И царя Давида даже.

— Говорять, царя Давида
 Представляетъ онъ удачно,
 И псалмы поетъ на ветхомъ
 Иудейскомъ діалектѣ.

— Въ Амстердамѣ, проигравшись
 Въ пухъ и въ прахъ въ игорномъ домѣ,
 Набралъ музъ теперь и съ ними
 Разъѣзжаетъ Аполлономъ.

— Ту, которая потолще,
 И вѣнокъ лавровый носятъ,
 И визжить, зовутъ подруги,
 Да и всѣ: Зеленой Свиньей.

1859.

XII.

ЦАРЬ РАМПСЕНИТЬ.

Только къ дочери вошелъ
 Царь въ чертоги золотые—
 Засмѣялась и царица,
 И рабыни молодыя.

Засмѣялись и арабы;
 Даже евнухамъ потѣха;

Даже муміи и сфинксы
Чуть не лопнули со смѣха.

Говорить царевна: «Вора
Я поймала, да слукавилъ:
Хватъ его, а онъ въ рукѣ мнѣ
Руку мертвую оставилъ.

«Поняла его теперь я —
Онъ и ловокъ, и не робокъ;
Крадетъ мимо всѣхъ задвижекъ,
Всѣхъ замковъ, ключевъ и скобоекъ.

«У него есть ключъ волшебный,
И когда прійдетъ охота,
Отпираетъ имъ онъ двери
И рѣшотки и ворота.

«Я не дверь вѣдь запертая —
И хоть кладъ твой сберегала,
Да и свой-то кладъ дѣвичій
Нынѣче ночью прогадала.»

Такъ съ отцомъ царевна шутить—
И порхаетъ по чертогу;
Снова евнухи и слуги
Разсмѣялись понемногу.

А на утро цѣлый Мемфисъ
Засмѣялся; къ крокодиламъ
Вѣсть дошла—и тѣ всей пастью
Засмѣялись надъ Ниломъ,

Какъ на нильскомъ на побережьи
Сталъ глашатай—съ нимъ и свита—
И прочель, при звукахъ трубныхъ,
Онъ рескриптъ отъ Рамсенита.

«Рамсенить, царь надъ царями
И владыка надъ Египтомъ,

Вѣрноподаннымъ любезнымъ
Возвѣщаетъ симъ рескриптомъ:

«Въ ночь на третіе іюня
Тысяча... такое лѣто
Передъ Рождествомъ Христовымъ—
Вотъ когда случилось это—

«Изъ сокровищницы нашей
Тать похитилъ непонятно
Много камней драгоцѣнныхъ,
И потомъ неоднократно

«Похищаль. Затѣмъ-то на ночь,
Предъ казной у самой двери,
Нашу дочь мы положили;
Но не дался тать и дочери.

«Прекратить татьбу желая,
А притомъ—для возвѣщенья
Симпатіи нашей къ татю
И любви и уваженья—

«Нашу дочь ему въ супруги
Отдаемъ безпрекословно,
И наслѣдникомъ престола
Признаемъ его любовно.

«Но, какъ будущаго зятя
Мѣсто-жительства безвѣстно—
Сей рескриптъ ему объявить
Нашу милость повсемѣстно.

«Января второе, въ полдень,
Въ лѣто—тысяча... такое
Передъ Рождествомъ Христовымъ.
Rhapsenitus rex. Мероэ».

Тать былъ избранъ царскимъ зятемъ,
 По прямымъ словамъ рескрипта,
 А по смерти Рампсенита
 Вѣнчанъ былъ царемъ Египта.

Онъ царилъ, какъ и другіе;
 И искусства процвѣтали,
 И торговля... Нѣтъ сомнѣнья,
 Что при немъ не много крали.

21 октября 1860.

ХІІІ.

ФИРДУСИ.

1.

Кто о чемъ... бѣднякъ заводитъ
 О *томанъ* *) рѣчь,—конечно,
 О серебряномъ томанѣ,
 О серебряномъ, не больше.

Но въ устахъ владыки, шаха—
 На вѣсь золота тоمانы:
 Шахъ тоمانы принимаетъ
 И даруетъ—золотые.

Такъ привыкли думать люди,
 Также думалъ и Фирдуси,
 Сочинитель пресловутой,
 Обожествленной *Шахъ-наме*. **)

По приказу шаха, эту
 Героическую пѣсню
 Написалъ онъ; по томану
 Шахъ за каждый стихъ назначилъ.

---

*) *Томанъ*—серебряная и золотая монета на востокѣ.— **) Знаменитая поэма персидскаго поэта Фирдуси.

Ужь семнадцатую весну
И цвѣла, и блѣкла роза,
И надъ ней нѣмѣла пѣсня
Соловья, ея любимца.

Въ это время сочинитель,
За станкомъ тревожной мысли,
Днемъ и ночью неустанно
Ткаль коверъ громаднѣй пѣсни.

Да, громаднѣй: стихотворецъ
Вткаль въ него непостижимо
Баснословіе отчизны:
Патріарховъ Фарсисстана,

Славныхъ витязей народныхъ,
Ихъ дѣянья, приключенья,
И волшебниковъ, и Дивовъ,—
Все въ цвѣтахъ народной сказки,

Всѣ въ цвѣтахъ, и все живое,
Всѣ проникнутое блескомъ,
Облитое, словно съ неба,
Свѣтомъ огненнымъ Ирана,

Тѣмъ предвѣчнымъ, чистымъ свѣтомъ,
Предъ которымъ, въ храмѣ сердца,
Позабывъ коранъ и муфти,
Паль пѣвецъ-огнеповлонникъ.

До конца допѣлась пѣсня,
А допѣлась—стихотворецъ
Шлѣтъ ее немедля къ шаху;
А стиховъ въ ней двѣсти тысячъ.

Такъ случилось, что въ банѣ,
Въ банѣ Гасны отыскали
Сочинителя Фирдуси
Шаха черные посланцы.

Каждый несъ мѣшокъ томановъ
И колѣнопреклоненно
Положилъ къ ногамъ Фирдуси,
Какъ почетную награду.

Онъ—къ мѣшеамъ—скорѣе тронуть
Тотъ металлъ, которымъ взоры
Такъ давно не любовались—
И отпрянулъ въ изумленьѣ:

Тѣ мѣшки биткомъ набиты
Все томанами, да только
Все серебряными... Горько
Засмѣялся стихотворецъ.

Засмѣялся горько; деньги
Раздѣлилъ онъ на три части:
Двѣ изъ нихъ онъ тотчасъ отдалъ
Чернымъ шаховымъ посланцамъ,

Какъ награду за посылку—
Далъ имъ поровну обоемъ,
Третью часть слугѣ онъ отдалъ,
За его услугу въ банѣ.

Взялъ онъ страннической посохъ,
И столицу онъ покинулъ,
У воротъ ея стяхнувши
Пыль и прахъ съ своихъ сандалій.

2.

«Обманулъ бы просто онъ,
Какъ всѣ люди, изъ пустова—
Не сдержалъ бы просто слова,
Я бы не былъ разсерженъ.

Я сержуся на него
За два смысла обѣщанья;

А коварство умолчанья
Оскорбительнѣй всего.

Величавъ, красивъ, высокъ,
Онъ казался исполиномъ
Передъ каждымъ властелиномъ,
Для кого престолъ—вершокъ.

Правды гордый мужъ, блеснуть,
Словно солнце онъ надъ нами,
Сжегъ огнистыми лучами
Душу мнѣ—и обманулъ.»

3.

Шахъ Магометъ оттрапезоваль... Онъ,
Слава Аллаху! вполнѣ насыщень...

Въ сумеркахъ садъ... водометы въ игрѣ...
Шахъ возлечь на пурпурномъ коврѣ...

Одаль прислуга рядами нѣмыми;
Шаха любимецъ Анзари межъ ними.

Въ мраморныхъ вазахъ, подъ лѣтнимъ лучомъ,
Розы забили душистымъ ключомъ;

Подъ опахаломъ, толпой одалыгъ,
Пальмы скрываютъ зеленый свой ликъ;

И кипарисы верхушки склонили—
Грезять о небѣ и землю забыли.

Вдругъ звуки лютни плеснули волной;
Садъ вострепенулся подъ дивный ихъ строй.

И вострепенулся самъ шахъ ото сна...
«Кѣмъ эта пѣсня была сложена?»

Шахъ дожидаль отъ Анзари отвѣта—
Тотъ отвѣчаетъ: «Фирдуси поэта.»

«Пѣсня Фирдуси:—да гдѣ жъ наконецъ,
Шахъ вопрошаетъ, великій пѣвецъ?»

И отвѣчаетъ Анзари: «поэтъ
Бѣдствуетъ вотъ-уже нѣсколько лѣтъ:

Тамъ, въ городкѣ своемъ маленькомъ, въ Тусѣ,
Ходить за маленькимъ садомъ Фирдуси.»

Шахъ Магометъ помолчалъ съ доброй частью;
Послѣ Анзари даетъ онъ приказъ:

—«Слушай! скорѣй на конюшню иди:
Сотню муловъ изъ нея выводи

И полусотню верблюдовъ... Навьючишь
Всѣмъ, что услышишь и что ты получишь.

Прежде всего ты навьючишь на нихъ
Цѣлыя кипы одеждъ дорогихъ;

Утвари рѣдкя, гдѣ бы металлъ
Смѣло оспаривалъ кость и коралль;

Кубки и чаши литыя, а то же
Лучшія выборки барсовой кожи,

То же и шали, ковры и парчи,
Все, что наткали мнѣ за годъ твачи.

Не позабудь ты, тороча вьюки,
Вмѣстѣ съ оружіемъ вложить чапраки;

Не позабудь ты прибавить въ избыткѣ
Лства, въ сосудахъ надежныхъ, напитки,

Тортовъ миндальныхъ, конфетъ, пирожковъ,
Всѣхъ, сколько знаешь, и всякихъ сортовъ.

Также возьми ты съ конюшни моей
Дюжину лучшихъ арабскихъ коней,

Выбери столько жъ невольниковъ черныхъ,
Бронзовыхъ цвѣтомъ, въ работѣ упорныхъ,

Всѣмъ этимъ скарбомъ и этимъ добромъ—
Ты предъ Фирдуси ударишь челомъ

Именемъ шаха...» Анзари готовъ;
Взялъ онъ съ конюшни верблюдовъ, муловъ,

Взялъ и дары, не замедливши срокомъ
(Цѣлая область платилась оброкомъ).

Третія сутки еще не прошли,
Былъ отъ столицы Анзари вдали,

И направляя по пустынѣ на станъ
Пурпурнымъ знаменемъ свой караванъ.

Черезъ недѣлю, вечерней порою,
Въ Тусѣ былъ... Городъ лежалъ подъ горою.

Трубы и бубны, кимвалъ и тимпанъ!
Съ шумомъ и съ пѣсней вошелъ караванъ.

«Ля-Илля-Иль-Алла!» слышится крикъ—
Съ запада ввелъ караванъ проводникъ...

А на востокъ растворилися въ Тусѣ
Тоже ворота—для трупа Фирдуси!

XV.

ФИТЦЛИПУЦЛИ.

Präludium.

Это вотъ—Америка!
 Это—новый свѣтъ бесспорно,
 Не теперешній, что вянетъ,
 Обогнавъ Европу сразу,—

Это точно новый свѣтъ,
 Какъ Колумбомъ Христовалемъ
 Поднять онъ изъ океана.
 Весь еще онъ свѣжъ и влаженъ;

Весь еще въ жемчужныхъ капляхъ,
 Что летятъ цвѣтистой пылью
 Подъ лобзаньемъ жаркимъ солнца.
 Какъ онъ молодъ, этотъ свѣтъ!

Нѣтъ романтики кладбища,
 Нѣтъ въ немъ старыхъ грудь развалинь,
 Нѣтъ, подъ плесенью символовъ,
 Париковъ окаменѣлыхъ.

Изъ здоровой почвы смѣло
 Исполнскія деревья
 Поднялися—не страдаетъ
 Ни одно спинной сухоткой.

На вѣтвяхъ большія птицы —
 Перья съ радужнымъ отливомъ;
 Важно длинные носы
 Изогнулися; глазами,

Какъ очки въ оправѣ черной,
 Внизъ глядятъ опѣ, качаясь,
 И молчатъ; но вдругъ крикливо
 Начинаютъ лепетать,

Словно кумушки, всё вмѣстѣ.
 Чтò лепечуть—я не знаю,
 Хоть языкъ и знаю птичій
 Я не хуже Соломона,

У котораго всёхъ женъ
 Было съ тысячу, который
 Зналъ всё птичьи языки,
 И не только что живыя,

Даже мертвыя нарѣчья.
 Новый климатъ и цвѣты
 Также новыя, и новыи
 Разливають ароматъ —

Дикій, жгучій: сладострастно
 Онъ щекочетъ обонянье...
 Не могу никакъ припомнить,
 Гдѣ я слышалъ этотъ запахъ?

Можетъ быть, на Риджент-Стритѣ
 Въ золотисто-жёлтыхъ ручкахъ
 Той яванки гибко-стройной,
 Что всегда цвѣты жевала?

Можетъ быть и въ Роттердамѣ
 Подлѣ статуи Эразма,
 Гдѣ въ таинственной аллеѣ
 Скрыта вафельная лавка.

Но пока въ недоумѣнны
 Я гляжу на новый свѣтъ,
 Самъ я новый свѣтъ пугаю
 Чуть не больше: обезьяна,

Увидавъ меня, со страхомъ
 Таёкъ и кинулась въ кусты
 И врочить: «Ужасный призракъ!
 Старосвѣтскій, страшный призракъ!»

Не пугайся, обезьяна!
 Я совсѣмъ не привидѣнье —
 Я покорный и послушный
 И приверженный сынъ жизни.

Но, затѣмъ-что такъ давно
 Я вожуся съ мертвецами,
 Я приѣмы кой-какіе
 Переялъ отъ нихъ невольно.

Въ наилучшіе годѣ
 Я скрывался по кофейнямъ,
 Романтическимъ вертепамъ
 И подобнымъ катакомбамъ.

Не пугайся, обезьяна!
 Ты мнѣ нравишься за то, что
 У тебя на безволосой,
 Оголенной кожѣ сзади —

Мной любимые цвѣта:
 Черный, красный, золотистый...
 Я при нихъ припоминаю
 Съ грустью знамя Барбароссы.

1.

На челѣ носилъ онъ лавры,
 На ногахъ носилъ онъ шпоры
 Золотыя: хотъ и нѣ былъ
 Ни герой онъ и ни рыцарь.

Былъ онъ шайки атаманомъ;
 Но въ священной книгѣ славы
 Дерзновенною рукою
 Врѣзалъ дерзко имя: Кòртець —

И, подъ именемъ Колумба,
 Врѣзалъ такъ его глубоко,

Что на школьной лавѣ школьникъ
Слышитъ вмѣстѣ оба имя.

За Колумбомъ Христовалемъ
Говоря:—Фернандо Кортесъ,
Онъ его великимъ мужемъ
Ставить рядомъ въ Пантеонѣ

Міра новаго съ Колумбомъ.
Тяжела судьба героя,
Если долженъ онъ помыслить
Передъ смертью, что въ потомствѣ

Станетъ рядомъ съ проходимцемъ.
Лучше быть безвѣстнымъ міру,
Чѣмъ въ сообществѣ позорномъ
Завѣщать потомству имя.

Христоваль Колумбъ, конечно,
Былъ героемъ: духъ его
Свѣтель былъ, какъ солнце свѣтло,
Да и щедръ онъ былъ, какъ солнце:

Много гениевъ дарили
Міру много, но Колумбъ
Одарилъ міръ цѣлымъ міромъ,
Что Америкой зовется.

Дверь земной темницы людямъ
Отворить онъ былъ не въ силахъ,
Но сумѣлъ темницу шире
И дланнѣе цѣпи сдѣлать.

Человѣчество Колумбу
Вѣкъ должно быть благодарно:
Ужъ не только что въ Европѣ,
Да и въ Африкѣ оно,

Да и въ Азиѣ устало.
 Былъ Колумба выше гений,
 Но вѣдь это былъ, кто людямъ
 Душу, небо даль и Бога.

У него отецъ Амримоъ,
 Мать Эхобееъ прозывалась;
 Самъ овъ звался Монсеемъ:
 Овъ и есть тотъ мощный гений.

Но, Пегасъ мой, не годится
 Слишкомъ долго оставаться
 Намъ съ Колумбомъ: ждетъ сегодня
 Намъ другой: Фернандо Къртець.

Расправляй цвѣтныя крылья,
 Конь крылатый, и помчимся
 Мы съ тобою въ новый свѣтъ,
 Въ Мехиканскія долины.

Ты умчишь меня въ тотъ городъ,
 Гдѣ кацникомъ Монтезумой
 Такъ радушно и такъ честно
 Были приняты испанцы.

И не только кровь и пищу,
 Въ изобиліи несмѣтномъ,
 Далъ кацикъ пришельцамъ чуждымъ,
 Но и цѣнныя подарки:

Перлы, золото литѣе,
 Самоцвѣтныя каменья —
 Все доказывало щедрость
 Мехиканскаго владыки.

Этотъ дикій, этотъ грубый,
 Въ тѣмъ блуждающій язычникъ
 Еще вѣрилъ въ честь и совѣсть,
 Въ святость правъ гостепрѣимства.

Онъ съ монаршей лаской принялъ
 Приглашеніе на праздникъ,
 Что испанцы затѣвали,
 Въ честь его, въ озёрномъ замкѣ.

И съ придворными своими,
 Благосклоненъ и довѣрчивъ,
 Прибыль онъ въ испанскій замокъ,
 Гдѣ былъ встрѣченъ трубнымъ звукомъ.

Какъ піеса называлась,
 Я не знаю. Можетъ быть:
 «Честъ испанская»; но авторъ
 Звался: донъ Фернандо Кортесъ.

Подаль знакъ онъ — и внезапно
 На кацка нападаютъ
 И заложникомъ, въ оковахъ,
 Оставляютъ въ крѣпкомъ замкѣ.

Но погибнулъ Монтезума —
 И разрушена плотина,
 Защищавшая пришельцевъ
 Отъ народной правой мести.

Какъ подъ бурей море, страшно
 Все кругомъ заколыхалось,
 И стремительно на замокъ
 Поились людскія волны.

Хоть испанцы отражали
 Каждый штурмъ; но ежечасно —
 Новый приступъ, и борьба
 Утомительною стала.

А со смертью Монтезумы
 Истопились и припасы:
 Стали меньше раціоны;
 Лица сдѣлались длиннѣе;

И понурясь, другъ на друга
Смотрятъ мрачные испанцы,
И со вздохомъ вспоминаютъ
Объ отечествѣ любезномъ—

Этой родинѣ, гдѣ громко
Раздается звонъ церковный,
И кипить на очагѣ
Мирно «Olea-potrida»,

Густо смазанная тѣстомъ,
А подъ нимъ шипять лукаво
И щекочутъ носъ сосиски
Съ вселюбезнымъ чеснокомъ.

Собрался совѣтъ военный—
И рѣшили отступленье,
Такъ, чтобъ съ первою зарёю
Войско изъ города вышло.

Выйдти было и легко,
При умѣннѣ полководца,
Да до берега достигнуть
Непомѣрно было трудно.

Городъ Мѣхико—озѣрный,
И лежитъ на острову,
По срединѣ волнъ шумящихъ,
Онъ твердыней водяной.

Сообщенье съ берегами —
На паромахъ и на лодкахъ,
По мостамъ на крѣпкихъ сваяхъ;
Острова—сухіе броды.

Передъ солнечнымъ восходомъ
Въ путь свой тронулись испанцы:
Не гремѣли барабаны,
Не трубили трубы зорю.

Чтобъ хозяевъ не тревожить,
 Посреди ихъ сладкой дрѣмы
 (А индѣйцевъ за сто тысячъ
 Было въ Мѣхико тогда),

Были вѣжливы испанцы,
 Но про вѣжливость хозяевъ
 Позабыли: раньше ихъ
 Поднялися мекхиканцы.

По мостамъ и по паромамъ,
 И по бродамъ стали тучей,
 Чтобъ напутственнымъ поклономъ
 Проводить гостей любезныхъ.

По мостамъ, паромамъ, бродамъ—
 Гей!—попойка началась,
 И багровое вино
 Черезъ край поилося въ волны.

Но плечѣмъ къ плечу испанцы—
 И кровавыхъ арабесокъ
 Много панцырь ихъ оттиснулъ
 На индѣйскихъ голыхъ персяхъ.

Это были: давка, схватка
 И рѣзня, и долго-долго
 Шумъ и крики замирали
 По мостамъ, паромамъ, бродамъ.

Краснощекіе рычали,
 Но испанцы бились молча:
 Имъ пришлось шагъ за шагомъ
 Завоевывать дорогу.

Въ тѣсной битвѣ не спасало
 Европейское искусство:
 Огнестрѣльное оружье,
 Шлемы, панцыри и кони.

Впрочемъ, многіе испанцы
 Были золотомъ тягчимы,
 Что награбили недавно:
 Этотъ жёлтый грузъ грѣховъ

Временилъ ихъ въ жаркой схваткѣ,
 Этотъ дьявольскій металлъ
 Сталъ погибелью — не только
 Для души, но и для плоти.

А по озеру межъ тѣмъ
 Плыли лодки,плыли барки,
 И стрѣлки изъ нихъ стрѣляли
 По мостамъ, паромамъ, бродамъ.

Въ суматохѣ, безъ сомнѣнья,
 Попадали и въ своихъ,
 Но нерѣдко попадали
 И въ гидальго досточтимыхъ.

На одномъ мосту свалился
 Юнкеръ Гастонъ—въ этотъ день
 Несъ онъ знамя, на которомъ
 Развѣвался ликъ Пречистой.

Даже въ образъ попадали
 Метко выстрѣли индійцевъ:
 Шесть индійскихъ стрѣлъ остались
 Въ самомъ сердцѣ у Мадонны,

Будто въ пятницу страстную,
 Въ сердцѣ Mater dolorosa,
 На процессіи священной,
 Шесть мечей позолоченныхъ.

Передъ смертію донъ Гастонъ
 Знамя передалъ Гонзалво,
 Но и тотъ, сраженный смертью,
 Вскорѣ палъ. Тогда самъ Кортесъ

Принялъ ту хоругвь святую,
И держалъ её высоко
Надъ конемъ, до самой ночи,
Какъ покончилась битва.

За сто-шестьдесятъ испанцевъ
Пали; восемьдесятъ слишкомъ
Въ плѣнъ достались живыми
Мехиканцамъ. Много на-смерть

Было ранено, а вскорѣ
И они глаза закрыли.
До двѣнадцати коней
Отнятò или убито.

Наконецъ, ужъ въ вечеру,
Кòртець съ войскомъ истомлѣннымъ
Вышли на берегъ, убого
Кипарисами поросшій.

2.

День кровавой, грозной битвы
Ночь смѣнила, но смѣнила
Словно призрачнымъ видѣньемъ:
Вдругъ надъ Мехико сто тысячъ

Золотыхъ огней зажглося:
Вѣтви, свѣточы, сосуды
Со смолой душистой ярко,
Словно бѣлый день, свѣтили

На дворцы, палаты, храмы
И на кровли золотыя.
Между ними возвышался
Храмъ священный Фатципуцли.

Строенъ онъ изъ кирпича
И собой наоминалъ

Онъ египетскіе храмы,
Или храмы-псолоины

Вавилона, Ниневіи,
Какъ въ картинкахъ Эри Мертинъ,
Пресловутаго британца:
Тѣ жъ широкія ступени,

Какъ и въ Мехико, для тысячъ...
И теперь на нихъ—толпы
Дивихъ воиновъ, побѣдой,
Вмѣстѣ съ пальмовымъ виномъ,

Упоѣнныхъ... Тѣ ступени
Всѣ зигзагомъ поднялися
На платформу съ балюстрадой
Необъятной кровли храма.

Тамъ, на жертвенномъ престолѣ,
Возсѣдаетъ Фитцлипуцли,
Грозный, злой и кровожадный
Мехиканскій богъ войны.

А наружность пресмѣшная:
Разодѣтъ; глядитъ ребѣнкомъ;
И не знай, что онъ такое—
Вызываетъ лишь улыбку.

По обѣимъ сторонамъ
Стали: свѣтскіе—направо,
А жрецы—налѣво, въ перьяхъ
И въ духовномъ облаченьи.

На ступеняхъ алтаря
Возсѣдитъ столѣтній старецъ,
Безбородый, безволосый
И въ пурпурномъ одѣяньи.

Это самый главный жрецъ:
Онъ ножи усердно точить

И съ улыбкой, то и дѣло,
Вверхъ на идола косится.

Фитцлипуцци понимаетъ
Взоръ служителя, и будто
Самъ въ отвѣтъ ему моргаетъ,
Шевелить губами даже.

Вдоль по жертвеннымъ ступенямъ
Храмовые музыканты —
Кто съ литаврами, кто съ рогомъ...
Шумъ и громъ, и трескотня —

Шумъ и громъ, и трескотня,
И поютъ согласнымъ хоромъ
Мехиканцы свой «Te Deum»,
И мяукаютъ, какъ кошки —

Да, мяукаютъ, какъ кошки,
Только той породы крупной,
Что зовется тигромъ, любить
Не мышей ѣсть, а людей.

Только вѣтеръ полуночный
Черезъ озеро домчится
Вплоть до берега — испанцамъ
Заскребуть на сердцѣ кошки.

Подъ деревьями печали —
Можетъ быть, и ихъ печальнѣй —
Смотрятъ на городъ испанцы;
А на озерѣ весь городъ

Окунулся передъ ними
Всѣми яркими огнями, —
Только ярче всѣхъ зажегся
Храмъ громадный Фитцлипуцци.

На платформѣ яркой храма,
Какъ на сценѣ, не замедлять

Дать мистерию испанцамъ
Подъ трагическимъ названьемъ:

Человѣческая жертва.

Старъ предметъ и въ область басни
Отошель: у христіанъ
Нѣтъ такихъ кровавыхъ зрѣлищъ.

Но тогда у диварей
Только-только наступало
Время грозное мистерій —
Съ человѣческой кровью.

И какая кровь была!
Христіанская: ни разу
Не мѣшалась съ кровью гнусной
Мавровъ, или іудеевъ.

Возликуй же, Фитцлипуцци!
Много есть испанской крови,
И ея горячимъ паромъ
Оросишь себѣ ты ноздри:

Нынѣче, въ жертву для тебя,
Перерѣжутъ всѣхъ испанцевъ —
Цѣлыхъ восемьдесятъ сразу —
На жаркое для жрецовъ.

Потому: жрецы, вѣдь, люди,
Какъ и всѣ, а человѣку
Надо ѣсть: онъ жить не можетъ,
Такъ-какъ боги, ароматомъ.

Чу! гудить ужъ смертный бубень!
Чу! трубить и рогъ зловѣщій:
Возвѣщаютъ, что идетъ
Похоронный ходъ. Испанцевъ,

Всѣхъ позорно-обнаженныхъ,
Со скрученными руками,

Тащатъ вверхъ, влекутъ нещадно
По крутымъ ступенямъ храма.

Передъ ликомъ Фитцлипуцци
Ихъ склоняютъ на колѣни,
И плясать, какъ скомороховъ,
Принуждаютъ истязаньемъ

И такую звѣрской пыткой,
Что стenanія страдальцевъ,
Воплъ и крикъ ихъ заглушаютъ
Шари-вары каннибаловъ.

Горе публикѣ прибрежной,
Горе Кортцу съ дружиной!
Различили и узнали
Голоса друзей они,

И на сценѣ освѣщенной
Ясно-ясно разглядѣли
Корчи въ лицахъ, имъ знакомыхъ,
Острый ножъ и волны крови.

И съ головъ всѣ сняли шлемы,
И, колѣнопреклоненно,
За молитвой по усопшимъ
Всѣ запѣли: «De profundis».

Вмѣстѣ съ прочими погибъ
Также Раймондъ де Мендоза,
Сынъ прекрасной аббатисы,
Первой Кортца любви.

На груди его примѣтивъ
Медальонъ, хранившій образъ,
Милый сердцу, залился
Кортцъ жаркими слезами,

Но отеръ, вздохнувъ глубѣко,
Слезы жѣсткою перчаткой,
И запѣлъ онъ въ общемъ хорѣ,
За другимъ: «miserere».

3.

Поблѣднѣли звѣзды въ небѣ,
И снялись туманы съ моря,
Словно призраки, подѣ утро,
Бѣлый саванъ волоча.

Нѣтъ ни пира, ни огней
На высокой кровлѣ храма,
И на помостѣ кровавомъ
Спать миряне и жрецы.

Но не спать первосвященникъ:
При огнѣ послѣдней лампы,
Ослабляясь, скаля зубы,
Рѣчь онъ съ идоломъ заводитъ:

«Фитцлипуцли, Путцлифицли,
Мой божёчекъ Фитцлипуцли!
Позабавился сегодня
И нанюхался ты вдоволь!

«Вѣдь, неправда-ль, аппетитно
Пахнетъ кровію испанской,
И твой лакомка, твой носикъ,
Въ упоеніи былъ, въ восторгѣ?»

«Завтра мы тебѣ зарѣжемъ
Ихъ коней, чудовищъ ржущихъ,
Что быстрѣй на сушѣ вѣтра,
А въ водѣ морскихъ коровъ.

«Будь любезень—и на жертву
Я тебѣ зарѣжу внуковъ,
Двухъ красавцевъ, чистой крови,
Старыхъ лѣтъ монахъ усладу.

«Но любезень будь и даруй
Надъ врагами намъ побѣду,

Мой возлюбленный божёчекъ,
Путцлифцили, Фитцлипуцли!

«Истреби враговъ-пришельцевъ,
Къ намъ приплывшихъ издалёка,
Изъ невѣдомыхъ намъ странъ,
По пустынь влажной моря.

«Для чего жъ они отчизну
Вдругъ покинули?... Прогнали ли
Голодь ихъ—иль страхъ отместки?
«Честенъ хлѣбъ, добытый дома!»

«Намъ пословица гласить.
Что имъ нужно? только прятать
Наше золото въ карманы,
Увѣряя, что за это

«Насъ ко всѣмъ богамъ причислять...
Прежде мы считали ихъ
За существъ иного рода:
За сыновъ безсмертныхъ солнца,

«За безсмертныхъ громовержцевъ;
Но они всѣ также смертны,
Какъ и мы: мой ножъ ихъ смертность
Нынче ночью испыталъ.

«Просто люди, и не лучше
Чѣмъ другіе, а иныя
Даже хуже обезьянъ:
Точно также волосисты

«Лица ихъ, и—говорять—
Что у многихъ подъ штанами
Спрятанъ хвостъ... И вѣроятно!
Для чего же имъ штаны?

«Истреби же, богъ могучій,
Нечестивыхъ племя злое!

Фитцлипуцли, Путцлифицли,
Даруй намъ на нихъ побѣду!»

Кончилъ рѣчь первосвященникъ,
И въ отвѣтъ ему, какъ шорохъ
Въ тростникѣ ночного вѣтра,
Идолъ шопотомъ лепечеть:

«Краснокожій, краснокожій!
Столько тысячъ ты зарѣзалъ
На своемъ вѣку, что время
Ножъ поднять и на себя,

Время съ дряхлѣемъ, старымъ тѣломъ
Разлучить живую душу
И въ лягушечьемъ болотѣ
Утопить ее, съ тѣхъ кочекъ,

Гдѣ гнѣздится крысъ царица,
Тетка мнѣ... Она и скажетъ:
«Здравствуй, голая душа!
Какъ племянникъ поживаетъ?»

Фитцлипутствуетъ, какъ прежде,
Въ золотомъ, медовомъ свѣтѣ,
И, какъ мухъ, съ чела заботы
Гонять прочь ему фортуна?

Иль богиня Кацлагара,
Эта злобная эхидна,
Укусила ужъ его
Ядовитыми зубами?»

Ты ей, голая душа,
Такъ скажи, что: Фитцлипуцли
Шлетъ поклонъ ей и желаетъ,
Чтобъ душа ей влѣзла въ глотку,

Потому, скажи: его
Привлекла сама ты къ безднѣ,
Чтобы сбылося надъ нимъ
Предсказаніе пророковъ

О разгромѣ всей державы
 Бородатыми людьми,
 Что на птицахъ деревянныхъ
 Налетятъ на насъ съ востока.

Вотъ они и налетѣли,
 Бородатые испанцы.
 И досаднѣ всего
 Для меня и ненавистнѣй,

Что сама царица неба
 Покровительствуетъ имъ.
 Скажешь это—спрячься въ норку,
 Гдѣ нибудь, но спрячься глубже,

Краснокожая душа,
 Чтобъ не видѣть злополучья
 И позора, и изгнанья
 Бога!... Храмъ падетъ и вмѣстѣ

Съ нимъ наду и я,—и только
 Заклубится дымъ надъ нами —
 И вщи потомъ развалинъ...
 А меня ужъ не отыщутъ!...

Но нельзя мнѣ умереть:
 Все равно, какъ попугаи,
 Вѣки цѣлые живѣмъ мы,
 Измѣняя только перья,

Мы, ливяющіе боги...
 Я сливаю — полечу
 Ко врагамъ моимъ въ отчизну,
 Что зовутъ они Европой.

Тамъ начну я вновь карьеру:
 Прямо сдѣлаюся бѣсомъ,
 И тогда — прости, Господь —
 Я надѣлаю тамъ шума!...

Буду мучить я враговъ,
 Буду пугаломъ имъ ночью
 И предвкусиемъ геэнны,
 Гдѣ кипить смола и сѣра.

Мудрецовъ и дураковъ
 Заманю къ себѣ прикормомъ,
 Щекоча ихъ добродѣтель,
 Чтобъ, какъ въ пыткѣ, хохотали...

Да и сдѣлаюся бѣсомъ —
 И привѣтствую заране
 Сатану и Веліала,
 Съ Вельзевуломъ и съ Астаргой.

И тебѣ привѣтъ мой, Лились,
 Мать грѣха, змѣя коварства!
 Научи меня всѣмъ кознямъ,
 Всѣмъ жестокостямъ твоимъ!

О, мой Мехико любимый!
 Я спасти тебя не властенъ;
 Но жестоко отомщу
 Я за Мехико любимый!

1859.

XV.

МАВРИТАНСКІЙ ХАЛИФЪ.

На изгнанье, въ Альпухарн,
 Молодой владыка мавровъ
 Ъхалъ грустный, молчаливый;
 Позади тянулся поѣздъ:
 На высокихъ иноходцахъ,
 Иль въ носилкахъ золоченыхъ

Жены царственнаго дома;
 Слѣдомъ черныя рабыни
 На мулахъ и сто слугъ вѣрныхъ
 На коняхъ арабской крови;
 Но наѣздники уныло
 Головой поникли къ сѣдламъ.
 Не слышать ни трубъ, ни бубенъ,
 Ни веселой, громкой пѣсни;
 Лишь серебряный бубенчикъ
 На мулѣ пороюбрякнетъ.
 На горѣ, откуда взоры
 Тонуть въ глубь долины Дуйро,
 И въ послѣдній разъ мелькаютъ
 Стѣны крѣпкія Гренады,
 Тамъ съ коня послѣшно сходить
 Юный вождь, глядѣть на городъ:
 И горитъ въ зарѣ Гренада
 Вся — какъ золото и пурпуръ.
 Но, Аллахъ! Не полумѣсяцъ —
 Крестъ на знамени испанскомъ
 Развѣвается надъ замкомъ
 И надъ башнями Альямбры.
 О! при этомъ видѣ, вздохи
 Грудь могучую стѣснили,
 И потокомъ быстрымъ слезы
 Заструились по ланитамъ.
 Мрачно смотритъ съ иноходца
 На печаль и слезы сына
 Мать-царица, и сурово
 Упрекаетъ гордой рѣчью:
 «Боабдиль-эль-Хико!» молвить,
 «Ты, какъ женщина, рыдаешь,
 «Не умѣвши, какъ мужчина,
 «Защитить родимый городъ.»
 Но любимица халифа,
 Рѣчь суровую услыша,
 Быстро вышла изъ носилокъ
 И на грудь вождя припала:
 «Боабдиль-эль-Хико!» молвить,

«Мой возлюбленный, утѣшься:
 Въ безднѣ горя и невзгоды
 Лавръ зеленый расцвѣтаетъ.
 Вѣрь, не только триумфаторъ,
 Вѣрь, не только увѣнчанный
 Отъ руки слѣпой богини,
 Но и скорбный сынъ несчастья,
 И боецъ, въ борьбѣ съ судьбою
 Павшій истиннымъ героемъ,
 Будутъ вѣки жить и вѣки
 У людей въ воспоминанья!»

И послѣднимъ вздохомъ мавра
 До-сихъ-поръ слыветъ вершина,
 Гдѣ въ послѣдній разъ простился
 Боабдилъ съ своей Гренадой.
 И любимицы халифа
 Предсказаніе сбылося:
 Прогремѣло славою имя
 Мавританскаго владыки.
 И не смолкнетъ эта слава
 Вѣкъ, пока струны послѣдней
 Не порвется на послѣдней
 Въ Андалузіи гитарѣ.

25 іюля 1859.

XVI.

ИСПАНСКІЕ АТРИДЫ.

Въ день блаженнаго Губерта,
 Въ лѣто тысяча и триста
 Тридцать-третье, королемъ
 На обѣдъ мы были званы

Въ пышный замокъ Сеговіи.
 Одинаковы и гости,

Однакова и скува
 На придворныхъ всѣхъ обѣдахъ:

Та жъ посуда золотая;
 Тѣ же рѣдкостныя яства,
 И во всемъ свинцовый вкусъ...
 Пахнетъ кухнею Локусты.

И прислуга встоду та же:
 Всѣ пестро, всѣ гнѣтся чинно,
 Словно двѣ гряды тюльпановъ...
 Только соусы различны.

И шушуканье, и шопоть
 Усыпляютъ, крѣпче мака,
 Всѣхъ гостей, доколѣ трубы
 На разсѣютъ одуренья.

Къ счастью, сѣлъ со мною рядомъ
 Донъ-Діаго Альбукерке, —
 И изъ вѣщныхъ усть его
 Рѣчь лилася непрерывно.

Разсказалъ онъ очень складно
 Про кровавыя интриги,
 Въ дни, какъ властвовалъ Донъ-Педро,
 По прозванію *Свиртный*.

На вопросъ: «За что Донъ-Педро
 Своего родного брата
 Донъ-Фредриго обезглавилъ?»
 Отвѣчалъ онъ мнѣ со вздохомъ:

«О, сеньоры! не вѣрьте пѣснямъ,
 Что, подъ треньканье гитары,
 Распѣваетъ чернь на рынкахъ,
 На базарахъ и гуляньяхъ.

Вы не вѣрьте про любовь
 Донъ-Фредриго къ Донѣ-Бланѣ,

Къ чаровницѣ-королевѣ
И супругѣ Дона-Педро.

Нѣтъ, не ревность — просто зависть
Погубила Донъ-Фредриго,
Лишь его своимъ магистромъ
Выбралъ орденъ калатравскій.

Не прощаль ему Донъ-Педро
Одного проступка — славы,
Славы той, что Донья-Гата
По вселенной протрубилъ.

Не прощаль ему Донъ-Педро
И души высокихъ качествъ,
И тѣлесной красоты,
Неземной красы зеркала.

Ярко въ памяти моей
Впечатлѣлся этотъ стройный,
Свѣжій рыцарства цвѣтокъ,
Этотъ юношескій образъ,

Этотъ образъ, милый феямъ
И любимый ими нѣжно —
За таинственныя грѣзы
На задумчивомъ челѣ.

Въ голубыхъ глазахъ сверкали
Искры чистаго сапфира,
Но сверкали эти искры
Ослѣпительно-упорно.

Крупно въ кольца завитые,
Кудри черные съ отливомъ,
Словно ворона крыло,
Распадалися на плечи.

Въ славномъ городѣ Коимбрѣ,
Имъ же отнятомъ у мавровъ,

Видѣлъ я въ послѣдній разъ
Злополучнѣйшаго принца.

На конѣ, вдоль улицъ узкихъ,
Ѣхалъ онъ изъ Алькандзора.
Любовались мавританки
На него изъ-за рѣшотокъ.

Развѣвались призывно
У него на шлемѣ перья,
Хоть магистра крестъ невольню
Отженилъ грѣховный помысль.

Рядомъ съ нимъ, хвостомъ вилая,
Прыгаль пёсъ, его любимецъ,
Кличкой Алланъ, а породы
Пресловутой — изъ Сіэрры.

Не смотря на страшный ростъ,
Былъ оленя онъ быстрѣе,
Благородно несъ онъ морду,
Хоть похожую на лисью.

Чище свѣга, мягче шелка,
Шерсть лежала лепестками;
Былъ рубинами осыпанъ
Золотой его ошейникъ.

Въ нёмъ хранился, по преданью,
Талисманъ: и точно вѣренъ
До того былъ Алланъ принцу,
Будто былъ къ нему прикованъ.

Охъ, ужъ лучше бъ мы не знали
И въ-очію бъ не видали
Этой вѣрности! Ужасно
Про нее теперь и вспомнить...

Лучше бъ въ жизни не бывало
Рокового дня!... Сидѣлъ я

Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ,
За трапезой королевской;

Тамъ, вверху стола, гдѣ нынѣ
Возсѣдаетъ Донъ-Генрико
И стучить о кубокъ кубкомъ
Съ цвѣтомъ рыцарей кастильскихъ,

Тамъ сидѣлъ тогда Донъ-Пѣдро,
Нѣмъ и сумраченъ, а рядомъ
Съ нимъ Маріа де-Падпльа —
Свѣтозарна, какъ богиня.

Здѣсь, въ концѣ стола, гдѣ дама
Съ полотняными брыжжами,
Округленными крахмаломъ,
Словно бѣлая тарелка,

И съ лицомъ такимъ же желтымъ,
И съ улыбкой также кислой,
Какъ морщинистый лимонъ,
Положенный на тарелку —

Здѣсь, въ концѣ стола, тогда
Было пусто это мѣсто;
Но по креслу золотому
Было видно: гость почетный.

Этотъ гость былъ Донъ-Фредриго;
Но пустымъ осталось кресло:
Нѣ былъ онъ!... Ахъ, мы узнали —
Что причиной промедленья?...

Ахъ! въ тѣ самыя мгновенья
Исполнялся чорный замысль,
И безвиннаго героя
Брали, именемъ Донъ-Педро,

Королевскіе клеветы,
И подъ тайною измѣной

Отвозили въ крѣпкій склепъ,
Гдѣ свѣтилъ за солнце факель.

Тамъ вдоль стѣнъ стояла стража,
И стоялъ заплечный мастеръ,
Опершися на сѣкиру,
И промолвилъ онъ сурово:

«Вамъ, гроссмейстеръ, пять минутъ
Остается жить: готовьтесь —
И наутственной молитвой
Духъ направьте къ жизни вѣчной.»

Донъ-Фредриго на колѣняхъ,
Помолился — и спокойно
Онъ промолвилъ: «совершилось!» —
И ударъ смертельный наль.

Въ то же самое мгновенье,
Какъ скатилась голова,
Прыгнувъ къ плахѣ вѣрный Алланъ,
Незамѣченный никѣмъ.

Онъ схватилъ ее зубами,
Эту голову, за кудри —
И, съ добычей дорогою,
Онъ мелькнулъ стрѣлой изъ склена.

Тщетно вслѣдъ ему неслися
Крикъ и свистъ по корридорамъ,
Заламъ, лѣстницамъ, площадкамъ,
Отъ ступени до ступени...

Послѣ пира Вальтасара,
Никогда потрясены
Не бывали больше гости,
Чѣмъ въ трапѣзномъ этомъ залѣ,

Какъ чудовище ворвалось
Къ намъ съ казненной головою

Донъ-Фредриго, орошавшей
Неостылой кровью кудри.

На оставленное кресло
Для милого господина
Вспрыгнуль Алланъ, какъ истецъ,
Съ головою усѣченной.

Ахъ! мы сразу распознали
Этотъ юношескій обликъ!
Только былъ онъ помертвѣе,
Поблѣднѣе... И казалось

Намъ, что вдругъ чела свивались
Кудри черные, какъ змѣи
Вкругъ чела самой Медузы,
И что всѣхъ насъ каменили.

Да, мы всѣ окаменѣли;
Всѣхъ повытянулись лица
И прильнуль языкъ къ гортани —
Изъ боязни къ этикету.

Но Марія де-Падиллья
Прервала молчанье наше —
Подняла, рыдая, руки
И сказала покаянно:

«Богу вѣдомо! убійство
Отклонить я и могла бы,
Да сробѣла... Наши дѣти
Неповинныя отвѣтятъ

За меня!...» Тутъ Донъ-Діэго
Рѣчь покончилъ: намъ пришлось
Встать, затѣмъ-что ужъ вставали
Гости всѣ изъ-за стола

И изъ зала выходили...
Онъ мнѣ вѣжливо далъ руку,

И вдвоемъ мы съ нимъ бродили
По готическому залу.

На одномъ изъ перекрёстковъ,
Зазываніемъ и лаемъ
Означавшемъ, что ведеть онъ
Прямо къ царнѣ королевской,

Я примѣтилъ тотчасъ келью,
Прорублённую въ стѣнѣ,
Прорублённую, какъ клѣтка
За желѣзною рѣшоткой.

Въ этой клѣткѣ были люди —
Двое отроковъ, и оба,
Бѣдняки, въ ножныхъ желѣзахъ
На пукъ соломы гнили.

Лѣтъ двѣнадцати былъ младшій,
А другой немного старше;
У обоихъ благородны
Были лица, только блѣдны.

Юныхъ узниковъ недугомъ
Сокрушило; были явны
На плечахъ рубцы ударовъ
И трясла ихъ лихорадка...

Изъ глуби, изъ-за рѣшотки,
На меня они глядѣли,
Словно призраки, и — право —
Ужасаль меня ихъ взглядъ.

«Кто они?» спросилъ я, быстро
Взявъ за руку Донъ-Діэго,
И почувствовалъ тотчасъ же,
Какъ рука затрепетала.

Донъ-Діэго былъ смущенъ,
Смотрѣлся — нѣтъ ли лишнихъ?

И потомъ, съ приличнымъ вздохомъ,
Рѣчь ко мнѣ повелъ придворно:

«Кто они? Конечно — дѣти
Отъ родителей: Донъ-Педро,
Овдовѣшаго такъ рано,
И Маріи де-Падиллы.

За побопщемъ при Нарвасъ,
Гдѣ Генрико Транстамарре
Короля Донъ-Педро, брата
Своего, освободилъ

Отъ двойного груза, то-есть —
Отъ короны и отъ жизни —
За побопщемъ за этимъ
Взялъ племянниковъ, какъ дядя,

Онъ къ себѣ въ наслѣдный замокъ,
Съ помѣщеніемъ и пицей —
Взялъ къ себѣ онъ ихъ прилично:
Безъ возмездія и платы...

Помѣщеніе хотъ тѣсно,
Но за то оно прохладно
Жаркимъ лѣтомъ, а зимою
Ужъ не такъ вѣдь холодно.

Пица — хлѣбъ ржаной — и какъ же
Вкусенъ! Будто бы сама
Испекла его Церера
Для любимой Прозерпины!

Иногда онъ посылаетъ
Имъ лепѣшки: пусть же дѣти
Знаютъ, что такое праздникъ
Воскресенія въ Мадридѣ.

Только это воскресенье
Не всегда для нихъ бывало;

А по буднямъ доѣзжачій
Угощаль ихъ ловко плетью,

Потому-что доѣзжачій
Всѣ смѣчки, всѣ своры, стаи,
И племянничью конурку
Кстати, взялъ отъ короля...

Вотъ—онъ здѣсь, супругъ злосчастный
Этой кислой Цитронеллы,
Что своею головою,
Какъ лимономъ на тарелкѣ,

Удивляетъ цѣлый столъ...
Зла она подь-часъ бываетъ
Такъ, что горестный супругъ
Со стѣны снимаетъ плетку

И бѣжить считается ею
И со псами, и съ дѣтями...
Но король нашъ сердоболень —
Онъ недавно повелѣлъ:

Отъ племянниковъ отчислить
Тотчасъ псарню, чтобъ не смѣли
Чуждой дланью прикасаться
Къ нимъ никто, oprичъ его.»

Донъ-Діаго вдругъ замолънулъ,
Потому-что сенешаль
Къ намъ приблизился съ вопросомъ:
Какъ довольны мы обѣдомъ?

7 іюля 1860.

XVII.

ПФАЛЬЦГРАФИНЯ ЮТТА.

Пфальцграфиня Ютта плыла въ челнокѣ,
 И свѣтилъ ей мѣсяць по Рейну-рѣкѣ.
 На кормѣ—служанка, а графиня ей
 Говорить: «Вотъ видишь—семь богатырей
 Ныряютъ за нами
 По-надъ волнами...
 Какъ грустно утопленнымъ плавать!»

«Семеро—всѣ были другъ-други страстиѣй;
 Семеро—всѣ нѣжно, на груди моей,
 Въ вѣрности клялися... Всѣхъ ихъ семерыхъ,
 Чтобъ остались клятвы неизмѣнны ихъ,
 Я всѣхъ утопила:
 Всѣхъ и любила...
 Какъ грустно утопленнымъ плавать!»

Чуть гребетъ служанка... Графинѣ—пустыя:
 Только-что хохочетъ, и нагло вѣдь какъ!...
 А за нею трупы—руки вверхъ—плывутъ,
 Словно кресто-пѣрстно клятвы ей даютъ;
 Но тусклы, средь ночи,
 Стеклянныя очн...
 Какъ грустно утопленнымъ плавать!

1860.

XVIII.

ДВА ГРЕНАДЕРА.

Во Францію двое плелись гренадеръ
 Изъ русскаго снѣжнаго гроба,
 И только дошли до нѣмецкихъ кварталъ —
 Повѣсили голову оба.

Услышали оба печальную вѣсть,
 Что войско легло въ оборонѣ
 За милую Францію, славу и честь —
 И кѣсарь, ихъ кѣсарь въ полонѣ!

Заплакали—сердце сдавила тоска—
 Заплакали два ветерана...
 Одинъ говоритъ: «Опустилась рука;
 Горитъ моя старая рана!»

Другой говоритъ: «Видно намъ не допѣть
 Затянутой пѣсни!... Безъ шутки,
 Я радъ бы, товарищъ, съ тобой умереть, —
 Да жалко жены и малютки...

«Эхъ!.. что мнѣ семья!.. Если нѣчего ѣсть,
 Пусть по-миру ходить въ загонѣ...
 Мнѣ душу терзаетъ и жжетъ меня вѣсть,
 Что кѣсарь, мой кѣсарь въ полонѣ!

«Послѣднее дѣло, товарищъ, мнѣ справъ:
 Покончу я службу земную, —
 Во Францію тѣло мое ты доставь,
 Зарой меня въ землю родную.

«Крестъ съ алою лентой на сердце мое
 Повѣсь ты и дай мнѣ присягу,
 Что вложишь мнѣ въ лѣвую руку ружье
 И самъ препояшешь мнѣ шпагу.

«И буду лежать я въ гробу часовымъ,
 Подслушивать шорохъ и шопоть,
 Пока не почую я пушечный дымъ,
 И конское ржанье, и топоть...

И самъ онъ проскачетъ надъ гробомъ моимъ...
 Мечи прозвенять надо мною...
 И винусь изъ гроба я въ битву за нимъ,
 Чтобъ лечь за него головою.»

1 іюня 1858.

ДОЛЯ И НЕДОЛЯ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ НИКОЛАЮ СТЕПАНОВИЧУ КУРОЧКИНУ.)

Доля—веселая дѣвка:
 Все ей—смѣшокъ да издѣвка.
 Чмокнетъ тебя въ полночь,
 Кудри растреплетъ—и прочь!

А вотъ недоля—старуха...
 Какъ ни зайдетъ, кропотуха,
 Такъ и засядетъ съ тобой;
 «Мнѣ, дескать, рано домой!»

XIX.

ПОМАРЕ.

1.

Весь Олимпъ во мнѣ ликуеть—
 Вторятъ звуки трубъ виеарѣ,
 Слышны клвки: «благо вамъ
 Съ королевою Помаре!»

Не про ту—не съ Оталти,
 Разныхъ миссій ученицу,
 Про другую говорю
 Я дикарку и царицу.

Дважды каждую недѣлю
 Свой народъ она чаруетъ
 И въ саду Мабилль канканъ
 Съ рѣзвой полькою танцуетъ.

Въ каждомъ жестѣ, въ каждой позѣ—
 Съ бѣдръ до пкоръ—королева;
 Вся—величье и краса
 Необузданная дѣва.

Весь Олимпъ во мнѣ ликуеть —
 Вторять звуки трубъ кнеарѣ,
 Слышны клики: «благо вамъ
 Съ королевою Помарѣ!...»

2.

Она танцуетъ. Станъ ея
 Волнистъ и гибокъ, какъ змѣя—
 И вотъ вспорхнула, полетѣла—
 И рвется вслѣдъ душа изъ тѣла.

Танцуетъ—вьется, какъ стрѣла;
 Но вдругъ застыла, замерла,
 Призывно вытянула руки...
 Спаси, Господь, меня отъ муки!

Танцуетъ. Такъ была должна
 Плясать предъ Иродомъ она,
 Младая дочь Иродіады...
 Огнемъ зловѣщимъ брызжутъ взгляды...

Сведеть съ ума меня она...
 Скажи: чего тебѣ, жена?
 Смѣешься?... Ликторы! живѣ!
 Казнить пророковъ въ Иудеѣ!...

3.

За кусокъ вчера она
 Грязь мѣсить была должна;
 А сегодня предъ толпою
 Гордо мчится четвернёю,
 И въ подушкѣ шелковой
 Чернокудрой головой
 Припадаетъ, озирая.

Какъ бѣжить толпа густая.
 Эта роскошь, этотъ видъ
 Сердце мнѣ въ тискахъ щемить:
 Ахъ, ты съ этой колесницы
 Ступишь прямо въ дверь больницы —
 Встрѣтитъ смерть тебя косою
 И покончитъ все съ тобой.
 И прозекторъ безобразной,
 На больничной лавкѣ грязной,
 Неуклюжею рукой
 Вскроетъ трупъ изящный твой...
 Эти вонн также скоро
 Будутъ въ лапахъ живодѣра...

4.

Но не то судьба сулила
 И не такъ гнѣвна была.
 Слава Богу, ты забыла
 Все и мирно умерла.

Ты въ свѣтѣлѣ опочила
 Бѣдной матери своей,
 И она тебѣ закрыла
 Звѣзды гаснувшихъ очей.

Пелену тебѣ купили,
 Гробъ, могилку у стѣны...
 Правда, похороны были
 Какъ-то жалки и бѣдны:

Не съ свѣчами гробовыми
 Францискановъ стройный хоръ —
 За носилками твоими
 Шли твой пѣсъ и твой фризёръ.

«Ахъ, какъ часто я Помаре»,
 Парикмахеръ прошепталъ,
 «Неодѣтой, въ будуарѣ,
 «Косу черную чесалъ».

Пёсь доплелся до кладбища
И вернулся отъ воротъ:
У *Махровой Розы* пища
И приютъ его ужъ ждеть.

Помнишь Розу—провансалка?
Ей недавно повезло...
Какъ тебя она, нахалка,
Клеветой извила зло!

Но, веселья королева,
Твой вѣнокъ не снять съ чела:
Ты себя отъ Божья гнѣва
Покаяніемъ спасла.

1859.

XX.

ШЕЛЬМЪ *) ФОНЪ-БЕРГЕНЪ.

Да, Рейнь! въ Дюссельдорфѣ у насъ карнавалъ!
Горитъ восковыми свѣчами
Весь замокъ, и музыкой весь потрясенъ,
И маски пестрѣютъ толпами...

Танцуетъ въ толпѣ герцогиня сама;
Смѣется—и такъ непритворно:
Ея кавалеръ—молодецъ напоказъ,
И все въ немъ—изящно-придворно.

Изъ чорнаго бархата маска на немъ;
Подъ маскою взоръ раскаленный
Весельемъ горитъ, какъ булатный кинжалъ,
Полу изъ ноженъ извлеченный.

---

*) Шельмъ (Schelm), мошенникъ, негодяй, плуть (рус. шельма), означало на старо-нѣмецкомъ языкѣ: *палачъ*. Поэтому, Шельмъ фонъ-Бергенъ значитъ: *бергенскій палачъ*.

Лякуеть, бѣснуйсь кругомъ, карнаваль
И пару почетную славить,
И шопотомъ ей съ Коломбиной Пьерро
Забавныя шутки картавить.

А трубы покуда гремятъ и гремятъ,
Реветь контрабасъ полоумный...
Но кончился танецъ—и вотъ наконецъ
Замолкъ и оркестръ многошумный.

«Прошу вашу свѣтлость! увольте меня:
Мнѣ надобно тотчасъ быть дома...»
Смѣшно герцогинѣ: — О, нѣтъ, кавалеръ,
Я съ вами такъ мало знакома! —

«Прошу вашу свѣтлость! увольте меня:
Я—выродокъ казни и ночи...»
Смѣшно герцогинѣ: — О, нѣтъ, кавалеръ,
Позвольте всмотрѣться вамъ въ очи! —

Напрасно упрашивалъ женщину онъ:
Насмѣшку мѣняя на ласку,
Насильно съ лица у него сорвала
Свѣтлѣйшая черную маску.

«Палачъ!» закричала кругомъ ихъ толпа:
«Изъ Бергена!» Всѣ съ перепугу
Отхлынули прочь. Герцогиня сама
Упала въ объятія сунругу.

Но герцогъ уменъ былъ: сзумѣлъ похвалою
Загладить позоръ онъ и пени.
Онъ мечъ обнажилъ и сказалъ палачу:
«Любезный мой, стань на колѣни!

«Ударомъ меча посвящаю тебя
«Я въ рыцари, въ честь герцогинѣ,
«И благо ты *шельмъ*, такъ и будь же ты *Шельмъ*,
«Но только *фонъ-Бергенъ*, отнынѣ.»

И сталъ паладиномъ и предкомъ палачъ
 Всѣхъ Шельмовъ фонъ-Беренъ... Съ годами
 Прославился родъ ихъ на Рейнѣ... Теперь
 Покоятся всѣ подъ плитами.
 1860.

XXI.

ІЕГУДА-БЕН-ХАЛЕВИ.

1.

«Да прильпнётъ языкъ къ гортани
 И отнимется десница
 У меня, когда забуду
 Хоть на мигъ тебя, Шалимъ!»

Эти звуки, эта пѣсня
 Въ головѣ шумятъ мнѣ, будто
 Я и вправду слышу голосъ
 И напѣвъ псалмовъ священныхъ.

Мало слышу, даже вижу—
 Вижу бороды: всѣ длинны,
 Словно тѣни... «Кто, скажите,
 Іегуда-бен-Халёви?»

Но мелькаютъ быстро, быстро
 Привидѣнья, потому что
 Болтовни живыхъ боятся...
 Да *его-то* я узналъ.

Я узналъ его за блѣдность
 На челѣ, на горделивомъ,
 За ласкательно-суровый
 Вызовъ блещущихъ очей.

Да еще его узналъ я
 По загадочной улыбкѣ
 На рюмованныхъ устахъ:
 Вѣрный признакъ стихотворца.

Уплываютъ быстро годы:
 Семь столѣтій съ половиной
 Уплыло со дня рожденья
 Іегуды-бен-Халеви.

Увидалъ Господній свѣтъ
 Онъ въ Толедо, и въ Кастильѣ
 Убаюкивалъ ребенка
 Золотой волною Тахо.

О развитіи ребенка
 Озаботился родитель—
 И дитя благословилъ
 Вѣщей книжицею: «Θора».

Θору далъ онъ для того,
 Чтобы сынъ въ гіероглифахъ
 И въ красѣ письмёнъ квадратныхъ
 Понялъ весь халдейскій текстъ.

Міра нашего пленкамъ
 Письмена тѣ современны.
 И затѣмъ душамъ младенцевъ
 Такъ младенчески-доступны.

И почтенно ветхій текстъ
 Заучилъ на-память мальчиёвъ—
 На напѣвъ, не меньше ветхій,
 Называющійся «троппомъ».

И давился простодушно
 Онъ гортанными словами,
 Выводя усердно трели
 «Шальшелёеа», словно птица.

Также «таргумъ-анкелось»,
 Начертанный на еврейскомъ
 Искраженномъ просторѣчи,
 Что зовемъ мы арамейскимъ,

И что точно такъ похоже
 На святой глаголь пророковъ,
 Вотъ какъ швабское нарѣчье
 На прямой языкъ германцевъ—

И его способный мальчищъ
 Изучилъ до совершенства,
 И готовъ былъ приступить
 Къ изученію «талмуда».

Такъ и случилось: родитель
 Посвятилъ его, немедля,
 Въ тайны тайныя «талмуда»,
 И раскрылъ ему «халаху»,

Эту школу и арену
 Діалектики, гдѣ жарко
 Цвѣтъ атлетовъ *вавилонскихъ*
 Съ *пумтедицами* сразился.

Тутъ-то мальчищъ могъ извѣдать
 Словопренія искусство —
 И его онъ доказалъ
 Послѣ —книгою: «козари».

Но вѣдь небо льетъ на землю
 Два потока разныхъ свѣта:
 Свѣтъ полуденнаго солнца
 И свѣтъ мѣсяца... И такъ —

Точно такъ двойкою свѣтитъ
 И «талмудъ», подраздѣленный
 На «халаху» и «хагаду».
 Я ужъ первую назвалъ

Словопренія ареной,
 А другую назову
 Фантастически-роскошнымъ
 Вертоградомъ, несравненнымъ

На землѣ ни съ чѣмъ, помимо,
 Можетъ быть, осьмого чуда —
 Тѣхъ висячихъ вертоградовъ,
 Цвѣтниковъ Семирамиды.

Вавилонская царица,
 Какъ дошло до насъ преданье,
 Съ-юна вскормлена была
 Въ птичьемъ царствѣ и, привычки

Всѣ у птицъ перенимая,
 Не хотѣла, словно звѣри,
 По землѣ гулять, и вотъ —
 Садъ повѣсила на воздухъ.

Высоко, на колоссальныхъ
 Опираяся столпахъ,
 Поднялися кипарисы,
 Пальмы, нарды, померанцы.

Извалья, водомѣты —
 Всѣ на сводахъ на висячихъ,
 Перекинутыхъ, что вѣтки
 Колыбелями для птицъ —

И какихъ! большихъ, цвѣтистыхъ,
 Многодумныхъ, молчаливыхъ,
 Но внимательныхъ къ напѣву,
 Беззаботно льстивыхъ пташекъ.

Всѣ онѣ въ себя вдыхали
 Запахъ чистаго бальзама,
 Отрѣшеннаго отъ пыли
 И зловонія земли.

Да! «хагада» — садъ всячій
 И съ воздушною рѣшоткой
 Для дѣтей... И оттого-то
 Пылкій отрокъ *таммудистъ*,

Запыленный, окропленный
 Перебранкою «халахи»
 О *помбильномъ яйцѣ*,
 Въ шабашъ курницей снесенномъ,

Иль инымъ подобно жъ важнымъ
 Словопренесемъ, этотъ отрокъ
 Убѣгалъ, чтобъ освѣжиться,
 Подъ цвѣтную сѣнь «хагады»,

Гдѣ покоились преданья
 О безплотныхъ силахъ, сказки
 Про неслыханныя муки,
 Пѣсни-пѣсней, притчи-притчей,

Складъ гиперболей невозможныхъ...
 Но покоились подъ сѣнью
 Непреклонной вѣры... О!
 Таеъ ключомъ тогда и блии

Изъ-подъ отрочаго сердца
 Благодарною струею:
 Ощущенья, чувства, мысли
 Отъ болѣзненной тревоги

И отъ той волшебной дрожи
 Предъ душевной оной тайной,
 Предъ великой оной жертвой,
 Что *поэией* зовуть.

Да и самое искусство
 Стихотворства онъ осилилъ,
 И не только стихотворцемъ —
 Всенароднымъ сталъ поэтомъ.

Иегуда-бен-Халѣви —
 Яркій свѣточъ и звѣзда

Путеводная въ пустынь;
Путеводный столпъ огня

Для изгнанныхъ каравановъ...
Безъ пятна и безъ порока,
Пѣснь его лилась изъ сердца,
Изъ души, изъ той души,

Что Господь самодовольно
Сотворивъ, обლობызалъ
Во уста, и звукъ лобзанья
Отразился въ присныхъ пѣсняхъ —

Божьей милостью. И въ пѣсняхъ,
Какъ и въ жизни, Божья милость,
Вдохновившая пророка,
Благодатиѣ всего!

Кто подъ еровомъ благодати,
Тотъ не можетъ согрѣшить
Ни горѣ, ни даже долу,
Ни въ стихахъ своихъ, ни въ прозѣ.

Тотъ, кто избранъ, признается
Отъ народа геніальнымъ:
Онъ помазанникъ державный
Царства мысли безконечной.

Только Господу отчетъ
Отдаетъ онъ, не народу:
Какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни,
Сила казнить, но не судить.

2.

«На рѣкахъ на вавилонскихъ
Мы сидѣли, громко плача
Про повѣшанныхъ лютовъ
На вѣтвяхъ...» Ты знаешь пѣсню,

Знаешь ты напѣвъ старинный,
 Что въ началѣ элегично
 Такъ кляпоть, шипить, клокочетъ,
 Какъ котель на очагѣ?

Онъ во мнѣ тысячелѣтя
 Ужъ клокочетъ, и едва ли
 Мнѣ залижетъ раны время,
 Словно Юву пѣсъ вѣрный.

Вѣрный пѣсъ—спасибо! только
 Не залечишь ты мнѣ раны...
 Залечила бы ее
 Смерть, да я — увы! — безсмертенъ...

Годы йдутъ и уходятъ —
 И въ станкѣ снуеть челнокъ,
 Перекрещивая нити:
 Что за ткань—самъ ткачъ не знаетъ.

Годы йдутъ и уходятъ —
 Слѣзы капаютъ на землю,
 И земля въ себя впиваетъ
 Слезы тѣ съ нѣмою жаждой...

«Благо—благо человѣку,
 Кто десницей оторветъ
 Отъ груди твоей младенца
 И о камень разобьетъ!»

Слава Богу! не клокочетъ
 У меня въ груди... замолкло...
 Слава Богу!... Крышка снята:
 Испарился силинъ восточный...

Ржетъ крылатый конь мой снова
 Веселѣе, отряхнулся
 Отъ полночной грѣзы—словно
 Молвить умными очами:

«Что жь... въ Испанію назадъ
 Мы къ малюткѣ-талмудисту
 И къ поэту-великану
 Иегудѣ-бен-Халёви?»

Да! онъ выросъ великаномъ,
 Самодержцемъ царства грёзы:
 На челѣ — вѣнецъ духовный —
 Божьей милостью — пѣвецъ.

Словно пламя, псалмоцѣнья,
 Мадригалы и терцины,
 Канцонетты и газели
 Излилися изъ души...

Поцѣлованный отъ Бога,
 Сталъ онъ вѣщимъ трубадуромъ,
 Наравнѣ со всѣми съ ними,
 Лютне-борцами Прованса,

Шуту и Руссийбона,
 И Гюэнны, и всѣхъ рощей,
 Гдѣ росли и померанцы,
 И любовь, и палладины.

Померанцовыя рощи
 И любви, и палладиновъ!
 Какъ вы свѣжи, какъ пахучи,
 Въ полумракѣ воспоминанья!

Соловьино-звучный міръ,
 Гдѣ вездѣ, во имя Бога,
 Призывалася любовь,
 А расколь — жегъ жертвы музамъ,

Постриженныя макушки,
 Чѣтки, клиросъ, и вся служба —
 По-латыни... Да: міряне
 Были рыцарями... Гордо,

На коняхъ своихъ высокихъ
 Опершися, палладины
 Распѣвали стройно пѣсни
 Въ честь избранной *дамы* сердца.

Дамы нѣтъ—такъ нѣтъ и сердца:
 И для всѣхъ «пѣвцовъ про сердце»
Дамы были также нужны,
 Какъ для бутербродовъ—масло.

И герой, воспитанный мною,
 Иегуда-бен-Халевн —
 «Дамы сердца» не отринуть;
 Но была другого рода:

Ни Лаурой, что звѣздами
 Угасающихъ очей
 Даже въ пятницу страстную
 Зажигала весь конклавъ;

Ни владѣтельницей замка,
 Что, во всемъ своемъ цвѣту,
 Предсѣдала на турнирахъ
 И вѣчала храбрыхъ лавромъ;

Не была ни *казуисткой*,
 Не была ни *доктринеркой*,
 Съ полнымъ правомъ и дипломомъ
 На призваніе въ любви —

Нѣтъ!... Раввинъ любилъ другую
 Жизни грустную подругу —
 И любилъ онъ просто мѣстность,
 Подъ названіемъ: Шалимъ.

Даже съ самыхъ первыхъ дней
 Канулъ этотъ звукъ младенцу
 Въ колыбель, и лепеталъ онъ
 Безъ сознанія: «Шалимъ!»

Отрокъ, странника онъ слушалъ
 Съ разгорѣвшейся щекою
 Про дорогу—какъ вотъ прибылъ
 Тотъ въ Толедо изъ Шалима.

Странникъ жаловался очень,
 Что пустынно все и грязно
 Въ той землѣ, гдѣ яркій слѣдъ
 Подъ пятой прожгли пророки,

Гдѣ бальзамированъ будто
 Игòвы духомъ воздухъ...
 «О, ужасный видъ!» однажды
 Вскрикнулъ странникъ съ бородою,

Серебрèною до чреслъ,
 Но чернѣвшей по опушѣ,
 Словно ей опять пришлось
 Волей Бога обновиться...

Замѣчательный былъ странникъ:
 Очи стòрожно глядѣли
 Изъ-подъ впадинъ лба, какъ будто
 Изъ-подъ грудь тысячелѣтнихъ,

Развалившихся обломковъ...
 И промолвилъ онъ со вздохомъ:
 «Мой священный градъ—пустыня,
 Мой родной Шалимъ—обитель

«Гадовъ северныхъ, змѣй, шакаловъ,
 Птицъ ночныхъ, нетопырѣй,
 Совъ и оборотней. Смѣло
 Въ камняхъ прячется лисица.

«Тамъ и сямъ порой мелькаетъ
 Оборванецъ, рабъ пустыни,
 Чтобъ горбатуму верблюду
 Раздобыть клочокъ травы.

«На святыхъ высяхъ Сіона,
Гдѣ златой телець вздымался
И оспориваль собою
Славу мощнаго владыки,

«На высяхъ тѣхъ поросли
Быльемъ ветхіе обломки,
И глядятъ на насъ уныло
Такъ, что просто скажешь: плачуть.

«То есть, въ самомъ дѣлѣ, плачуть
Разъ въ году—а знать хотите —
Въ мѣсяцъ абъ, на день девятый:
Самъ, сквозь слезъ, я былъ свидѣтель—

Проступали крупнымъ потокомъ
Сквозь громады камней капли;
Самъ я слышалъ—кто-то стонеть:
«Мы—столпы былого храма».

Вотъ—такіе-то рассказы
И будили въ юномъ сердцѣ
Иегуды-бен-Халёви
Всю тоскливость по Шалимѣ...

Та жъ тоска свиданья, тѣ же
Все-погибельныя грёзы
Истопили въ замкѣ Блэ
Благороднаго видама,

Мессеръ Готфрида Руделло,
Въ тотъ трапезный мигъ, когда,
Возвратившись съ востока,
Клялись рыцари за кубкомъ:

«Безъ пятна и безъ укора—
Цвѣтъ и солнце нашихъ женщинъ,
Молодая Мелизанда,
Маркграфиня фонъ-Трипóлн!»

Всякій знаетъ, что видамъ
Громкой пѣсней прославилъ
Эту даму, что ему
Въ замкѣ Блэ пришлось жутко;

Что покинулъ онъ свой замокъ,
Поплылъ моремъ изъ Сеутты
И достигнулъ, полумертвый,
До побережя Триполи,

И взглянулъ на Мелизанду,
Въ жизни разъ, очами страсти,
Хоть ужъ ихъ и покрывала
Гробовымъ покровомъ смерть.

Пѣсню страсти допѣвая,
Умеръ онъ у милыхъ ногъ
Дамы сердца, Мелизанды,
Маркграфини фонъ-Триполи...

Удивительное сходство
Въ роковой судьбѣ пѣвцовъ!
Та и разниця, что первый
Раньше выбралъ путь тяжелый...

Иегуда-бен-Халёви
Также умеръ, припадая
Головой своей къ подножью
Вселюбезнаго Шалима.

3.

За погромъ при Арбеллахъ
Александръ Великій сразу
Взялъ у Дарія все царство:
Царскій дворъ, конюшни, жены.

И слоны, и всѣ «дарійцы»,
И золотой вѣнецъ и скипетръ —
Все вмѣстилося въ широкихъ
Македонскихъ шароварахъ.

Въ ставкѣ мощнаго монарха,
 Убѣжавшаго со страху —
 Не попасться бѣ самолично,
 Молодой герой нашель

Ларчикъ золота литого,
 Съ хитрой, тонкою рѣзбою,
 Весь оправленный въ каменьяхъ,
 И въ каменьяхъ многоцѣнныхъ.

Этотъ ларчикъ—драгоценность
 Самъ собой—служилъ монарху,
 Какъ хранилище любимыхъ,
 Заповѣданныхъ сокровищъ.

Что въ немъ было — Александръ
 Тотчасъ рѣздалъ полководцамъ,
 Улыбаяся, что люди
 Цѣнять камешки цвѣтные.

Впрочемъ самый лучшій камень
 Онъ родительницѣ выслалъ
 На запонъ; а прежде камень
 Былъ въ печатномъ перствѣ Кира.

Своему естествовѣду,
 Аристотелю сѣдому,
 Онъ послалъ огромный ониксъ
 Въ натуральный кабинетъ.

Были въ ларчикѣ и перлы:
 Удивительная нитка,
 Подаренная Атоссѣ
 Въ дни былые Лже-Смердисомъ.

Жемчугъ такъ ужъ былъ хорошъ,
 Что веселый побѣдитель
 Подарилъ его плясунѣ
 И коринтянкѣ—Таисѣ.

И въ вакхическія кѣсы
 Заплела плясунья жемчугъ
 Въ ту пожарную полуночь,
 Какъ продерзостно въ Персеполь,

Въ этотъ градъ первопрестольный,
 Свѣточъ бросила горящій,
 Чтобъ поѣшными огнями
 Пиръ побѣдный озарился.

А по смерти той Таисы,
 Отъ болѣзни вавилонской,
 Въ славномъ градѣ Вавилонѣ,
 Жемчугъ отданъ на расцѣнку

Въ городскомъ торговомъ зданьи.
 Приобрѣлъ его тогда
 Жрецъ Мемфиса, и въ Египтѣ,
 Позже, жемчугъ красовался

Передъ зеркаломъ уборнымъ
 У царицы Клеопатры,
 И Антоній лучший перль
 Этой нитки выпилъ въ кубкѣ,

Поднесенномъ Клеопатрой.
 При послѣднихъ Омайядахъ
 Нитка эта проползла
 Въ Андалузію, обвинвшись

Вкругъ чалмы халифа змѣйкой.
 Съ ней, какъ съ лентой, на турнирѣ
 Абдерамъ, по счету третій,
 Пронизалъ всѣ тридцать перстней,

Вмѣстѣ съ сердцемъ у Зюлеймы...
 Вмѣстѣ съ маврами, въ кулакъ
 Крѣпко сжали, да и сдали
 Все въ свою казну испанцы.

А потомъ былъ тотъ же жемчугъ
Королевамъ украшеньемъ
Во дворцѣ, въ ходахъ, и въ ложахъ
На бою быковъ, а также

На балконахъ, гдѣ онѣ
Прохлаждалсь председали
Auto-da-fe, обоня
Запахъ жжёнаго еврея.

Позже взялъ Мендицапѣль,
Чортовъ внукъ, всю эту нитку
Какъ залогъ, что *дефицита*
И разстройства нѣтъ въ *финансахъ*.

Позже—самая та нитка
Отливала въ Тюльери
Цѣлой радугой на шейкѣ
Баронессы Саломонъ.

Вотъ что съ жемчугомъ случилось.
Ну, а съ ларчикомъ, который
Александръ себѣ оставилъ,
Были также приключенья.

Въ этотъ ларчикъ заключилъ онъ
Амброзическія пѣсни
Своего пѣвца Гомера:
Каждой ночью, въ головахъ

У монаршескаго ложа,
Этотъ ларчикъ былъ присущимъ —
И оттуда вылетали
Рѣемъ образы и грѣзы.

Было время—были пѣсни..
Я и самъ любилъ, бывало,
Пѣснопѣнья про Пелидовъ
И героя «Одиссея».

Но тогда такъ золотисто,
 Такъ пурпурно было въ сердцѣ...
 На челѣ вѣнокъ изъ гроздій,
 А кругомъ гремѣли трубы...

Помолчимъ... Давно сломалась
 Ось побѣдной колесницы,
 И давно ея пантеры
 Околѣли... Да и жѣны,

Что кругомъ ея толпились,
 Съ пѣсней, съ пляской подъ кимвалы—
 Гдѣ онѣ?... И самъ я развѣ
 Не калѣка?... Помолчимъ —

Помолчимъ объ этомъ... Рѣчи
 Мы про *даріевскій* ларчикъ
 Повели... Я вѣтъ что думалъ:
 Будь онъ мой, и будь финансы

У меня не очень скудны,
 Я бѣ не очень поспѣшилъ
 Промѣнять его на деньги,
 А замкнулъ бы я въ него

Іегуды-бен-Халéви
 Вопли, жалобы и слезы,
 Все-торжественныя пѣсни,
 Путевныя впечатлѣнья

Во святыхъ мѣстахъ: всё это
 Привязалъ бы я *цобаромъ*,
 Самымъ лучшимъ и уставнымъ,
 На пергаментъ занести;

Эту рукопись бы спряталъ
 Въ золотой я ларчикъ; ночью бѣ
 У моей постели ставилъ
 Въ головахъ его на столпкѣ...

И когда бѣ друзья дивились
 Этимъ тонкимъ барельефамъ
 И каменьямъ драгоцѣннымъ,
 Въ ларчикъ врѣзаннымъ изящно,

Я бы имъ сказалъ, смѣясь:
 Скорлупа! ядро сокрыто
 Въ самомъ ларчикѣ: алмазы,
 Съ блескомъ радужнымъ небесъ,

И кровавые рубины,
 И безъ пятень бирюза,
 И жемчугъ, и изумруды,
 Всѣ, что нѣкогда Атосѣ

Подарѣно Лже-Смердисомъ,
 Все, что нѣкогда блистало
 И сияло подъ луною —
 У Таисы, Клеопатры,

У жрецовъ Изиды, мавровъ,
 У испанской королевы,
 Что потомъ обвило шею
 Баронессѣ Саломонъ —

Всѣ сокровища, и даже
 Пресловутые тѣ перлы,
 Всѣ не стоять слѣзъ перловыхъ
 Иегуды-бен-Халéви

И его перловой пѣсни,
 Что онъ выронилъ когда-то
 Крупно-слезнымъ жемчугомъ
 На развалины Шалима.

Въ этой пѣснѣ жемчугъ слезъ
 Золотою нитью рвены
 Снизанъ вмѣстѣ и подобранный
 Въ дорогое ожерелье.

И перловая та пѣсня
 И поднесь еще звучить
 Дробнымъ ливнемъ о намѣты
 Патриарха-Израэля —

Въ мѣсяцъ *авъ* и въ день девятый,
 Въ эту злую годовщину,
 Какъ сравняль Шалимъ съ землёю
 Кесарь Тить-Веспасіанъ.

Да! Сіона пѣснь святую
 Іегуда-бен-Халёви
 Воспѣвалъ намъ на обломкахъ
 Разорѣннаго Шалима.

Босоногій и прикрытый
 Ветхимъ рубищемъ, сидѣль онъ
 На расколотой колоннѣ
 И сидѣль на ней, доколѣ

Бородà до самыхъ чресель
 Не спустилась зимнимъ лѣсомъ,
 Сѣдиною отгѣняя
 Звѣзды—очи отъ чела

Мѣртво-блѣднаго... Сидѣль онъ,
 И изъ усть его лился
 Вдохновенные глаголы —
 Словно всталъ пророкъ изъ гроба..

Птицы хищныя развалинъ
 На псаломы тѣ слетались;
 Даже коршуны, почти что
 Сострада, имъ внимали...

Но однажды гналъ арабъ
 Степью, мимо пѣснопѣвца,
 И, какъ молніей, копьемъ
 Онъ сверкаль надъ головою.

Мимолетомъ грудь пѣвца
 Онъ пронзилъ копьемъ нещадно
 И умчался въ степь — мелькнувшей,
 Недогонно-быстрой тѣнью...

Кровь раввина тихо-тихо
 Полилася на песокъ;
 Но пѣвецъ, и умирая,
 Все шепталъ еще: «Шалмъ!»

Есть старинное преданье,
 Что наѣздникомъ-арабомъ
 Былъ никто иной, какъ ангелъ,
 Подъ личиной сарацина;

Что ниспосланъ былъ онъ, дабы,
 Разрѣшивъ любимцу Бога
 Узы плоти, успокоить
 Со блаженными его...

—

4.

Нѣтъ! супруга недовольна
 Предъидущею главою,
 И особенно смущаетъ
 Ларчикъ Дарія ее...

Говорить, почти съ упрекомъ,
 Мнѣ, что истый *благочерный*
 Несомнѣнно бы ужъ продалъ
 Этотъ ларчикъ, взялъ бы деньги —

И купилъ бы несомнѣнно
 Для своей подруги бѣдной
 И законной половины
 Кашемировую шаль.

Иегуда-бен-Халѣви,
 По ея словамъ, спокойно

И почётно пролежать
Могъ бы просто въ бонбопьеркѣ,

Иль въ коробочкѣ китайской,
Съ арабесками... пожалуй —
Хоть съ узорами *Маркиза*
Изъ «Пассажа Панорамы».

«Что мнѣ странно!» замѣчаетъ:
«Никогда я не слыхала,
Чтобы былъ поэтъ на свѣтѣ
Іегуда-бен-Халёви?»

«Милый другъ!» я ей отвѣтила:
«Простодушный твой вопросъ
Доказательство, что плохо
У французовъ воспитанье;

«Что въ Парижѣ пансіоны —
Не разсадникъ животворный
Матерей и жёнъ грядущихъ
Для свободнаго народа,

«А какія-то могилы,
Гдѣ какъ муміи изучаютъ
Фараоновъ, мервинговъ,
Парики, ужё безъ пудры,

«И китайскихъ властелиновъ,
Офарфоренныхъ уродцевъ —
Изучаютъ всё дѣвицы...
А спросите ихъ — о, небо!

«Вы спросите только ихъ
Про былое, золотое
Время истинныхъ поэтовъ,
Про израильскую шеолу,

«Или — трижды-досточтимыхъ:
Іегуду-бен-Халёви,

Соломона Габирóли,
Моисей Ибенъ-Эзру—

«Вотъ—при этихъ именахъ—
Я увѣренъ, что тревожно
Поглядятъ во всѣ глаза
На учителя дѣвицы...

«Я совѣтую тебѣ,
Милый другъ, займись немедля
И прилежно по-еврейски:
Брось театры и концерты,

«Посвяти немного лѣтъ
На науку, и—повѣрь мнѣ—
Ты поймешь въ оригиналѣ
Ибенъ-Эзру съ Габирóлемъ,

«И конечно ужъ Халéви—
Словомъ, весь триумвиратъ,
Натянувшій на псалтиряхъ
Струны вѣщія Давида.

«Альхаризи... Ты, пожалуй,
И объ этомъ не слыхала?...
А острякъ онъ былъ извѣстный
И Харира превзошелъ

«Остротою въ словопреньи,
Потому—былъ вольтерьянцемъ,
Хоть и жилъ столѣтій за шесть
До Вольтера... Альхаризи

«Говорятъ, что Габирóль
Остроумнѣйшій мыслитель;
Что писатель Ибенъ-Эзру—
Вдохновенный жрецъ искусства;

«Но искусство съ вѣщей мыслью
Съединить умѣлъ одинъ

Иегуда-бен-Халёви,
 Сей пѣвецъ любезный людямъ.»

.....

Вотъ разсказъ про Габирёля,
 Остроумнаго пѣвца
 Соловья нетлѣнной розы,
 Называющейся: *Вѣчность*.

.....

Тридцать вѣсенъ расцвѣтали
 Для пѣвца: о немъ повсюду,
 По чужимъ землямъ и странамъ,
 Протрубила громко слава...

Жилъ въ Кордовѣ Габирёль,
 По сосѣдству съ нѣкимъ мавромъ,
 Какъ и онъ же, стихотворцемъ,
 Но завистникомъ талантовъ.

Только пѣсня Габирёля
 Зазвучитъ, бывало—жёлчью
 Обольется сердце мавра,
 И сладчайшіе изъ звуковъ

Для него полни горчице..
 Наконецъ, онъ Габирёля
 Заманилъ къ себѣ, убилъ
 И зарылъ въ саду, за домомъ.

Но, негаданно-нежданно,
 Вдругъ смоковница пробилась,
 Сквозь кору земли, надъ трупомъ,
 И смоковница на двою!

Смоквы были странной формы
 И съ особымъ ароматомъ:

Кто вкушалъ ихъ, тотъ невольно
Погружался въ сонъ и грёзы.

О смоковницѣ въ народѣ
Слухи чудные ходили
И достигли до ушей
Правовѣрнаго халифа.

Раскусивши самолично
Обаятельныя смоквы,
Тотчасъ слѣдствіе надъ ними
Повелѣлъ халифъ назначить.

Приступили къ дѣлу: сразу
Отсчитали по пятамъ
Злополучнѣйшаго мавра
Шестьдесятъ ударовъ палкой.

Разумѣется—признался...
А смоковницу тогда же
Съ корнемъ выкопали вонъ
И до трупа докопались...

Трупъ былъ принятъ и оплаканъ
Всѣмъ собратствомъ іудейскимъ;
Въ тотъ же самый день, въ Кордовѣ,
Мавръ-завистникъ былъ повѣшенъ...

1862.

РЫНОКЪ ФЕЙ.

НѢМЕЦКАЯ ЛЕГЕНДА.

I.

Повѣрьте, что въ наше корыстное время,
 И въ нашъ положительный вѣкъ,
 Красавицы-фей промышленность цѣнять
 Не менѣе, чѣмъ человѣкъ.

Повѣрьте, что имъ ужъ давно надоѣло
 Малютокъ-принцессокъ крестить
 И въ тыквенныхъ чудныхъ своихъ колесницахъ
 По воздуху ночью парить,

И даромъ на всѣхъ перекресткахъ кружиться,
 Волшебный вода хороводъ...
 Нѣтъ!... феи разсѣтливѣй стали торговокъ,
 И рынокъ заводятъ разъ въ годъ.

И мѣстность такую онѣ выбираютъ:
 Должна непременно она
 Быть дикой скалою, съ обрушеннымъ замкомъ,
 И тайныхъ преданій полна.

Имъ любо, гдѣ камни навáлены грудой
 Подъ плѣсенью сѣрой и мхомъ,
 И сфинсомъ лежать передъ мудрыми вѣва
 И словно смѣются тайкомъ

Надъ тщетнымъ усильемъ пытливей науки —
 Загадку вѣбовъ разгадать...
 А феи и знаютъ, да что имъ за дѣло?...
 Онѣ собрались торговать.

И честь имъ и слава! Онѣ выставляютъ
 На плѣсень, на мохъ и траву

Такие товары, что,—если взглянешь,—
Подумаешь: сонъ на яву!

Купи: вотъ и шапка тебѣ невидимка,
А шапки не хочешь, такъ вотъ
Готова и скатерть тебѣ самобранка,
Готовъ и ковѣрь-самолетъ.

А ежели нужно кому талисманы
На чёрную нѣмочь и глазъ,
Иль нуженъ кому корешокъ приворотный,
Такъ вотъ и они на показъ.

А рядомъ лежатъ самоцвѣтные камни —
Алмазы, рубины, жемчугъ,
Безцѣнные ткани, уборы и платья, —
Работа воздушныхъ ихъ рукъ.

Разлѣжатъ товары заботливо феи,
Подъ мѣсячнымъ яснымъ лучомъ,
И путницъ на рынокъ къ себѣ зазываютъ
Пѣвучимъ своимъ голоскомъ.

Напрасно онѣ зазываютъ, напрасно
Прохожихъ манить ихъ привѣтъ:
Прохожіе съ ужасомъ рынокъ обходятъ —
И всё покупательницъ нѣтъ.

II.

Однажды, по близости этого рынка,
Идётъ Маргарета домой,
Идётъ она степью, и свѣжаго сѣна
Не чуётъ она подъ ногой.

Ночь лѣтняя; мѣсяцъ въ поднёбесьѣ таетъ,
Звенять переборы ручья,
И словно серебряный мѣсяцъ встрѣчаетъ
Гремучая пѣснь соловья.

Но Гретхенъ природы красоту не видала,
 Понуро несла кузовокъ:
 Сегодня впервые, за мать—за старуху,
 Снесла она въ замокъ оброкъ.

Бывало, она возвращалась съ работы,
 Какъ птичка, нарядна, легка,
 И пѣла, какъ вольная птичка, а нынче
 Сдавила ей сердце тоска:

Завидны ей стали, когда дожидалась
 Въ передней она межъ ливрей,
 И эти роскошныя длинныя залы,
 Какія не снилися ей,

И эти паркеты, обои, гардины,
 И группы статуй по угламъ,
 И эти картины, и гдѣ-то, далѣко,
 Наряды блестящія дамъ...

И думаетъ Гретхенъ: «Какое сравненье
 Съ лачужкой убогой моей!
 Кирпичныя стѣны да узкія окна...
 И тѣхъ не видать межъ вѣтвей...»

А въ праздникъ нарядишься—хуже послѣдней
 Служавки изъ замка...» И вотъ
 Ей слышится, будто её потихоньку
 Таинственный голосъ зоветъ:

— «Постой, Маргарета! постой, Маргарета!
 Готовы помочь тебѣ мы...»
 Она оглянулась: изъ ветхихъ развалинъ,
 Изъ ихъ неразгаданной тьмы,

Возникли видѣнія роемъ волшебнымъ,
 И Гретхенъ узнала въ нихъ фей—
 По поступи легкой, по бѣлымъ одеждамъ,
 По крыльямъ изъ яркихъ лучей.

Толпой обступили онѣ поселянку
И въ рынокъ къ себѣ увлекли,
И стали показывать дивныя—дива,
Сокровища цѣлой земли:

— «Смотри, Маргарета! Возьми, Маргарета!
Купи, если хочешь?...» — «Хочу,
Всѣмъ сердцемъ хочу, благородныя дамы!...
Да чѣмъ же я вамъ заплачу?...»

— «Какая смѣшная! На нашемъ товарѣ
Особый наложенъ зарокъ:
Купи, что желаешь, а мы съ тебя просимъ
За каждую вещь—волосокъ...»

— «Шутить вы изволите вѣрно со мною?...»
Но феи поклялись, что—нѣтъ.
«Одинъ волосокъ мой», — подумала Гретхенъ,
За каждый безцѣнный предметъ...

Одинъ волосокъ мой!... Да эдакъ барона
Я буду богаче!... Какъ знать?
Богаче, быть можетъ, эрцгерцога... принца?...
— «Извольте! хочу покупать!»

И феи вокругъ нее роємъ слетѣлись,
Какъ пчелы на вешній цвѣтокъ,
И Гретхенъ за волосомъ дѣргаетъ волосъ,
И сталь тяжелѣть кузовокъ...

А феи нарядъ съ нея сельскій ужъ сняли
И сдѣрнули чепчикъ съ косы:
Воздушнымъ покровомъ онѣ обвиваютъ
Ея молодныя красы.

И зеркало ставятъ онѣ передъ нею,
Несутъ за нарядомъ нарядъ,
И что за волшебныя эти наряды!
На каждомъ туманится взглядъ...

То шарфъ бѣлоснѣжный прійдется по плéчамъ,
 То серьги—по алой щекѣ...
 И Гретхенъ за волосомъ дѣргаетъ волосъ,
 И мѣста ужъ нѣтъ въ кузовѣ.

А ночь на исходѣ. «Ну, думаетъ Гретхенъ:
 Теперь буду брать я ужъ зря,
 А то вѣдь онѣ закрываютъ свой рынокъ,
 Едва замерцаютъ зоря.

Побольше бы запонокъ, кóлецъ, булавокъ,
 Да вотъ изумрудный уборъ...»
 И Гретхенъ рвѣтъ волосы цѣлою горстью,
 И шире, все шире проборъ.

«Ещё бѣ ожерелье кровавыхъ рубиновъ,
 Да эту перловую нить,
 Да этотъ карбункулъ, да гребень алмазный...
 Ещё бы чего не забыть?...

Ахъ, да! Кошелёкъ съ золотыми забыла:
 Ещё волосокъ...» Но увы!
 Послѣдній свой волосъ за гребень алмазный
 Она отдала съ головы.

— «Не можетъ быть!» крикнула въ ужасѣ Гретхенъ;
 Но ярко востокъ заалѣлъ—
 Съ насмѣшливымъ хохотомъ фенъ исчезли,
 И рынокъ ихъ вмгъ опустѣлъ.

И солнце блеснуло... Глядитъ Маргарета:
 Кругомъ нея—камни, пески;
 Сама—безъ волосъ она,—въ жалкихъ лохмотьяхъ,
 И въ кузовѣ—все черепки.

Безъ мысли, безъ чувства, не слыша, не видя,
 Куда-то она побрела
 Въ безпамятствѣ дикомъ, и только очнулась
 У церкви приходской села.

Надъ нею мальчишки кругомъ хохотали,
 Кидали ей грлзи комки,
 И, важно сѣдой головою качая,
 Твердили ей вслѣдъ стариви:

«Вотъ—Божью красу продала за наряды—
 Себѣ жъ въ поруганье и смѣхъ!
 Ну, что жъ? Подѣломъ ей—сама виновата:
 Богатству завидовать грѣхъ!»

Полна нестерпимой, отчаянной муки,
 Стыда и досады полна,
 Заплакала горько несчастная Гретхенъ,
 И вдругъ—пробудилась отъ сна...

Глядитъ: на разбросанномъ снѣгъ заснула;
 У ней въ головахъ кузовокъ;
 Надъ нею лазурное тихое небо;
 Въ ногахъ чуть журчитъ ручеёкъ,

И въ немъ, словно въ зеркалѣ, смотрится ива,
 Росу отряхая съ кудрей..
 Какъ птица пугливо она встрепенулась
 И глянула также въ ручей.

И что же? Не вѣрить глазамъ Маргарета:
 Она, какъ и прежде, все та жъ:
 Всѣ тѣ же на ней—полосатая юбка
 И бархатный черный корсажъ;

Все та же, подъ чепчикомъ бѣлымъ, густая,
 Что снопъ золотистый, коса..
 Опять она—скромная, милая Гретхенъ,
 Родного селенья краса...

Въ слезинкахъ глаза—что въ росинкахъ фіялки,
 Румянецъ пылаетъ со щекъ..
 И бережно въ косу она заправляетъ
 Скользнувшій по лбу волосокъ.

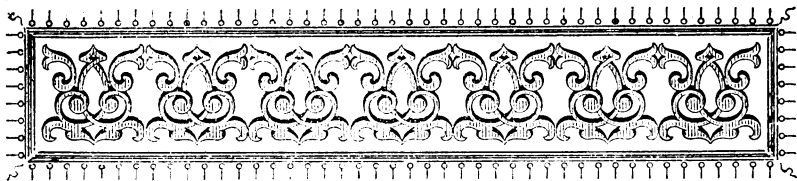
4 ноября 1861.

СЪ ФРАНЦУЗСКОТО.

Ш Е Н Ь Е.

—
АМИМОНА.
—

Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, пѣвучая волна!
Ты принесешь ко мнѣ младую Амимону:
На легкомъ челнокѣ плыветь ко мнѣ она,
Ввѣряясь твоему измѣнчивому лону,
И вѣтерокъ надъ ней покровъ дѣвичій вьетъ...
Не такъ ли нѣкогда, въ объятія бога водъ,
Подъ неусыпною охраной Гименея,
Фетида мчалася къ побережямъ Пенея,
Держася за бразды и трепетно скользя
По влажному хребту проворнаго дельфина?...
Но если бы тебя, красавица моя,
Пріяла невзначай кристальная пучина,
Повѣрь — твоя краса и твой невинный видъ
Внезапнымъ ужасомъ подводныхъ дѣвъ смутили
И врядъ ли бы тебѣ на помощь поспѣшили
Чернокудрявыя станицы nereидъ!...
Опида, Кимадось и бѣлая Нерея
Глядѣли бѣ на тебя, отъ зависти краснѣя,
Досадуя, что взоръ пытливый ихъ не могъ

Открыть въ твоёмъ лицѣ какой нибудь порокъ,
И каждая изъ нихъ любимаго ей бога
Поспѣшно бѣ увлекла изъ воднаго чертога,
Подальше отъ тебя, подѣ сѣнь прибрежныхъ скалъ,
Гдѣ въ гроты темныя слетается коралль,
И тамъ бы слышалъ богъ ревнивыя укоры,
За то, что на тебѣ остановилъ онъ взоры.

1855.

Б Е Р А Н Ж Е .

—

I.

ГРУШЕНЬКА.

—

Вы, друзья, моей красоты
Не встрѣчали ли порой?
Въ цѣломъ нашемъ околоткѣ
Нѣтъ красавицы такой;
Но у Грушеньки-игруньи,
Этой дѣвочки-шалуньи,
Только юбка за душой.

Раза два она блистала,
Въ деньгахъ двѣ раза была,
Да потомъ все промотала,
Все съ друзьями прожила:
Эта Грушенька-игрунья,
Эта дѣвочка-шалунья,
Только юбку сберегла.

Что всѣ дамы передъ нею!
Я зимою былъ у ней:
Холодъ страшный... цѣпенѣю...
Что жъ? — накрыла — ей-же-ей! —
Эта Грушенька-игрунья,
Эта дѣвочка-шалунья,
Друга юбкою своей!

А теперь... Но я не вѣрю:
Неужели отдала

Все невѣждѣ?... фату, звѣрю
 Все на жертву принесла.
 Эта Грушенька-игрунья,
 Эта дѣвочка-шалунья,
 Даже юбку продала!

А ветха — ветха сорочка
 У тебя, моя душа!
 Грудь сквозитъ изъ-подъ платочка,
 Всю холстину колыша...
 Эта Грушенька-игрунья,
 Эта дѣвочка-шалунья,
 Такъ, безъ юбки, хороша!

Будетъ время, обожатель
 Груню въ золото зальетъ,
 А какой-нибудь пріятель
 Груню снова оберетъ.
 Эта Грушенька-игрунья,
 Эта дѣвочка-шалунья,
 Такъ, безъ юбки, и умретъ.

31 января 1858.

II.

ДВѢ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

У стопъ Аллы, въ предсѣньи рая,
 Сошлась отшельница младая
 Съ альмэ, плясуней площадной,
 Гаремовъ жрицею нѣмой:
 Онѣ къ пресвѣтлой райской двери
 Предстали, кончивъ дни свои,
 Одна на легкихъ крыльяхъ пери,
 Другая на крылахъ любви.

Изъ усть привратника-имама
 Слова обычныя *селяма*
 Онѣ прослушали... Потомъ,
 Склонясь нахмуреннымъ челомъ:
 «Всякъ человѣкъ корану слѣдуй!»
 Сказалъ имамъ: «иль будь во тьмѣ,
 Иль жизнь пророку исповѣдуй!»
 И улыбнулся онъ альмэ.

«Въ дворцахъ и въ хижинахъ», сказала
 Отшельница: «я проливала
 На раны страждущихъ людей
 Медъ и цѣлительный елей.»
 — Я всё серали покорила,
 Альмэ сказала старику:
 — Но часто-часто подносила
 Шербетъ султана бѣдняку. —

«Имамъ!» отшельница гласила:
 «Я поучала, что *могила* —
 Всѣмъ пристань на земномъ пути,
 Что должно къ ней одной идти!»
 — Имамъ! ты вѣдалъ сладострастье?
 Альмэ спросила. — Можетъ быть,
 Со мною вѣрили и въ счастье:
 Я заставляла *жизнь* любить. —

«Я именемъ Аллы просила
 Для нищихъ братій», говорила
 Раба пророка: «и Творца
 Благословляли ихъ сердца.»
 — А я — пророкъ мнѣ будь свидѣтель —
 Альмэ сказала: — я порой
 Спасала честь и добродѣтель
 Моею ласкою одной. —

«Войди, войди, чета младан!»
 Имъ отвѣчалъ придверникъ рая.
 «Обѣихъ васъ любовь вела —

И васъ зоветъ къ себѣ Алла,
 Всегда того принять готовый,
 Кто осушилъ хоть каплю слезъ —
 Носилъ ли онъ вѣнокъ терновый,
 Носилъ ли онъ вѣнокъ изъ розъ.

1 февраля 1858.

III.

ЖАКЪ.

«Жакъ, я должна разбудить тебя силой:
 Въ нашемъ селеніи точно пожаръ —
 Приставъ пріѣхалъ и самъ комиссаръ...
 За недоимкой... Бѣда намъ, мой милой!
 Встань же, Жакъ, встань же скорѣй, не дремля:
 Будетъ сейчасъ комиссаръ короля!

«Видишь: и солнце проснулося даже —
 Встань же... Сонливымъ ты нѣ былъ пока...
 Прежде зари у Ремі старика
 Все обобрали *они* для продажи.
 Встань же, Жакъ, встань же скорѣй, не дремля:
 Будетъ сейчасъ комиссаръ короля!

«Гроша нѣтъ... Господи, словно стучатся?...
 Чу!... и собаки ужъ начали выть.
 Только на мѣсяцъ проси отложить.
 Ахъ, если могъ бы король дожидаться!
 Встань же, Жакъ, встань же скорѣй, не дремля:
 Будетъ сейчасъ комиссаръ короля!

«Бѣдные люди мы! Какъ имъ не жалко
 Насъ безпощаднымъ налогомъ тѣснить?
 Въ силахъ ли дѣда п дѣтокъ кормить
 Только твой заступъ да женщины прялка?
 Встань же, Жакъ, встань же скорѣй, не дремля:
 Будетъ сейчасъ комиссаръ короля!

«Вмѣстѣ съ лачужкой, у откупа взято
 Полдесятины — безбожной цѣной;
 Пѣтомъ удобрено, горькой слезой:
 Что уродилося — рѣстомъ пожато...
 Встань же, Жакъ, встань же скорѣй, не дремля:
 Будеть сейчасъ комиссаръ короля!

«Трудъ тебѣ вѣчный — нѣтъ отдыха, пахарь!
 Мясa куска не видать намъ, повѣрь...
 Какъ прокормиться-то тяжело теперь!
 Даже и соль вздорожала — нашъ сахаръ...
 Встань же, Жакъ, встань же скорѣй, не дремля:
 Будеть сейчасъ комиссаръ короля!

«Чѣмъ поддержать тебя, другъ мой страдальный?
 Развѣ-что нѣсколько капель вина...
 Но... гдѣ же взять?... вѣдь, такая цѣна!...
 На вотъ, продай же мой перстень вѣнчалъный...
 Встань же, Жакъ, встань же скорѣй, не дремля:
 Будеть сейчасъ комиссаръ короля!

«Можетъ быть, ангель тебѣ миротворно
 Въ снѣ и богатство судить, и покой?
 Что для богатыхъ налогъ трудовой?
 Въ житницѣ крысамъ ненужныя зѣрна.
 Встань же, Жакъ, встань же скорѣй, не дремля:
 Будеть сейчасъ комиссаръ короля!

«Боже мой! входитъ онъ... Въ пропасть упала бы!...
 Жакъ, ты молчишь — ты блѣдѣй полотна!
 Ты вчера молвилъ мнѣ: «плохо, жена!»
 Ты, отъ кого не слыхала я жалобъ...
 Встань же, Жакъ, встань же скорѣй, не дремля:
 Будеть сейчасъ комиссаръ короля!»

Нѣтъ ей отвѣта: въ устахъ его блѣдныхъ
 Замерло слово любви навсегда...
 Смерть усыпляетъ всѣ муки труда...

Добрые люди, молитесь за бѣдныхъ!
 Встань же, Жакъ, встань же скорѣй, не дремя:
 Вотъ господинъ комиссаръ короля!

13 февраля 1858.

IV.

ВЪ ДЕНЬ ИМЯНИНЪ МОЕГО ДОКТОРА.

Поднимаемъ мы кверху стаканы
 За здоровье врача своего,
 Да боимся: больные тираны
 У друзей не отняли бѣ его.
 У господъ этихъ вѣчно замашка —
 Разнемочься некстати, съ-плеча...
 Господа, вамъ — ромашка, ромашка...
 Дайте выпить друзьямъ за врача!

Вѣдь могли подождать бы больные,
 А не ждуть: отовсюду гонцы...
 Вонъ — безумцы зовуть молодые,
 Клеверина сына жрецы.
 Легковѣрные, васъ обманули:
 Вы въ Эротѣ нашли палача!
 Господа, принимайте пилюли...
 Дайте выпить друзьямъ за врача!

Вонъ — сосѣдъ его требуетъ къ сроку,
 У одной изъ его дочерей
 Пухнуть начало съ лѣваго боку,
 И — что день — то сильнѣй и сильнѣй...
 Испугалась семья не на шутку;
 Рветъ и мечетъ старикъ сгоряча...
 Потерпите, о дѣва, минутку:
 Дайте выпить друзьямъ за врача!

Пусть весной его жизнь процвѣтаетъ,
 Пусть, избѣгнувъ житейскихъ мытарствъ,
 И не вѣдаетъ онъ, и не знаетъ
 Ни рецептовъ своихъ, ни лекарствъ!
 Вкругъ него — всѣ друзья молодые...
 И бесѣда ихъ такъ горяча...
 Умирайте ужъ, что ли, больные:
 Дайте выпить друзьямъ за врача!

12 апрѣля 1858.

V.

МОЙ ЧЕЛНОКЪ.

Каждый день, по волѣ рока,
 Я плыву; мой путь широкъ;
 И послушно мой челнокъ
 По струямъ скользить потока;
 Дунеть въ парусъ вѣтерокъ —
 Я отъ берега далѣко...
 Ты лети-лети, челнокъ!
 Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
 Пристань съ щемъ мы, челнокъ!

Мнѣ попутчицей — царица
 Тихихъ пѣсень; по рѣкѣ
 Мы плывемъ съ ней налегкѣ,
 И звучитъ ея цѣвница,
 И поетъ мнѣ въ челнокѣ
 Пѣсни дѣва-баловница...
 Ты лети-лети, челнокъ!
 Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
 Пристань съ щемъ мы, челнокъ!

Если пасть случится грому
 На одномъ изъ береговъ,

И — отъ хижинъ до дворцовъ —
 Все трепещеть по пустому, —
 Мой обычай не таковъ:
 Мчусь я къ берегу другому...
 Ты лети-лети, челнокъ!
 Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
 Пристань същемъ мы, челнокъ!

Если жъ мирно и счастливо
 Небеса вдали блестятъ,
 Дозрѣваетъ виноградъ
 И давно нетерпѣливо
 Ждутъ его — уста и взглядъ,
 Я — туда... и живо-живо
 Ты лети-лети, челнокъ!
 Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
 Пристань същемъ мы, челнокъ!

Въ край давно знакомый что-то
 Въ свой черёдъ меня манить.
 Тамъ волшебный рой харитъ
 Славить нѣжнаго Эроса.
 Боги! вотъ одна лежитъ
 Подъ зелёной сѣнью грота...
 Ты лети-лети, челнокъ!
 Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
 Пристань същемъ мы, челнокъ!

Но на скалахъ взоръ примѣтить
 Лавръ надменный — убѣгу
 Я къ родному очагу:
 Мнѣ звѣзда моя посвѣтитъ,
 И пловца на берегу
 Дружба съ радостію встрѣтитъ...
 Ты лети-лети, челнокъ!
 Дуй мнѣ въ парусъ, вѣтерокъ!
 Мы у пристани, челнокъ!

4 іюня 1858.

VI.

ДОМОВЫЕ МОНЛЕРИ.

Я однажды, до зари,
 Шель пѣшкомъ ночной порою,
 И застигнуть былъ грозою
 Возлѣ башни Монлери.
 Сталь я нѣтъ, но страшно стало:
 Кто-то вдругъ захохоталъ,
 Чей-то голосъ прозвучалъ:
 «Наше царство миновало!»

Посреди тѣней ночныхъ
 Замелькали чьи-то лики,
 И слышались крики
 Вереницы домовыхъ.
 Вотъ — труба загрохотала;
 Шумный шабашъ начался;
 Прежній голосъ раздался:
 «Наше царство миновало!»

«Да! ужъ праздника намъ нѣтъ!
 Улетимъ скорѣй: побѣдно,
 Изъ обители наслѣдной,
 Гонить разумъ насъ на свѣтъ.
 Волшебства у насъ не стало:
 Чудеса творимъ не мы —
 Эти гордые умы...
 Наше царство миновало.»

«Дали эллинскимъ богамъ
 Мы божественность и храмы,
 Вѣчность, юность, омиамы
 И цвѣты по алтарямъ.
 Сколько въ Галліи бывало
 Въ честь намъ крови пролито:
 Нынче мы—въ селѣ ничто...
 Наше царство миновало.»

«Мы къ стопамъ прелестныхъ фей —
 Паладины, менестрели —
 Преклонять не разъ умѣли
 И вельможъ, и королей...
 Чародѣйство покоряло
 Намъ подъ небомъ все и всѣхъ.
 Чародѣйство нынче — смѣхъ...
 Наше царство миновало.

«Разумъ смогъ заклять и насъ:
 Улетимъ же безъ возврата...»
 Голосъ смолкъ... и, тьмой объята,
 Башня рухнула въ тотъ часъ.
 И духовъ уже не стало:
 Вдаль ихъ крылья унесли,
 Только слышалось вдали:
 «Наше царство миновало!»

5 іюня 1858.

VII.

ПЯТЬ ЭТАЖЕЙ.

Въ душевной дворницкой, въ мракъ подвала,
 Родилась я дѣвчонкой простой;
 Лѣтъ пятнадцать — лакеи квартала
 Всей гурьбой увивались за мной.
 Вскорѣ я молодому вельможѣ
 Показалась очень мила:
 Эта честь обошлася мнѣ въ то же...
 И я въ первый этажъ перешла.

Тамъ, въ роскошныхъ покояхъ, и руки,
 И лицо мое стали бѣлѣй.
 Упоительны золота звуки...
 Не видала я будничныхъ дней!
 Но страстей изнурительна сила:

Умеръ онъ. Что я слезъ пролила!
 Да печаль красоту пощадил...
 Во второй я этажъ перешла.

Тамъ я герцога-пера поймала —
 Внукъ его былъ красивый такой...
 За *огонь* они дали не мало:
 Первый — *пепель*, а *пламя* другой.
 Я къ танцору душой привязалась:
 Удалилась *знать* — не снесла;
 Но мнѣ зеркало все улыбалось —
 И я въ третій этажъ перешла.

Тамъ, слывя баронессой, я съ жиромъ
 Ощипала всѣ перья почти
 Англичанину, двумъ-тремъ банкирамъ
 И аббату — Господь мнѣ прости!
 Но я замужъ пойти захотѣла
 За плутá одного: онъ до тла
 Обокралъ меня... я посядѣла —
 И въ четвертый этажъ перешла.

А въ четвертомъ — иная работа:
 Мнѣ племянницъ пришлось пригласить...
 Мы кутимъ и одна намъ забота —
 Коммиссаровъ побольше дразнить.
 Налету я свой хлѣбъ добывала,
 И хозяйство и счета веда,
 Да стара и чудовищна стала —
 И на пятый этажъ перешла.

И теперъ я служанка съ метлою,
 И приютомъ мнѣ пыльный чердакъ;
 Одинока; огня нѣтъ зимою...
 И не вѣрять сосѣди никакъ —
 Чѣмъ была я на жизненномъ рынкѣ;
 Но отъ жизни бывалой моей
 Я теперъ еще вижу соринки,
 Подметая всѣ пять этажей.

7 іюня 1858.

VIII.

АННЕТОЧКА-АННЕТКА.

Эхъ, жеманницы-кокетки,
Обезьяны знатныхъ дамъ!
Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
До Аннеточки-Аннетки!

Молода, свѣжа, бѣла;
Взглядъ—кипучая смола;
Грудь, плечá и станъ—на диво,
Гибче воску самого.
Пусть ихъ шепчуть тамъ ревниво:
«Непристойно, некрасиво!»
Какъ кому, мнѣ—ничего!

Эхъ, жеманницы-кокетки,
Обезьяны знатныхъ дамъ!
Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
До Аннеточки-Аннетки!

Какъ игрива, какъ рѣзва!
Для нея—все трынъ-трава:
Рада день-деньской надъ вздоромъ
Хохотать до слезъ она...
«Какъ глупа-то!» шепчуть хоромъ.
Нѣтъ! коль дѣло ужъ за споромъ,
Такъ Аннеточка умна.

Эхъ, жеманницы-кокетки,
Обезьяны знатныхъ дамъ!
Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
До Аннеточки-Аннетки!

Какъ, бывало, за столомъ
Мы засядемъ съ ней вдвоемъ —
Расщебечется, что птица,

Шутки горстью сыпетъ мнѣ,
 Вся пылаетъ, какъ зарница...
 А какая вѣдь пѣвица
 И какъ знаетъ толькѣ въ винѣ!

Эхъ, жеманницы-кокетки,
 Обезьяны знатныхъ дамъ!
 Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
 До Аннеточки-Аннетки!

Модной роскоши затѣй
 И въ заводѣ нѣтъ у ней:
 Не блестять ея уборы;
 Но кисейка да миткаль,
 Право, больше манять взоры,
 Чѣмъ весь шолкъ и всѣ узоры...
 И сомнешь ихъ, такъ не жаль!

Эхъ, жеманницы-кокетки,
 Обезьяны знатныхъ дамъ!
 Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
 До Аннеточки-Аннетки!

Съ нею — всѣ заботы прочь;
 Съ ней пляши и пой всю ночь...
 А напѣлась, наплисалась —
 На зарѣ ложится спать...
 Да ужъ какъ же и металась!
 Только-только не ломалась
 Колченогая кровать.

Эхъ, жеманницы-кокетки,
 Обезьяны знатныхъ дамъ!
 Кой въ васъ прахъ? Далеко вамъ
 До Аннеточки-Аннетки?

10 июня 1858.

IX.

СГЛАЗИЛИ.

Ахъ, маменька, спасите! Спазмы—спазмы!
 Такія спазмы—мочи нѣтъ терпѣть...
 Подъ ложечкой... Раздѣть меня, раздѣть!
 За докторомъ!... пивокъ! катаплазмы!...
 Вы знаете—я честью дорожу,
 Но... больно такъ, что лучше бъ не родиться!...
 И какъ это могло со мной случиться?
 Рѣшительно—ума не приложу.

Вѣдь и больна я не была ни разу—
 Напротивъ: все полнѣла день отъ дня...
 Ну, знать—со зла, и сглазили меня,
 А уберечься отъ дурного глазу
 Нельзя—и вотъ—я пластомъ-пласть лежу...
 Охъ! скоро ль докторъ?... лучше бъ не родиться!...
 И какъ это могло со мной случиться?
 Рѣшительно — ума не приложу.

Конечно, я всегда была безпечной,
 Чувствительной... спалось крѣпко мнѣ...
 Ужъ кто вѣдудь не сглазилъ ли во снѣ?
 Да кто же? Не баронъ же мой увѣчной!
 Фи! на него давно я не гляжу...
 Охъ, какъ мнѣ больно! лучше бъ не родиться!...
 И какъ это могло со мной случиться?
 Рѣшительно — ума не приложу.

Быть можетъ, что... Разъ, вечеромъ, гусара
 Я встрѣтила, какъ по грязи брела —
 И только переулокъ перешла...
 Да сглазить ли гусарскихъ глазовъ пара?
 Наврядъ: давно я по грязи брожу!...
 Охъ, какъ мнѣ больно! лучше бъ не родиться!...
 И какъ это могло со мной случиться?
 Рѣшительно — ума не приложу.

Мой итальянецъ?... Нѣтъ! онъ непорочно
 Глядеть — и вкусъ его совсѣмъ иной...
 Я за него ручаюсь головой:
 Коль сглазилъ онъ, такъ развѣ ненарочно...
 А обманулъ — сама не пощажу!
 Охъ, какъ мнѣ больно! лучше бъ не родиться!...
 И какъ это могло со мной случиться?
 Рѣшительно — ума не приложу.

Ну — вотъ! веди себя умно и тонко,
 И береги дѣвичьи честь, почѣты!
 Мнѣ одного теперь недостаетъ,
 Чтобъ кто-нибудь подкинулъ мнѣ ребенка...
 И вѣдь подкинуть, я вамъ доложу...
 Да гдѣ же докторъ?... лучше бъ не родиться!...
 И какъ это могло со мной случиться?
 Рѣшительно — ума не приложу.

22 іюня 1858.

Х.

ФОРТУНА.

Стукъ-стукъ-стукъ! Моя брюнетка?
 Двери настезь поскорѣй!
 Нѣтъ, Фортуна непосѣдка:
 Эту — дальше отъ дверей!

Вкругъ стола, полуодѣты,
 За стаканами съ виномъ,
 Поджидаемъ мы Лизеты,
 А Фортуны не зовемъ.

Стукъ-стукъ-стукъ! Моя брюнетка?
 Двери настезь поскорѣй!
 Нѣтъ, Фортуна непосѣдка:
 Эту — дальше отъ дверей!

Золотыхъ сулить посылку, —
 Но, друзья, какой въ нихъ толкъ?
 Передъ нами — строй бутылокъ,
 И хозяинъ вѣритъ въ долгъ!

Стукъ-стукъ-стукъ! Моя брюнетка?
 Двери настезь поскорѣй!
 Нѣтъ, Фортуна непосѣдка:
 Эту — дальше отъ дверей!

Дастъ рубиновъ и жемчужинъ,
 Пышныхъ мантий и вѣнковъ:
 Да къ чему? — Намъ лавръ ненуженъ,
 Если мы безъ сюртуковъ.

Стукъ-стукъ-стукъ! Моя брюнетка?
 Двери настезь поскорѣй!
 Нѣтъ, Фортуна непосѣдка:
 Эту — дальше отъ дверей!

Словно мальчиковъ насъ манитъ
 Блескомъ славы суеты:
 Нѣтъ! мы знаемъ — лавръ увянетъ
 Подъ дыханьемъ клеветы.

Стукъ-стукъ-стукъ! Моя брюнетка?
 Двери настезь поскорѣй!
 Нѣтъ, Фортуна непосѣдка:
 Эту — дальше отъ дверей!

Намъ богатство не завидно;
 Безъ веселья — честь не въ прокъ...
 И по парусу ужъ видно,
 Чтó у счастья за челнокъ!

Стукъ-стукъ-стукъ! Моя брюнетка?
 Двери настезь поскорѣй!
 Нѣтъ, Фортуна непосѣдка:
 Эту — дальше отъ дверей!

Пусть предъ ней другіе стануть
 Преклоняться каждый часъ:
 Насъ любовницы обмануть —
 Веселѣ во сто разъ!

Стуць-стуць-стуць! Моя брюнетка?
 Двери настѣжь поскорѣй!
 Нѣтъ, Фортуна непосѣдка:
 Эту — дальше отъ дверей!

13 іюля 1858.

ХІ.

НАРОДЪ ПОМНИТЬ.

Распалась мощная держава;
 Погибъ великій человѣкъ;
 Но подъ соломой хижинъ вѣкъ
 Не смоленетъ кесарева слава.
 Сомвнутся внуки въ тѣсный кругъ
 Передъ прабабкою сѣдою
 И молвятъ: «Сказкой — стариною
 Намъ скоротай дневной досугъ.
 А лучше сказки — былъ любимая...
Онъ, говорятъ, былъ намъ врагомъ!
 Да расскажи о *немъ*, родимая.
 Ты расскажи о *немъ*!»

— Да: былъ, а смотреть небыллицей....
 Разъ, съ цѣлой свитой королей,
 Прошелъ... тому не мало дней —
 Я только стала молодежию...
 Вотъ и взберись я на холмокъ —
 Была глупенька ваша бабка —
 Идетъ *онъ*... Низенькая шляпка
 На *немъ* и сѣрый скрточокъ...

Ну, молъ, бѣда мнѣ неключимая!
 А онъ мнѣ «здравствуй» подарилъ...
 «Онъ говорилъ съ тобой, родимая?
 Взаправду — говорилъ?»

— Да... Ну, потомъ мнѣ, какъ-то вскорѣ,
 Пришлось въ Парижѣ побывать —
 И *самого-то* увидеть
 У Богоматери въ соборѣ,
 И цѣлый дворъ... Со всѣхъ сторонъ
 Гремѣли праздничные клики;
 Все ликовало вкругъ владыки...
 И какъ же улыбался онъ!
 Сынъ родился... богохранимая
 Глава склонялася въ молебѣ...
 «Быль праздникъ и тебѣ, родимая,
 Быль праздникъ и тебѣ!»

— Когда жъ Шампанія упала
 Подъ гнѣтомъ вражескихъ оковъ,
 Одинъ онъ бился, и враговъ
 Одна десница отражала.
 Разъ, вечеркомъ, вотъ какъ теперь,
 Стучъ кто-то въ двери! отворяю —
 Гляжу — гляжу — не понимаю,
 Глазамъ не вѣрю: *Самъ онъ* въ дверь...
 «Ахъ!» говоритъ: «непримиримая
 Борьба!» Да прямо здѣсь и сѣлъ.
 «Какъ? онъ вотъ здѣсь сидѣлъ, родимая?
 Какъ? онъ вотъ здѣсь сидѣлъ?»

— Да... говоритъ: «проголодался».
 Я — тотчасъ хлѣба и вина.
 Покушалъ, выпилъ все до дна;
 Да и порядкомъ надремался
 У очага... А всталъ, поди жъ —
 Что говорить! «Бѣдѣ слезами
 Не пособить... Не за горами,
 А въ сердцѣ Франціи Парижъ...»

Спасу». Съ тѣхъ поръ, неоцѣнимая
 Мнѣ вещь стаканъ... Какъ Богомъ данъ.
 «А цѣль ли тотъ стаканъ, родимая?
 А цѣль ли тотъ стаканъ?»

А вотъ онъ — цѣль еще донынѣ...
 Да гдѣ герой-то? Въ бездну паль...
 Онъ (папа самъ короноваль) —
 Онъ умеръ гдѣ-то тамъ, въ пустынѣ...
 Никто и вѣрить не хотѣлъ:
 Всѣ говорили: «Вотъ нагрянеть,
 И чужеземецъ ужъ помянетъ —
 Съ кѣмъ онъ помѣряться посмѣлъ!»
 Да вѣсть пришла неотразимая —
 Тотъ не заплакалъ, кто не смогъ...
 «Храни тебя самъ Богъ, родимая,
 Храни тебя самъ Богъ!»

24 іюля 1858.

ХІІ.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КАПЛУНАМЪ.

Я хотъ клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хотъ клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливей каплуновъ.

Всякой доблестный каплунъ
 Со страстьми владѣть умѣетъ:
 Тѣломъ здравъ и духомъ юнъ,
 Онъ полнѣетъ и жирѣетъ.

Я хотъ клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хотъ клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливей каплуновъ.

Ревность, вспыхнувши въ крови,
 Капуна не втянетъ въ драку,
 И счастливицу — отъ любви
 Прибѣгать не надо къ браку.

Я хотъ клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красоты, —
 Я хотъ клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливи́й капуновъ.

Впрочемъ многіе изъ нихъ —
 Захотятъ — слывуть мужьями,
 И съ подругой дней своихъ
 Утѣшаются дѣтими.

Я хотъ клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хотъ клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливи́й капуновъ.

Проводя смиренно дни,
 Достохвальны, досточтимы,
 Ни раскаяньемъ они,
 Ни діетой не казимы.

Я хотъ клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хотъ клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливи́й капуновъ.

Ну, а мы-то, господа?
 Въ нашей участи несчастной,
 Что мы терпимъ иногда
 Отъ обманщицы прекрасной!

Я хоть клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хоть клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливей каплуновъ.

Сами жжемъ себя огнемъ,
 Хоть не разъ мы испытали —
 И должны сознаться въ томъ,
 Что не скованы изъ стали.

Я хоть клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хоть клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливей каплуновъ.

Что жъ, изъ ложнаго стыда,
 Выносить напрасно муки?
 Полно трусить, господа,
 Благо кладъ дается въ руки!

Я хоть клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хоть клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливей каплуновъ.

Намъ вѣдь міру не помочь!
 Въ немъ—что часъ, то поколѣнья...
 Прочь же наши—сразу прочь —
 Молодые заблужденья.

Я хоть клятву дать готовъ, —
 Да, молодки,
 Да, красотки, —
 Я хоть клятву дать готовъ:
 Нѣтъ счастливей каплуновъ.

1859.

XIII.

МОЙ КАФТАНЪ.

Мы все старше, мой другъ обветшалою,
 Мой убогой кафтанъ, но тебя
 Десять лѣтъ я рукою усталой
 Самъ и чищу, и холю — любя.
 Какъ Сократъ, ко всему я приученъ,
 И — повѣрь мнѣ — съ упрямой судьбой
 Не борись — философствуй со мной:
 Старый другъ, будь со мной неразлученъ.

Помню — память во мнѣ сохранилась —
 Первый день, какъ тебя я надѣлъ:
 Былъ рожденникъ я, все веселилось,
 Хоръ друзей моихъ гимнъ тебѣ пѣлъ.
 И теперь ты друзьямъ недокученъ,
 И убогимъ — намъ рады они,
 Точно также, какъ въ прежніе дни:
 Старый другъ, будь со мной неразлученъ.

Вотъ заплатка... Счастливые лѣта!
 Помнишь? Я притворился тогда,
 Что уйду... не пускала Лизета —
 И съ тобою случилась бѣда:
 Ты былъ схваченъ, безжалостно скрученъ,
 Былъ разорванъ и все за меня...
 Лиза штопала цѣлыхъ два дня...
 Старый другъ, будь со мной неразлученъ.

По обычаю фатовъ ничтожныхъ
 Надушилъ ли тебя я хоть разъ?
 Выставлялъ ли въ переднихъ вельможныхъ
 Я тебя на позорный повазъ?
 Весь Парижъ, хоть не разъ былъ проученъ,
 Такъ и рвался добыть орденовъ —
 У тебя былъ въ петличкѣ цвѣтокъ...
 Старый другъ, будь со мной неразлученъ.

Не вдавайся въ пустую тревогу:
 Все бывшее сокрылось вдали
 И давно мы блую дорогу
 Подъ дождемъ и подъ солнцемъ прошли.
 Скоро сброшу, усталъ и измученъ,
 Я земныя одежды долой:
 Погоди же — мы вмѣстѣ съ тобой..
 Старый другъ, будь со мной неразлученъ.

22 сентября 1858.

XIV.

МАРКИТАНТКА.

Я полковой маркитанткой была —
 Звали Катэню ребята.
 Много я води съ виномъ поднесла,
 Подчуя брата-солдата.
 Гляню, бывало, — что красный твой день!...
 Трахъ-тарарыхъ-тахъ, динь-динь-дрень:
 Гляню, бывало, — что красный твой день! —
 Вотъ-вамъ, солдаты, Катэнь!

Всякій меня и честилъ, и ласкалъ...
 Сколько ихъ спить подъ землею —
 Грустно!... За-то ужъ и самъ генераль
 Радъ былъ дѣлиться со мною —
 Чѣмъ приходилось въ удачливый день...
 Трахъ-тарарыхъ-трахъ, динь-динь-дрень:
 Чѣмъ приходилось въ удачливый день! —
 Вотъ-вамъ, солдаты, Катэнь!

По-свѣту сколько я съ вами концовъ
 Съ кружкой моею обходила!
 Вспомните — сколько я разъ молодцовъ
 Къ новымъ побѣдамъ водила!
 Что же? вѣдь только полнѣлъ бюллетень...

Трахъ-тарарàхъ-тахъ, динь-динь-дрень:
 Что же? вѣдь только полнѣль бюллетень! —
 Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Я черезъ Альпы, за вами же вслѣдъ,
 Дѣвочкой путь проложила;
 Было мнѣ только четырнадцать лѣтъ —
 Я васъ въ пустынь пошла.
 Съ вами входила я въ Вѣну — былъ день! —
 Трахъ-тарарàхъ-тахъ, динь-динь-дрень:
 Съ вами входила я въ Вѣну — былъ день! —
 Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Бойко у нѣмцевъ торговля, пошла:
 Денегъ попало мнѣ въ лапы...
 Въ Римѣ я только недѣлю была —
 Видѣла причетъ у папы...
 Эхъ, вспоминать-то про прошлое лѣнь...
 Трахъ-тарарàхъ-тахъ, динь-динь-дрень:
 Эхъ, вспоминать-то про прошлое лѣнь! —
 Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Сдѣлала больше, чѣмъ герцогъ иной,
 Я для любимой отчизны.
 Если въ Мадридѣ, потомъ подь Москвой
 Быть не могло дешевизны, —
 Брали вы даромъ, добравшись въ Пантэнь..
 Трахъ-тарарàхъ-тахъ, динь-динь-дрень:
 Брали вы даромъ, добравшись въ Пантэнь! —
 Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Сила сломила васъ, смерть унесла
 Въ челюстяхъ страшнаго зѣва...
 Если бъ тогда я вести васъ могла,
 Какъ Орлеанская дѣва!
 О, англичанинъ-самъ сталъ бы, какъ пень!
 Трахъ-тарарàхъ-тахъ, динь-динь-дрень:
 О, англичанинъ-самъ сталъ бы какъ пень! —
 Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Если я вижу бывалыхъ служахъ,
 Въ рублищѣ, въ нуждѣ — въ пропажѣ,
 Если я вижу — не можетъ бѣднякъ
 Выпить за Францію даже, —
 Кружкой гоню я съ лица его тѣнь...
 Трахъ-тарарáхъ-тахъ, динь-динь-дрень:
 Кружкой гоню я съ лица его тѣнь! —
 Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

Но каждый врагъ нашъ за каждый глотокъ
 Дорого платить мнѣ, бѣдный!...
 Не унывайте!... Алѣетъ востокъ —
 День разсвѣтаетъ побѣдный:
 Буду бить зорю сама я въ тотъ день...
 Трахъ-тарарáхъ-тахъ, динь-динь-дрень:
 Буду бить зорю сама я въ тотъ день! —
 Вотъ вамъ, солдаты, Катэнь!

6 октября 1858.

XV.

СТАРАГО ПЛАТЯ ПРОДАТЬ.

Всѣхъ мы, старьевщики, всѣхъ и всегда
 Знали доподлинно васъ, господа —
 И остаемся при нашей идеѣ:
 Платье для насъ человѣка важнѣе!
 Стоитъ денёчекъ-другой переждать —
 Выгода чистая намъ, безъ потери,
 Только бы крикнуть у вашей же двери:
 «Стараго платья продать!»

Вотъ начитаешься разныхъ газетъ —
 Будто и жалко, что стараго нѣтъ,
 Будто и жалко, что, вмѣстѣ съ годами,
 Надо проститься — хотя бъ съ галунами,

А поразмыслишь — да такъ погадать,
 Что вѣдь не эти, такъ будутъ другіе,
 Тѣмъ же шитьемъ, и опять золотые...
 «Стараго платья продать!»

Дома съ политикой — обѣ онѣ
 Часто стучалися въ лавку ко мнѣ:
 Вспомнишь теперъ и не вѣрится даже —
 Что было ветоши старой въ продажѣ;
 Совѣстно — просто, по чести сказать,
 Сколько копѣекъ богини въ дни оны
 Брали съ меня за бывше хитоны...
 «Стараго платья продать!»

Было разъ время — промчалось оно:
 Сто генеральныхъ сраженій дано,
 Сто разъ герои враговъ побѣдили...
 Въ золотѣ слуги простые ходили...
 Да и героямъ судьбы не сломать!
 Съ прибылью только одни мы остались,
 Съ каждой побѣды одни наживались...
 «Стараго платья продать!»

Будетъ на лѣто съ зимы поворотъ —
 Намъ-то что? Только доходъ и доходъ!
 Что жъ, что другой воротникъ и подкладку?
 Можно!... Возьмемъ и съ бывалаго взятку...
 И почему жъ бы намъ взятки не взять!
 Господи, если бѣ иному лакею
 Чаше мѣнять приходилось ливреку?...
 «Стараго платья продать!»

Есть ратоборцы такого старья,
 Что не сыщу его даже и я...
 Съ этими плохо: отстали вѣсками,
 Да и какими — не вѣдаютъ сами...
 А отыщи имъ — давай щеголять
 Хоть на гуляньѣ кафтаномъ слинялымъ...
 Много всего... Я доволенъ и малымъ:
 «Стараго платья продать!»

Я наживуся — сомнѣнія нѣтъ:
 Созданъ для насъ, для старьевщиковъ свѣтъ;
 Выгодна всякая намъ перемѣна
 И поучительна свѣтская сцена —
 Знаемъ мы — что за кулисами взять...
 Вамъ, господа, хотъ и лѣстятъ зачастую,
 Но... вы слыхали ли пѣсню простую:
 «Стараго платья продать?»

17 октября 1858.

XVI.

РЫЖАЯ ЖАННА.

Спать на груди у ней крошка ребенокъ;
 Жанна другого несетъ за спиной;
 Старшій съ ней рядомъ бѣжить... Башмачонокъ
 Худъ и не грѣветъ ножонки босой...
 Взяли отца ихъ: дозоръ окаянной
 Выслѣдилъ — кончилось дѣло тюрьмой...
 Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
 Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Жизни заря и для Жанны алѣла:
 Сельскій учитель отецъ ея былъ;
 Жанна читала, работала, пѣла;
 Всякой за нравъ ея тихій любилъ,
 Плясывалъ съ ней и подъ тѣнью каштанной
 Жаль у ней бѣлую ручку порой...
 Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
 Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Фѣрмеръ къ ней сватался — дѣло рѣшили,
 Да изъ пустого оно разошлось:
 Рыжиномъ Жанну въ деревнѣ дразнили —
 И испугался онъ рыжихъ водось.

Двое другихъ ее звали желанной—
 Но вѣдь у ней ни гроша за душой...
 Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
 Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Онъ ей сказалъ: «Не найдти мнѣ подружки
 Краше тебя — полюбилъ тебя я —
 Будемъ жить вмѣстѣ: въ убогой лачужкѣ
 Есть у меня дорогихъ три ружья;
 По лѣсу всюду мнѣ путь невозбранной;
 Свадѣбу скрутить капелланъ замковой...»
 Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
 Пойманъ ея браконьеръ удалой!

Жанна рѣшилася — Жанна любила,
 Жаждала матерью быть и женой:
 Три раза Жанна подъ сердцемъ носила
 Сладкое бремя въ пустынѣ лѣсной.
 Бѣдныя дѣти! пригожій, румяный,
 Каждый взошелъ, что цвѣтокъ полевой...
 Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
 Пойманъ ея браконьеръ удалой.

Чудо любовь совершаетъ на свѣтѣ,
 Ею горятъ всѣ прямые сердца!
 Жанна еще улыбается: дѣти
 Черноволосы всѣ трое — въ отца!
 Голосъ жены и подруги избранный
 Узнику въ душу вливаетъ покой...
 Господи, сжался надъ рыжею Жанной:
 Пойманъ ея браконьеръ удалой!

17 октября 1858.

XVII.

МОЙ УГОЛОКЪ.

Отъ свѣтской каторги и давни
 Я убѣжалъ — мечтать въ мой уголокъ:
 Друзья, галѣрной вашей лавки,
 Упрямый каторжникъ, я вытерпѣть не могъ.
 Какъ бедуину, мнѣ дорога
 Свободно пролегла на жизненномъ пескѣ:
 Друзья, оставьте, ради Бога,
 Меня въ моемъ укромномъ уголкѣ!

Какъ бедуинъ, гоню я въ степи
 Едва протекшаго, отжившаго едва,
 И вѣрно взвѣшиваю цѣпи
 На новый честный вѣсъ, на новыя права,
 И, какъ пророкъ, я вижу много
 Мירו-отраднaго уряда вдалькѣ...
 Друзья, оставьте, ради Бога,
 Меня въ моемъ укромномъ уголкѣ!

Волшебной палочкою феи
 Я правду возрастилъ въ укромномъ уголкѣ:
 Въ немъ встали вѣчные трофеи
 На мѣстѣ всѣхъ палатъ, смощенныхъ налегкѣ,
 И на престолъ въ немъ путь-дорога
 Избранному, тому, кто «царь — о бѣднягѣ...»
 Друзья, оставьте, ради Бога,
 Меня въ моемъ укромномъ уголкѣ!

Въ немъ, на крылахъ мечты сердечной,
 Какъ серафимъ, тону въ лучахъ иной зари —
 И вижу: властію предвѣчной,
 Въ быломъ вращаются народы и цари...
 Одинъ изъ горнаго чертога
 Полярною звѣздой мнѣ свѣтитъ вдалькѣ...
 Друзья, оставьте, ради Бога,
 Меня въ моемъ укромномъ уголкѣ!

Въ немъ все отчизнѣ: кровь и слезы,
 И прамо въ небеса летящая мольба...
 Почтите же поэта грѣзы —
 И мимо-мимо нихъ житейская борьба...
 Пусть съ олимпійскаго чертога
 Камены берегутъ меня на чердакѣ...
 Друзья, оставьте, ради Бога,
 Меня въ моемъ укромномъ уголкѣ!

3 октября 1858.

XVIII.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

А! ты опять, негодяй, за свое?
 Чѣмъ бы сидѣть ему съ книжкой,
 Онъ — полюбитесь-ка!.. Что за жите
 Съ этимъ противнымъ мальчишкой!

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
 Ты меня звать старичишкой?
 Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
 Вотъ она плеть, негодяй!

Такъ вѣдь проказить, что просто бѣда!
 Дашь ему *разъ* по затылку —
 И не почешетъ: какъ съ гуся вода!
 Какъ-то я спряталъ бутылку...

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
 Выцѣдилъ всю, какъ въ цѣдилку...
 Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
 Вотъ она плеть, негодяй!

Только жена мол встанетъ—аминь!
 Онъ ужъ сейчасъ за продѣлку:
 Книги, тетради, законъ п латынь—
 Въ сторону, словно бездѣлку...

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
 Смотрить въ замочную щелку...
 Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
 Вотъ она плеть, негодяй!

Съ дочерью разныя шашни завёлъ...
 И вѣдь ни шума, ни крика:
 Я ужъ недавно случайно набрёлъ—
 То-то учитель, смотри-ка!

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
 Вотъ она гдѣ заковыка:
 Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
 Вотъ она плеть, негодяй!

Я и хлестать-то его ужъ усталъ:
 Руки повисли, какъ плети...
 Что онъ такое сейчасъ бормоталъ?
 Кажется: «на коль ты вздѣти?»

Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
 Въ свѣтѣ повывелись дѣти...
 Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ! знай ее, знай!
 Вотъ она плеть, негодяй!

1859.

XIX.

КОШКА.

Отчего это мяучить
 Машка ночи напролѣтъ?
 Голодъ бѣдненькую мучить,
 Или мышка гдѣ скребеть?
 Въ двери просится бѣдняжка,
 А вѣдь выпусти — уйдетъ.
 Мяу-мяу! Что ты, Машка?
 Мяу-мяу! Кличетъ вотъ.

Чѣмъ помочь тебѣ— не знаю...
 Не ласкайся— воли нѣтъ!
 Я недугъ твой понимаю:
 И сама въ пятнадцать лѣтъъ,
 Словно въ тѣсной клѣткѣ пташка,
 Заперта я круглый годъ...
 Мяу-мяу! Что ты, Машка?
 Мяу-мяу! Кличетъ котъ.

Я сама люблю невольно,
 Я сама горю огнемъ!
 Защемить мнѣ сердце больно,
 Какъ подумаю о немъ...
 И теперь, гляди, рубашка
 На груди копромъ встаетъ...
 Мяу-мяу! Что ты, Машка?
 Мяу-мяу! Кличетъ котъ.

Это ты мнѣ, непосѣда,
 Обдала грудь кипяткомъ!
 Разбуди же хоть сосѣда —
 Вотъ подъ этимъ чердакомъ:
 Мой сосѣдъ такой милашка,
 Таеъ мнѣ вѣрнѣе руку жмётъ...
 Мяу-мяу! Что ты, Машка?
 Мяу-мяу! Кличетъ котъ.

Но постой: я шорохъ слышу...
 Сумасшедшій! Это онъ —
 Съ чердака полѣзъ на крышу...
 Машка, вонъ! скорѣе вонъ!
 Брысь въ окошко!... Ахъ, бѣдняжка,
 Ну, какъ онъ да упадетъ?...
 Мяу-мяу! Брысь ты, Машка!
 Мяу-мяу! Вонъ твой котъ.

1859.

XX.

СВОБОДНЫЙ.

Я свободный всѣхъ васъ съ роду;
 Чада праздной суеты!
 Я обрѣлъ себѣ свободу
 Подъ покровомъ нищеты.
 И свободно пѣсня летя,
 Будто звонкая струя...
 Да Лизета-то смѣется,
 Какъ скажу: «свободенъ я!»

Что въ лѣсу, теперь блуждаю
 Я по свѣту дикаремъ,
 Но сатирой замѣняю
 Лукъ и стрѣлы съ сайдакомъ:
 У меня сатира вьется
 Подъ рукою, какъ змѣя...
 Да Лизета-то смѣется,
 Какъ скажу: «свободенъ я!»

Всѣ смѣются надъ льстецами,
 У которыхъ и слова
 Такъ же гнутся предъ мѣшками
 Съ серебромъ, какъ голова.
 Хоть мнѣ льстиво не поется,
 Хоть свободна пѣснь моя,
 Да Лизета-то смѣется,
 Какъ скажу: «свободенъ я!»

Власть — обуза: я жалѣю
 Этихъ избранныхъ людей,
 За особою своею
 Волочащихъ грузъ цѣпей.
 Власть мнѣ въ руки не дается —
 И свободенъ я, друзья!
 Да Лизета-то смѣется,
 Какъ скажу: «свободенъ я!»

Я въ ладу съ судьбой и съ небомъ;
 Дальше мнѣ идти не лѣнь;
 Весель, снть насущнымъ хлѣбомъ,
 И въ грядущій вѣрю день, —
 И свободной остается
 Отъ тревогъ постель моя...
 Да Лизета-то смѣется,
 Какъ скажу: «свободенъ я!»

Но Лизета, для чего же
 Снарядилася ты такъ?
 Подъ вѣнецъ?... помилуй Боже!
 Мнѣ давно противенъ бракъ.
 Нѣтъ! Гимена факель жжется:
 Я боюсь его, друзья!
 Пусть же Лиза вѣкъ смѣется,
 Какъ скажу: «свободенъ я!»

1859.

XXI.

МЕТЛА.

Господи, прости:
 Время подмести!
 Дѣло подоспѣло,
 И захватить смѣло,
 Коль къ рукамъ пришла,
 Каждую пылинку,
 Каждую соринку
 Новая метла.

Помогите мнѣ други и братья!
 Съ вами вмѣстѣ готовъ выметать я
 Соръ и грязь изъ отчизны моей,
 Не жалѣя негодныхъ людей.

Господи, прости:
 Время подмести!
 Дѣло подоспѣло,
 И захватить смѣло,
 Коль къ рукамъ пришла,
 Каждую пылинку,
 Каждую соринку
 Новая метла.

Всѣхъ продажныхъ дѣльцовъ и юристовъ,
 Всѣхъ воровъ, всѣхъ тупыхъ журналистовъ —
 Весь бездарный, бессмысленный строй
 Поскорѣ по шеѣ метлой.

Господи, прости:
 Время подмести!
 Дѣло подоспѣло,
 И захватить смѣло,
 Коль къ рукамъ пришла,
 Каждую пылинку,
 Каждую соринку
 Новая метла.

Поскорѣ бы также — и кстати —
 Подмести и въ судебной палатѣ:
 Хоть тамъ чисты и бѣлы дѣла,
 Только все не мѣшастъ метла.

Господи, прости:
 Время подмести!
 Дѣло подоспѣло,
 И захватить смѣло,
 Коль къ рукамъ пришла,
 Каждую пылинку,
 Каждую соринку
 Новая метла.

А потомъ осмотрѣть бы до точки
 Полицейскіе всѣ уголочки:
 Нечистъ старую, старый застой
 Выместъ начисто новой метлой.

Господи, прости:
 Время подмести!
 Дѣло подоспѣло,
 И захватить смѣло,
 Коль къ рукамъ пришла,
 Каждую пылинку,
 Каждую соринку
 Новая метла.

А потомъ у питомцевъ Лойолы
 Обмести по порядку всѣ школы,
 Всѣ коллегіи братства, а тамъ
 И самихъ ихъ метлой по пятамъ.

Господи, прости:
 Время подмести!
 Дѣло подоспѣло,
 И захватить смѣло,
 Коль къ рукамъ пришла,
 Каждую пылинку,
 Каждую соринку
 Новая метла.

Не щадя ханжества и коварства,
 Вслѣдъ за ними пройти всѣ мытарства,
 Города бы съ метлой осмотрѣть,
 И въ провинціи пѣсню запѣть:

Господи, прости:
 Время подмести!
 Дѣло подоспѣло,
 И захватить смѣло,
 Коль къ рукамъ пришла,
 Каждую пылинку,
 Каждую соринку
 Новая метла.

1859.

XXII.

СОСѢДИ.

—

Я въ рѣчахъ моихъ нерѣдко
 Слишкомъ воленъ, а не слѣдь:
 Дядя келаремъ пять лѣтъ;
 Ждетъ сестру бѣлицы клѣтка...
 Но лукавъ бѣсъ на совѣтъ —
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Вѣдь лукавъ бѣсъ на совѣтъ —
 Что вы скажете, сосѣдь?

Докторъ нашъ замѣтилъ фѣдо,
 Будто вина и любовь
 Только портятъ нашу кровь!
 У него плохая сметка:
 Слушать намъ его не слѣдь —
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Слушать намъ его не слѣдь —
 Что вы скажете, сосѣдь?

Отчего вонъ та, брюнетка,
 Пополнѣла? Нѣтъ причинъ...
 Развѣ только криолинъ
 Слишкомъ пышенъ? Вѣдь нерѣдко
 Въ криолинѣ весь секретъ...
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Въ криолинѣ весь секретъ —
 Что вы скажете, сосѣдь?

Родила одна гризетка —
 Мальчикъ — пышка и пгрувъ:
 Кто толкуетъ, что драгунъ,
 Кто — морякъ... Да гдѣ же мѣтка?
 Можетъ быть: гусаръ-корнетъ...
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Можетъ быть: гусаръ-корнетъ...
 Что вы скажете, сосѣдь?

У кузины вы объѣда
 Не нашли бы въ карнавалъ,
 А сталь ѣздить кардиналь —
 Кухня такъ сытна, что рѣдко...
 Онъ кузень мнѣ, или нѣтъ —
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Онъ кузень мнѣ, или нѣтъ —
 Что вы скажете, сосѣдъ?

Жрица Талии, лоретка,
 Поклялася всѣмъ своимъ
 Угодить десятерымъ,
 Разоривъ ихъ до послѣдка...
 Вотъ такъ дѣвственный обътъ! —
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Вотъ такъ дѣвственный обътъ! —
 Что вы скажете, сосѣдъ?

Сколько стрѣлъ Киприды мѣтко,
 Ядовито насъ разяты!
 Если бъ только этотъ ядъ
 Прививать могла ланцетка,
 Многихъ не было бы бѣдъ...
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Многихъ не было бы бѣдъ...
 Что вы скажете, сосѣдъ?

Нашъ кварталъ — на немъ отмѣтка:
 «Ото всякихъ золь укрытъ» —
 Здѣсь не знаютъ волокитъ,
 Здѣсь супруга — не кокетка,
 И скромнѣй квартала нѣтъ...
 Что вы скажете, сосѣдка?
 Вѣдь скромнѣй квартала нѣтъ —
 Что вы скажете, сосѣдъ?

XXIII.

БЫТЬ ПОСЕМУ.

Я избранъ гласомъ, вопіющимъ
 Въ мірской пустынь — и въ грядущемъ
 Все ясно взору моему...
 Быть посему!

Во вѣкъ отгниѣ у поэтовъ
 Для *сильныхъ міра* нѣтъ привѣтовъ —
 Лесть не пригодна ни къ чему:
 Быть посему!

Нѣтъ больше откупныхъ вампировъ,
 И за конторкой у банкировъ
 Грубить не будутъ ни кому:
 Быть посему!

Не будетъ больше ложной дружбы,
 Начальства ради, или службы,
 Или по прочему чему:
 Быть посему!

Дѣвицы будутъ цвѣсть, какъ розы,
 Но не позволять, какъ мимозы,
 Къ нимъ прикоснуться никому:
 Быть посему!

Забудутъ жоны про наряды;
 А ихъ мужья тому и рады —
 И дома нѣтъ ихъ потому:
 Быть посему!

Страдая умственной проказой,
 Поэтъ пустою, звонкой фразой
 Не досадить ужъ никому:
 Быть посему!

Самодовольнаго задора
 Не будетъ больше у актёра
 И критикъ не сгрубитъ ему:
 Быть посему!

И осмѣется, что мишурно,
 И не простится все, что дурно,
 Хоть меценату самому:
 Быть посему!

И будутъ люди — не безлюдье,
 И воцарится правосудье —
 И вѣки властвовать ему:
 Быть посему!

Все это будетъ въ срокѣ скоромъ:
 Въ году три тысячи... котормъ? —
 Не знаю... только по всему,
 Быть посему!

6 августа 1859.

МЕТАМПСИХОЗА.

Поклонникъ и пѣвецъ метампсихозы,
 Чтобъ наконецъ разумно объяснить
 Всѣ сны мои нелѣпые и грѣзы,
 Вчера я сталъ съ душою говорить.
 Она сказала: «Ты мнѣ долженъ много:
 Чѣмъ безъ меня ты былъ бы, мой бѣднякъ?...
 Но помни: я не то, чтобъ недотрога...»

— Душа моя, повѣрь мнѣ, ради Бога:
 Я думалъ самъ, что это было такъ!

«Такъ слушай же: сначала повилицей
 Вѣнчала я горячее чело;
 Потомъ я пѣла перелетной птицей
 И расправляла вольное крыло.»

Тогда вездѣ была мнѣ путь-дорога —
 Въ лѣса, въ дуга, въ лощины, въ буеракъ;
 А поселянкамъ пѣсенка — тревога...»

— Душа моя, повѣрь мнѣ, ради Бога:
 Я думалъ самъ, что это было такъ!

«Потомъ была Медоромъ я: слѣпого
 И ницаго водила за собой...
 Ну, жожака ужъ не было такого:
 Вездѣ намъ былъ и отдыхъ, и покой,
 Гдѣ только намъ лежала путь-дорога,
 Вездѣ бросали грошъ или пятакъ,
 Затѣмъ-что жизнь людская такъ убога...»

— Душа моя, повѣрь мнѣ, ради Бога:
 Я думалъ самъ, что это было такъ!

«Потомъ была я красною дѣвицей,
 Была въ плѣну, да только что за толкъ,
 Когда моею спокойною темницей
 Вдругъ овладѣлъ почти-что цѣлый полкъ...
 И день, и ночь — вотъ такъ и жди: тревога!
 Придетъ Амуръ и попадешь въ просакъ...
 Попалася? — извѣстна путь-дорога...»

— Душа моя, повѣрь мнѣ, ради Бога:
 Я думалъ самъ, что это было такъ!»

«Ну вотъ — хотѣлъ ты знать свои стремленья,
 Такъ знай же ихъ; но выслушай: должна
 Тебѣ сказать, что я за прегрѣшенья
 Въ твой бранный остовъ Богомъ вложена.» —
 Душа сказала: «для чего такъ много
 Творилъ ты въ жизни стихотворныхъ вракъ?
 Вѣдь, какъ въ аду, казнилась я такъ строго...»

— Душа моя, повѣрь мнѣ, ради Бога:
 Я думалъ самъ, что это точно такъ!

29 марта 1859.

XXV.

ЗВОНАРЬ.

Динь-динь-день! динь-динь-динь — донь!
 Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

Все звонъ похоронный... Давно бы не худо
 Народу послушать порадостяѣй звонъ!
 И кстати: младенецъ отъ старца рождень...
 Во всё приударю: вотъ чудо, такъ чудо!

Динь-динь-день! динь-динь-динь — донь!
 Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

Мамаша — вся кровь съ молокомъ и отвага,
 Родитель — подагрикъ, невзраченъ на взглядъ,
 И знаетъ, что въ свѣтѣ про нихъ говорить...
 Во всё приударю: брюзга онъ и скряга!

Динь-динь-день! динь-динь-динь — донь!
 Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

За-то ужъ отецъ по купели — не плотскій!
 Сосѣдъ мой банкиръ: онъ далеко не мотъ,
 Да кумъ-то онъ щедрый, и денешкамъ водъ...
 Во всё приударю: онъ вѣтиторъ приходскій!

Динь-динь-день! динь-динь-динь — донь!
 Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

Нашъ мэръ, говоритъ опъ, что будто все чахнетъ,
 Но знаю: голубчикъ — себѣ на умѣ,
 И больно ужъ ластился къ милой кумѣ...
 Во всѣ пріударю: тутъ выпивкой пахнетъ!

Динь-динь-день! динь-динь-динь — донь!
 Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

Да какъ бы тамъ ни было, мнѣ говорарій
 Хорошій прійдется за звонъ и обрядъ:
 Ребенка вѣдь крестить заочно прелать...
 Во всѣ пріударю: прелать — не викарій!

Динь-динь-день! динь-динь-динь — донь!
 Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

И самъ губернаторъ, блюститель закона,
 Малюткѣ отца замѣнилъ сей же часъ:
 Онъ въ метрикахъ кумомъ записанъ у насъ...
 Во всѣ пріударю: такая персона!

Динь-динь-день! динь-динь-динь — донь!
 Веселяся и ликуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донь! динь-динь-донь!

Малютка! ты выбралъ счастливый день святцевъ:
 Не вдругъ и отцовъ у тебя сосчитать!
 Ты выростешь, съ братцами будешь играть...
 Во всё приударю — за будущихъ братцевъ!

- Динь-динь-день! динь-динь-динь — донъ!
 Веселяся и ливуя, —
 Не во гнѣвъ мужьямъ, — люблю я
 Заливной крестинный звонъ:
 Динь-динь-донъ! динь-динь-донъ!

1859.

 XXVI.

 НОВЫЙ ДІОГЕНЪ.

Діогенъ, въ твоємъ плащѣ
 Я красуюсь не вотще:
 Я смѣюся, я доволенъ,
 Пью — когда и какъ хочу,
 И, какъ ты, повсюду — воленъ,
 Бочку я твою качу.

Говорять, Діогенъ, ты въ водѣ почерпалъ
 Здравый смыслъ?... Видно, жребій мнѣ выпалъ
 Не такой: я воды отродясь не пивалъ,
 А вина бочки цѣлмя выпилъ.

Діогенъ, въ твоємъ плащѣ
 Я красуюсь не вотще:
 Я смѣюся, я доволенъ,
 Пью — когда и какъ хочу,
 И, какъ ты, повсюду — воленъ,
 Бочку я твою качу.

Гдѣ понравится мнѣ, тутъ я тотчасъ селюсь,
 Да богамъ-то на тропѣ лазурномъ
 Не сидится — и въ бочкѣ я слѣдомъ верчусь
 За Фортуной, Землей и Сатурномъ.

Диогенъ, въ твоемъ плащѣ
 Я красуюсь не вотще:
 Я смѣюся, я доволенъ,
 Пью — когда и какъ хочу,
 И, какъ ты, повсюду — воленъ,
 Бочку я твою качу.

Оттого не бывать ни сторонникомъ мнѣ,
 Ни давать постоянства обѣта;
 Оттого на вопросъ: «ты на чьей сторонѣ?»
 Засмѣюся я вмѣсто отвѣта.

Диогенъ, въ твоемъ плащѣ
 Я красуюсь не вотще:
 Я смѣюся, я доволенъ,
 Пью — когда и какъ хочу,
 И, какъ ты, повсюду — воленъ,
 Бочку я твою качу.

Пусть, на шумномъ конгрессѣ сойдясь, короли
 Спорять, какъ подѣ державой своею
 Мнѣ дѣлится? не спрошу я у сильныхъ земли:
 Занялся ли кто бочкой моею?

Диогенъ, въ твоемъ плащѣ
 Я красуюсь не вотще:
 Я смѣюся, я доволенъ,
 Пью — когда и какъ хочу,
 И, какъ ты, повсюду — воленъ,
 Бочку я твою качу.

Твердо вѣря, что въ наши счастливые дни
 За правдивую смѣлость не гонять,
 Я владыкамъ не льщу; не боюсь, что они
 Мнѣ любезное солнце заслонять.

Диогенъ, въ твоёмъ плащѣ
 Я красуюсь не вотще:
 Я смѣюся, я доволенъ,
 Пью — когда и какъ хочу,
 И, какъ ты, повсюду — воленъ,
 Бочку я твою качу.

Человѣка сыскать бѣлымъ днемъ съ фонаремъ,
 Безъ сомнѣнья, большая забота;
 Но когда мой фонарь заблеститъ вечеромъ —
 Заблеститъ онъ, какъ свѣточъ Эрота.

Диогенъ, въ твоёмъ плащѣ
 Я красуюсь не вотще:
 Я смѣюся, я доволенъ,
 Пью — когда и какъ хочу,
 И, какъ ты, повсюду — воленъ,
 Бочку я твою качу.

Я свободенъ отъ податей, службы и платъ;
 Но гражданскій свой долгъ соблюдаю:
 Если бочекъ, какъ будутъ собирать виноградъ,
 Не достанетъ — свою уступаю!

1859.

XXVII.

СКОМОРОХЪ.

Скоморохомъ я рожденъ,
 Скоморохомъ и почтенъ
 Рѣчью былъ отцовской...
 Только на ноги я сталъ,
 Мнѣ пинка родитель далъ —
 Въ самый разъ, да и сказалъ:
 «Маршъ плясать! Таковской»

Вы народецъ: — радъ не радъ,
 А ужъ видно созданъ, братъ,
 На смѣхъ и на шутку, —
 И пляши, когда велятъ,
 Подъ чужую дудку!»

Мать поплакала тогда,
 Да вѣдь слезы — что жъ — вода...
 Впрочемъ — скрыть не смѣю —
 Постеленкою плечà
 Мнѣ накрыла: — «Епанча
 И худа, да горяча —
 Я погрѣлась ею!...
 Твой чередъ... хоть радъ — не радъ,
 А ужъ видно созданъ, братъ,
 На смѣхъ и на шутку, —
 И пляши, когда велятъ,
 Подъ чужую дудку!»

Что жъ — попляшемъ... Ничего...
 У вельможи одного
 Померла собачка:
 Словно въ пудрѣ вся, бѣла,
 И плясунья же была!...
 Ну, съ вельможнаго стола,
 Вмѣсто ней, подачка
 Мнѣ пошла... Хоть радъ — не радъ,
 А ужъ видно созданъ, братъ,
 На смѣхъ и на шутку, —
 И пляши, когда велятъ,
 Подъ чужую дудку!

Хорошо мнѣ было; но...
 Все на свѣтѣ мудрено!
 Вѣдь какое горе:
 Безо всякихъ безъ причинъ,
 Говорятъ, что господинъ
 У *другого* выкралъ чинъ
 И имѣнье въ спорѣ...

Я — къ *друтому*... Радъ — не радъ,
 А ужь видно созданъ, братъ,
 Нѣ смѣхъ и на шутку, —
 И пляши, когда велятъ,
 Подъ чужую дудку!

Сталь плясать... опять напасть:
 Прежній сѣизнова къ намъ шастъ...

Подъ его балкономъ
 Я опять — плясать, плясать,
 Не успѣлъ устать, анъ — глядь:
 Нѣтъ его — *другой* опять...

Божіямъ закономъ
 Все блюдется.. Радъ — не радъ,
 А ужь видно созданъ, братъ,
 Нѣ смѣхъ и на шутку, —
 И пляши, когда велятъ,
 Подъ чужую дудку!

Мнѣ бы только жить съ людьми...
 Кто меня ни прикорми,
 Я благоговѣю
 Передъ всѣми... Почему?
 Ну... по сердцу... по уму...
 И хотя бы потому,

Что при всѣхъ толстѣю...
 Скоморохъ я: радъ — не радъ,
 А ужь видно созданъ, братъ,
 Нѣ смѣхъ и на шутку, —
 И пляши, когда велятъ,
 Подъ чужую дудку!

1859.

XXVIII.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА.

Чул... Пономарь, нашихъ бѣдныхъ ушей не жалѣя,
 Словно разбить собирается ползлея:
 Колоколъ за душу такъ вотъ и тянетъ, разбойникъ...
 Вѣрно у насъ по сосѣдству богатый покойникъ?
 Нѣтъ, не у насъ однихъ: воля такая Господня,
 Чтобы по всѣмъ по усопшимъ звонили сегодня.
 Пусть ихъ звонятъ!... Смерть нельзя же намъ переупрямить.
 Вѣчная память покойникамъ, вѣчная память!

Да, по усопшимъ сегодня поминъ, и суббота
 Въ память родителей... Пѣть и смѣяться охота:
 «Нѣтъ», говорятъ, «вы не пойте, не смѣйтесь и вѣрьте,
 Что человѣкъ долженъ плакать при мысли о смерти;
 Вы позабудьте о томъ, какъ вчера еще жили,
 Какъ вы смѣялись, или и какъ вы любили.
 Слышите?... смерти нельзя же вамъ переупрямить.
 Вѣчная память покойникамъ, вѣчная память!»

Слышимъ мы колоколъ, только его не боимся:
 Съ Лилою вмѣстѣ мы смѣло надъ адомъ глумимся;
 Ну, а въ раю — сознаемся по правдѣ и чести —
 Лиля и мой собутыльникъ — мы будемъ на мѣстѣ:
 Лысый придверникъ навѣрно для нашей семейки
 Двери въ раѣкъ распахнулъ бы, не взявъ ни копѣйки.
 Пусть ихъ звонятъ!... Смерть нельзя же намъ переупрямить.
 Вѣчная память покойникамъ, вѣчная память!

Слышимъ мы колоколъ, слышимъ его не отнынѣ;
 Чтимъ мы могилы и вѣруемъ имъ, какъ святынѣ;
 Но на покойныхъ родителей чада похожи:
 Наши отцы, какъ и мы, посмѣялись бы тоже,
 И посмѣялись съ своею покойной Лилетой
 Надъ звонаремъ и могилой соборно-отпѣтой.
 Пусть ихъ звонятъ!... Смерть нельзя же намъ переупрямить.
 Вѣчная память покойникамъ, вѣчная память!

Я не хочу, чтобъ по мнѣ, въ панихидѣ надъ гробомъ,
 Плакать пришлось по заказу извѣстнымъ особамъ;
 Я не хочу на кладбищѣ, простившись съ живыми,
 Лечь упокойно, подъ вѣчный припѣвъ: «Со святыми!»
 Нѣтъ, пусть поютъ надъ моей стариковской могилой
 Правнуки новыя пѣсни — и съ новою Лилой.
 Пусть ихъ звонятъ!... Смерть нельзя же намъ переупрямить.
 Вѣчная память покойникамъ, вѣчная память!

30 октября 1859.

XXIX.

ЗИМА.

Наши птички улетѣли:
 Всѣхъ зима ихъ прогнала,
 И вездѣ себѣ постели
 Лебянья постлала.
 У меня алмазомъ пишетъ
 На окнѣ цвѣты морозъ;
 Скрипнетъ дверь—глухой услышитъ;
 Передрогъ мой бѣдный пѣсь...
 Что жъ?... Пускай опять задышетъ
 Мой очагъ огнемъ...

Ей-ей,

Отогрѣться бы скорѣй!

Путникъ! слушайся поэта,
 Торопись подъ мирный кровъ.
 Чу! очагъ трещить—примѣта,
 Что морозъ теперь суровъ.
 Мнѣ-то стужа не угроза:
 У меня защитникъ свой
 Въ теплой шубкѣ... «Здравствуй, Роза,
 Ручку дай мнѣ!... Ой, ой, ой!

Холодна, какъ лёдъ, съ мороза...
На колѣни сядь...»

Ей-ей,

Отогрѣться бы скорѣй!

Вотъ и ночи колесница
Покатилась по снѣгамъ...
Намъ покровъ—любовь-царица;
Бѣглый день—союзникъ намъ.
Но стучится кто-то... знаемъ—
И, любовниковъ вперёдъ
Угадавъ душой, встрѣчаемъ
Безъ вопроса: «кто идетъ?»
Что жъ они и мы теряемъ?
Вчетверомъ теплѣй...

Ей-ей,

Отогрѣться бы скорѣй!

Прекратились ласки: нуженъ
Свѣтъ, а лампа вѣдъ зорка...
Роза намъ готовить ужинъ;
Мы накрыли столъ, пока
Другъ нашъ мелеть, не жалѣя,
Правду съ ложью пополамъ —
Про разбойника-злодѣя
И про страшный призракъ намъ.
Но покажѣсть, пламенѣя,
Въ чашѣ пуншѣ кипятъ —

Ей-ей,

Отогрѣться бы скорѣй!

Пусть же крѣпко спать природа
Подъ твоимъ, зима, ковромъ:
Холодъ твой и непогода
Нашимъ пѣснямъ нипочемъ!
Мы, съ любовью въ заговорѣ,
У камина создадимъ
Цѣлый миръ, гдѣ призракъ горе,
Гдѣ богатъ тотъ, кто любимъ.

Пусть же двери на запорѣ —
 Вплоть до новыхъ розъ...
 Ей-ей,
 Отогрѣться бы скорѣй!

1860.

XXX.

МИМО, КРАСАВИЦЫ, МИМО!

Господи! сколько ихъ мимо прошло!...
 Всѣмъ по веснѣ увѣнчала чело
 Гордая ночи царица Діана...
 Жаль, что пришлось мнѣ состарѣться рано!...
 Чтѣ я красавицамъ молвлю въ отвѣтъ,
 Ежели спросятъ: «А сколько вамъ лѣтъ?»
 Развѣ что: «сердце мое невредимо...»
 Нѣтъ! проходите, красавицы, мимо!

Зоя! я вижу по вашимъ глазамъ,
 Что не сказала мамашенька вамъ —
 Сколько я разъ опоздалъ на свиданье?
 Съ нею поклонникамъ было страданье:
 Ежели любишь — такъ крѣпко люби,
 Иначе — гибни и все погуби!
 Мы и губили, что было губимо...
 Нѣтъ! проходите, красавицы, мимо!

Лора! послушайте, какъ вѣдь мила
 Съ молоду бабушка ваша была,
 Какъ милосердо читала уроки
 Всѣмъ, у кого были алмы щѣки!
 Какъ ихъ читала и мнѣ — я не лгу —
 Въ залѣ, въ гостиной, въ саду, на лугу!...
 Лора! былъ мое сердце тожимо...
 Нѣтъ! проходите, красавицы, мимо!

Роза! и вы улыбаются мнѣ?...
 Боже! въ принадлежъ я, или во снѣ?...
 Слышаль я — будто про васъ говорили,
 Что вы разсѣянны... что позабыли
 Разъ о полуночи вы про разсвѣтъ?
 Замужъ ступайте: вамъ въ церковь и слѣдъ!
 Встрѣтитъ васъ свадебный ликъ досточтимо...
 Нѣтъ! проходите, красавицы, мимо!

Да, проходите скорѣе, и всѣ...
 Искренно вѣрю я вашей красѣ,
 Вѣрю и въ то я, что сердце не камень...
 Вѣрю; но если подь углями — пламень,
 Если вамъ путь и дорога лежить
 Мимо той ямы, гдѣ порохъ зарытъ?...
 Если мы любимъ, что было любимо?...
 Нѣтъ! проходите, красавицы, мимо!

31 октября 1860.

XXXI.

СНОВА-СНОВА!

Счастливъ я: весь залъ въ огнѣ —
 Смѣхъ и пѣсни; пиръ горюю.
 Будто острою косою
 Кто-то рѣжетъ сердце мнѣ,
 Такъ что я бы... Ни полслова!...
 Только что жъ мы не споемъ
 Съ бѣлокурою вдвоемъ,
 Иль съ смуглянкой: «снова-снова!»

Пѣсня—чудо хороша!
 Приведу въ примѣръ Лизету:
 Какъ забуду пѣсню эту,
 Такъ она, моя душа,

Вспомнить тотчасъ же готова,
 Говоритъ мнѣ: «Что жъ не пьешь,
 Что жъ мнѣ пѣсни не споешь?
 Пей и пой мнѣ: снова-снова!»

О, друзья! житейскій пиръ
 Намъ кончатъ велитъ могила;
 А начать вѣдь жизнь судила:
 Кто жъ правѣ?... Этотъ мѣръ
 Тѣмъ хорошъ, что вся основа
 У него — жизнь и любовь.
 Запируемъ же мы вновь
 И споемъ мы: «снова-снова!»

1860.

XXXII.

ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Вотъ новости! Говорятъ мнѣ, будто я изъ чванства
 Къ моей фамилии частицу *де* придалъ —
 И говорятъ друзья! Я самъ не разъ слыхалъ:
 «Не правда ли, вѣдь вы изъ стараго дворянства?»
 — Нѣтъ, нѣтъ и трижды — нѣтъ! Какой я дворянинъ!
 Люблю я родину, свободу,
 Но и по племени, по роду —
 Простолюдинъ, простолюдинъ!

Зачѣмъ съ частицей *де* меня на свѣтъ рождали?
 Въ моей крови звучитъ таинственный глаголь,
 Что пращуръ мой за страшный произволь
 Владыку гордаго подъ пыткой укоряли.
 Но сельскимъ жерновомъ тогда билъ господинъ,
 И подъ собою онъ упорно
 Мололъ въ муку людей, какъ зѣрна...
 Нѣтъ! я — совсѣмъ простолюдинъ!

И пращуръ мой, какъ жадные вампиры,
 Не пили потъ и кровь невольниковъ своихъ,
 И мирнымъ гражданамъ, въ дубровахъ вѣбовыхъ,
 Не наводили страхъ ихъ мирныя сѣкиры.
 Ни одного изъ нихъ не превратилъ Мерлинъ,
     Волшебной силою дурмана,
     Въ постельничьи у Карломана...
 Нѣтъ! я — совсѣмъ престолюдинъ!

И пращуровъ моихъ честная алебарда
 Не обогрлася въ междоусобный бой;
 И, Альбиону въ честь, надъ городской стѣной
 Никто не водружалъ хоругви леопарда,
 И избѣгали всѣхъ духовныхъ паутинъ
     Они, какъ тягостной вериги,
     И не подписывали *ми*...
 Нѣтъ! я — совсѣмъ престолюдинъ.

Оставьте же меня при нашемъ сельскомъ стягѣ...
 Вамъ, господа, и крестъ, и ленты, и звѣзда,
 А мнѣ, убогому, позвольте, господа,
 Во вѣкъ не измѣнять ни долгу, ни присягѣ!
 И пусть останется навѣки властелинъ
     Въ своемъ углу, и пусть съ учащемъ
     Склоняетъ только предъ несчастьемъ
 Свой сельскій стягъ престолюдинъ!

1860.

XXXIII.

МОЕ ПРИЗНАНИЕ.

Убогій и больной,
 На землю брошенъ эту,
 Задавленъ я толпой,
 Затѣмъ, что силы нѣту;
 Но вотъ на стонъ на мой,

Когда пришлось мнѣ жутко,
 Самъ Богъ сказалъ мнѣ: «Пой,
 Пой, бѣдный мой малютка!»

Съ колѣсъ отъ колесницъ
 Клеймѣнь я грязнымъ крапомъ,
 И долженъ падать ницъ
 Предъ каждымъ здѣсь сатрапомъ:
 Для наглости ихъ злой
 Я — только чернь и шутка...
 Но... Богъ сказалъ мнѣ: «Пой,
 Пой, бѣдный мой малютка!»

Изъ-за куска, бреду
 Я вдоль житейской степи,
 И жду, и жду, и жду —
 Кто разорветъ мнѣ цѣпи?...
 Свободѣ я — родной,
 Да все жъ не чуждѣ желудка,
 А Богъ сказалъ мнѣ: «Пой,
 Пой, бѣдный мой малютка!»

Цвѣла и мнѣ весна,
 Любовь и мнѣ блеснула;
 Но съ юностью она
 Далеко упорхнула.
 Страдаю ль предъ красой,
 Наперекоръ разсудка —
 Богъ говоритъ мнѣ: «Пой,
 Пой, бѣдный мой малютка!»

Да! вѣрю — призванъ я
 Самой судьбой для пѣсенъ...
 Когда у насъ, друзья,
 Кружокъ бываетъ тѣсенъ,
 Когда у насъ порой
 Въ винѣ сверкаетъ шутка,
 Богъ говоритъ мнѣ: «Пой,
 Пой, бѣдный мой малютка!»

1860.

XXXIV.

ДУХЪ-ПОКРОВИТЕЛЬ.

Ризою ночи блистая всезвѣдно,
 Духъ-покровитель въ больницу слетѣлъ
 Къ нищему... Тотъ угасалъ ужъ и тлѣлъ,
 А говорить ему весело: «Поздно!
 «Добрый мой духъ-покровитель! Повѣрь:
 «Поздно!... Съ тобой мы въ расчетѣ теперь.

«Я родился на соломѣ... И гдѣ же!..
 «Я Бога сынъ, говорятъ мнѣ... Похожъ!...»
 — Сынъ, говорить ему духъ: — а за что жъ
 Стлалъ тебѣ столько соломы я... свѣжей? —
 «Добрый мой духъ-покровитель! Повѣрь:
 «Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Смолоду пало на долю мнѣ право
 «Нищенства: долго съ рукой я ходилъ...»
 — Да, говорить ему духъ: — а забылъ,
 Кто обрядилъ тебя сумкой дырявой? —
 «Добрый мой духъ-покровитель! Повѣрь:
 Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Шелъ на сраженье я съ лавою храброй,
 «Только что ногу въ пути потерялъ.»
 — Да, говорить ему духъ: — а не зналъ,
 Что вѣдь ногѣ-то грозило подагрой. —
 «Добрый мой духъ-покровитель! Повѣрь:
 «Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Какъ заговѣлся я службой — невзгода:
 «Въ лапы къ судѣ за бездѣлку попалъ.»
 — Я, говорить ему духъ: — хлопоталъ —
 Вспомни: въ острогѣ ты не былъ и года. —
 «Добрый мой духъ-покровитель! Повѣрь:
 «Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Я вертограда блаженства не минуль,
 «Но перерѣльный достался мнѣ плодъ.»
 — Вѣрь, говорить ему духъ: — у воротъ
 Только изъ скромности я тебя кинуль. —
 «Добрый мой духъ-покровитель! Повѣрь:
 «Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Взялъ я въ замужство прямого урода;
 «Думалъ: ну, пусть ее!... лучше тюрьмы...»
 — Да, говорить ему духъ: — но вѣдь мы
 Не допускаемъ для нищихъ развода. —
 «Добрый мой духъ-покровитель! Повѣрь:
 «Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Скоро ли жъ кончится путь безотрадный?
 «Скоро ль разбить мнѣ челнокъ о скалу?»
 — Да, говорить ему духъ: — и муллу
 Я ужъ позвалъ, ну... и саванъ изрядный. —
 «Добрый мой духъ-покровитель! Повѣрь:
 «Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.

«Что же? чертямъ я достанусь въ потѣшку.
 «Или на небѣ увижу тотъ свѣтъ?»
 — Да, говорить ему духъ: — то есть — нѣтъ:
 Ты погадай на орла и на рѣшку. —
 «Добрый мой духъ-покровитель! Повѣрь:
 Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.»

Такъ-то, на смертномъ своемъ изголовѣ,
 Нищій больныхъ веселилъ и смѣшилъ...
 Вдругъ онъ чихнулъ — и всѣмъ рѣзмахомъ крылъ
 Духъ отлетѣлъ, но шепнулъ: — на здоровье! —
 «Добрый мой духъ-покровитель! Повѣрь:
 «Мы съ тобой въ полномъ расчетѣ теперь.»

XXXV.

КОМАРЪ.

Паръ; кипятъ вино струями;
 Пѣсня вольная звучитъ;
 Но какой комаръ надъ нами
 Все летаетъ и жужжитъ?
 Вѣрно это эльфъ-проказникъ
 Вздумалъ намъ встревожить праздникъ?
 Надоѣлъ: давно пора
 И прогнать бы комара.

А! завистникъ нашъ пискливый!
 Я узналъ тебя: ты — самъ,
 Самъ Разсудокъ ворчаливый
 Помѣшать хотѣлъ друзьямъ!
 Чу! жужжитъ: «Довольно дѣри:
 Въ небѣ громъ — и бойтесь бури!»
 Надоѣлъ: давно пора
 И прогнать бы комара.

Но разсудокъ пуще злится:
 «Стыдно! время присмирѣть!
 Полно пить, да веселиться,
 Да любить, да пѣсни пѣть.»
 Тутъ душа огнемъ объята —
 Онъ жужжитъ звучнѣй набата!
 Надоѣлъ: давно пора
 И прогнать бы комара.

Горе бѣдненькой Лизетъ:
 Какъ грозить онъ жаломъ ей!
 Боги! сѣлъ ей на корсетъ...
 Кровь!... Амуры, поскорѣй —
 Всѣ сюда, вся ваша стая:
 Изловите негодяя!
 Надоѣлъ: давно пора
 Изловить намъ комара.

Торжествуемъ!... Лиза, съ боли,
 Пролила на столъ ай:
 Утонуль!... Веселья, воли!
 Скипетръ дерзкаго — Любви
 Въ обѣ руки вложимъ сами,
 Чтобъ не снесъ его крылами...
 Нѣтъ, прошла его пора:
 Мы не слышимъ комара.

1860.

XXXVI.

ЗАВОЕВАТЕЛЬ И СТАРЕЦЪ.

ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Охотясь здѣсь, въ лѣсу, съ пути совсѣмъ я сбился.
 Когда бъ, старинушка, меня ты потрудился
 Отсюду проводить: въ долгу не буду я!

СТАРЕЦЪ.

Изволь, я провожу, слѣзай-ко лишь съ коня,
 И вмѣстѣ побредемъ; здѣсь только и дороги —
 Что пѣшему! Да вотъ, дай руку старнику,
 Чтобъ опираться мнѣ; а то, чуть двину ноги...

ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

А знаешь ли, кто я?

СТАРЕЦЪ.

Нѣтъ; на своемъ вѣку
 Встрѣчаю-то тебя впервой...

ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Ну, если съ виду
 Меня не знаешь ты, такъ слышалъ обо мнѣ...

Старецъ.

Куда мнѣ про тебя и слышать... не въ обиду
Будь сказано: живу съ семьей въ сторонѣ...

Завоеватель.

Но двадцать лѣтъ уже, какъ грозною войною
Прославилъ я себя, тѣмъ покоривъ земель;
Куда я ни явлюсь — весь міръ передо мною
Трепещетъ, бьетъ челомъ...

Старецъ.

И, баринъ, неужель?

А я-то виновать! вотъ сколько ни гадаю —
Ума не приложу, и все еще не знаю,
Не знаю все, прости, кто ты? Хотъ сколько лѣтъ,
По Божьей милости, живу да поживаю
Здѣсь, пахаремъ, въ тиши, гдѣ мнѣ и дѣла нѣтъ,
Что дѣлается тамъ, у васъ, на свѣтѣ...

Завоеватель.

Стало,

Не знаешь и того, что вотъ ужъ съ годъ тому,
Какъ и земля, гдѣ ты родился, моему —
Подвластна скипетру? Царей твоихъ — не стало;
Я ихъ изгналъ и снесъ престолы ихъ...

Старецъ.

Ахти!

Не зналъ я и того, что нами ужъ другіе
Извольтъ управлять!

Завоеватель.

Меня слова твои

Въ недоумѣніе приводятъ... За такія —
Конечно, дерзости — я могъ бы наказать...
Но ради старости — прощаю! лишь сказать
Ты долженъ мнѣ сперва: доволенъ ли судьбою
Своею, дѣдушка? и какъ живешь съ семьей?

СТАРЕЦЬ.

Да вотъ — изъ этихъ-то лѣсовъ я нигуда
 На шагъ не выходилъ, какъ помню, никогда:
 Спокойно, всторонѣ, здѣсь годы доживая;
 Есть у меня жена, старуха, какъ и я,
 Да двое сыновей: вотъ вся моя семья!
 Богатство наше — козъ съ поддюжины; не зная,
 Какъ люди-то живутъ другіе, мы — притомъ,
 Что съ поля дастъ намъ Богъ собрать — тѣмъ и живемъ,
 За все, что ни пошлетъ, благословляя Бога.
 Да лѣсъ ужъ кончился — и вотъ тебѣ дорога.
 Прости, что дальше я не въ силахъ проводить!

ЗАВОЕВАТЕЛЬ.

Счастливый старичокъ, прощай! а, можетъ быть,
 Увидимся еще... въ долгу я предъ тобою!

СТАРЕЦЬ.

Счатливый путь! Зачѣмъ и видѣться со мною!

1860.

XXXVII.

ЦВѢТОЧНИЦА И МОГИЛЬЩИКЪ.

Я — цвѣточница... бѣдна...
 Пусть бѣдна, а всё жъ не надо
 Мнѣ тебя. Прости, но рада,
 Что позвать тебя должна,
 Гробовыхъ гостей носильщикъ,
 Господинъ честной могильщикъ!
 Я сама еще свѣжѣй
 Розъ, жасминовъ и лилей;
 А пока въ нихъ жизньъ и запахъ,
 Не тебѣ держать ихъ въ лапахъ!

Съ той поры влюбился ты,
 Какъ меня, съ моей кошицей,
 Похоронной колесницей
 Зацѣпилъ — и всё цвѣты
 Мнѣ повѣсыпалъ на плиты...
 Нѣтъ, ужъ лучше не люби ты!
 Я сама еще свѣжѣй
 Розъ, жасминовъ и лилей;
 А пока въ нихъ жизнь и запахъ,
 Не тебѣ держать ихъ въ лапахъ!

Я съ людьми люблю болтать
 Не въ послѣднемъ ихъ жилищѣ,
 А съ тобою на кладбищѣ
 Мнѣ прійдется торговать.
 Вѣрь, милѣй могилъ печальныхъ
 Вскходъ подъѣздовъ театральныхъ.
 Я сама еще свѣжѣй
 Розъ, жасминовъ и лилей;
 А пока въ нихъ жизнь и запахъ,
 Не тебѣ держать ихъ въ лапахъ!

Ты гордишься, что копать
 Можешь ямы всѣмъ вельможамъ —
 Не гордися смертнымъ ложемъ:
 Мнѣ случилось воскрешать
 Много знати, чтимой свѣтомъ,
 Хоть на ложѣ, да не этомъ!
 Я сама еще свѣжѣй
 Розъ, жасминовъ и лилей;
 А пока въ нихъ жизнь и запахъ,
 Не тебѣ держать ихъ въ лапахъ!

Разговоровъ больше нѣтъ...
 А меня ты, мимоѣздомъ,
 Подъ какимъ нибудь подъѣздомъ
 Захвати... чрезъ десять лѣтъ...
 До свиданья на погостѣ!
 Чай, ужъ ждутъ тебя тамъ гости...

Я сама еще свѣжѣй
 Розъ, жасминовъ и лилей;
 А пока въ нихъ жизнь и запахъ,
 Не тебѣ держать ихъ въ лапахъ!

1860.

XXXVIII.

ГОЛУБЬ-ВѢСТНИКЪ.

Сверкало аи, и съ Неридой мы пѣли
 Про эллинскихъ, нынѣ забытыхъ, боговъ:
 Съ Элладю сблизить отчизну хотѣли...
 Вдругъ видимъ у ногъ — словно спалъ съ облаковъ —
 Сѣлъ голубь, измученный жаждой, усталый...
 Нашли мы письмо у него подъ крыломъ...
 Пей, вѣрный мой вѣстникъ — налиты бокалы —
 И спи на груди у Нериды потомъ!

Усталъ онъ отъ долгой и долгой дороги —
 Жизнь, силу и волю ему возвратимъ.
 Быть-можетъ, купецъ ему ввѣрилъ итоги!
 Быть-можетъ, посланье къ красавицѣ съ нимъ?
 Быть-можетъ, изгнанникъ, въ чужбинѣ усталый,
 Сманилъ его въ путь неостылымъ гнѣздомъ?
 Пей, вѣрный мой вѣстникъ — налиты бокалы —
 И спи на груди у Нериды потомъ!

Что вижу? письмо изъ Эллады!... По праву
 Родства двухъ народовъ, ломаю печать:
 Во Францію греки про смерть или славу
 Могли только вѣсти воздушныя слать...
 Аины свободны! Всталъ городъ усталый!
 Друзья! вновь запахло лавровымъ вѣнкомъ...
 Пей, вѣрный мой вѣстникъ — налиты бокалы —
 И спи на груди у Нериды потомъ!

Аѳины свободны — здоровье Элады!
 Опять полубоги: привѣтствуемъ ихъ!
 Напрасно старуха-Европа, съ досады,
 Развѣнчивать стала героевъ былыхъ:
 Они побѣдили, хотъ были усталы,
 Но прежняя сила забьетъ въ нихъ ключомъ...
 Пей, вѣрный мой вѣстникъ — налиты бовалы —
 И спи на груди у Нериды потомъ!

Аѳины свободны! — и Пиндаровъ муза
 И скипетръ, и лиру былую возьметъ...
 Аѳины свободны — во имя союза,
 Сплотившаго весь пробужденный народъ.
 Свободу свою принесли, хотъ тайкомъ!
 Ахъ, еслибъ Аѳины — въ Парижъ обветшалый
 Пей, вѣрный мой вѣстникъ — налиты богалы —
 И спи на груди у Нериды потомъ!

Теперь отдохни — и лети, на отраду
 Подружки своей, подъ родимый твоей крови!
 Но если опять полетишь ты въ Эладу —
 Не бойся въ дорогѣ лихихъ коршунѡвъ,
 А къ намъ возвращайся такой же усталый,
 Но только съ такимъ же отраднымъ письмомъ...
 Пей, вѣрный мой вѣстникъ — налиты бовалы —
 И спи на груди у Нериды потомъ!

1861.

XXXIX.

ГОСПОДАМЪ ЦЕНЗОРАМЪ.

(Другу моему Владимиру Рафаиловичу Зотову.)

Вамъ, кому и книги въ руки,
 Вамъ, свѣтильникамъ науки
 И искусства, и всего,
 Посвящаю я посланье,

Посвящаю — въ упованьи,
 Что пропустите его.
 Хорошо оно, иль дурно,
 Я не знаю, — но смѣшно;
 А смѣяться, и цензурно,
 Свыше всѣмъ разрѣшено.

Стало быть — стихотворенья,
 Хоть и были бы сомнѣнья,
 Вамъ нельзя не подписать;
 Стало быть — могу я прямо,
 Неуклонно и упрямо
 Мысль свою отдать въ печать...
 Хорошо оно, иль дурно,
 Я не знаю, — но смѣшно;
 А смѣяться, и цензурно,
 Свыше всѣмъ разрѣшено.

Ну, такъ вотъ... начну съ вопросовъ...
 Отчего иной философъ
 Ненавидитъ такъ печать?
 Отчего печатной бредней
 Радъ въ гостиной, и въ передней
 Правду-матку онъ назвать?
 Хорошо оно, иль дурно,
 Я не знаю, — но смѣшно;
 А смѣяться, и цензурно,
 Свыше всѣмъ разрѣшено.

Отчего пугаетъ хата
 Тѣхъ, кому ума палата
 Отъ небесъ отведена?
 Или гласность-то ихъ братью
 Сплошь клеймитъ своей печатью?...
 Охъ!... устанетъ же она!
 Хорошо оно, иль дурно,
 Я не знаю, — но смѣшно;
 А смѣяться, и цензурно,
 Свыше всѣмъ разрѣшено.

Отчего вашъ судъ упорно,
 Всенародно и позорно
 Заковать намъ мысль грозить?...
 Да для мысли гдѣ жь оковы?
 И не только мысли — слова
 Не сковать вамъ: улетить!
 Хорошо оно, иль дурно,
 Я не знаю, — но смѣшно;
 А смѣяться, и цензурно,
 Свыше всѣмъ разрѣшено.

Улетить и станетъ гласно.
 И напрасно, охъ, напрасно,
 Притворясь, что со свѣчи
 Снять хотѣли, попытались
 Загасить ее: остались
 Въ нашей памяти лучи!
 Хорошо оно, иль дурно,
 Я не знаю — но смѣшно;
 А смѣяться, и цензурно,
 Свыше всѣмъ разрѣшено.

Что еще спросить? Невольно
 Затруднишься... Но довольно!
 Убѣждать васъ — лишній трудъ...
 Но мое посланье встати:
 И безъ васъ и не въ печати,
 Да ужъ всё его прочтутъ.
 Хорошо оно, иль дурно,
 Я не знаю, — но смѣшно;
 А смѣяться, и цензурно,
 Свыше всѣмъ разрѣшено.

21 октября 1859.

XL.

ПОСЪЩЕНИЕ ТАРТАРА.

Вамъ, запуганнымъ рассказомъ
 Старой нянюшки про адъ,
 Вѣсти адскія я разомъ
 Сообщить готовъ и радъ.

Вѣдь послушайте: до времени-поры, *)
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары,
 А затѣмъ, что надо жить —
 Стало: дѣвушекъ любить,
 Ну, п... нить,
 Пришѣвая, что, до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

Я вчера, на обожженной
 И ошпаренной метлѣ,
 Улетѣлъ съ особой оной,
 Вѣдьмой въ нашемъ во-селѣ...

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

Провалилися мы съ нею,
 На босую ногу, въ адъ,
 И сказать ужъ не умѣю —
 Сколько было чертенятъ...

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

Сколько было ихъ?... Не зная,
 Умолчу; но только всѣ
 Въ ножки ей впились, болтая
 О невиданной красѣ.

*) Довольно при слѣдующихъ куплетахъ, кромѣ послѣдняго, повторять два послѣдніе стиха. (Примѣчаніе Беранже.)

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

Въ подземельномъ царствѣ этомъ —
 Что ужъ тамъ ни говори —
 Всѣ бутылочки съ билетомъ,
 Устриць груди, а угри...

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

Маринованы на славу
 Тамъ угри... И нѣтъ — ей-ей! —
 Православнымъ на забаву,
 Ни застѣвка, ни плетей...

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

Ни огня нѣтъ, ни жаровни,
 Нѣтъ и выколотыхъ глазъ:
 Въ адѣ люди всѣ — и ровны,
 И толстѣютъ напоказъ.

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

Весь блеститъ чертогъ Плутона...
 Я взглянулъ — и увидалъ:
 Дремлетъ, возлѣ Иксіона —
 Стелька-стелькою — Танталъ.

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

Вы не бойтесь Плутона:
Всемирный всегда
 Кормитъ смертныхъ у Харона
 Превосходно, господа!

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

Ну, ужъ столъ не-на-смѣхъ курамъ!
 Я когда къ нему попалъ,
Всемрачныйишій съ Эпикуромъ
 И съ Ниной возсѣдалъ.

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

У него указы просты:
 Кто за *красное* стоитъ,
 Говорить онъ: «нынче тосты —
 За *аи*, не за *лафитъ*.»

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

Всѣмъ жеманницамъ, въ сорочкѣ,
 Онъ... ну... какъ бы вамъ сказать?
 Ну, хоть такъ: «А хочешь въ бочкѣ
 Съ Диогеномъ почивать?»

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

«Развѣ вамъ Киприды мало?»
 Говорить на весь айдъ...
 Да и словъ бы не достало
 Передать, что говорить.

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

А потомъ онъ у Ниной
 Съ плечъ снимаетъ со-сто лѣтъ, —
 И владеть весь адъ поклони
 Въ честь того, чего ужъ нѣтъ...

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

Какъ цвѣла и рдѣла розой...
 И кудесница моя!
 Упоилась жаркой грѣзой,
 Упоился съ ней и я...

Вѣдь, послушайте: до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары,
 А затѣмъ, что надо жить —
 Стало: дѣвушекъ любить,
 Ну, и... пить,
 Припѣвая, что, до времени-поры,
 Всѣ провалимся мы въ тартара-рары.

1862.

XLI.

СЧАСТЛИВАЯ ЧЕТА.

Комисарь!
 Комисарь!
 Бьетъ Коленъ свою Колетту!
 Коммисара не зови:
 Ничего такого нѣту...
 Ссора — вѣстница любви!

Комисарь и прочій причетъ
 Въ этомъ дѣлѣ—непричемъ,
 И напрасно дворникъ кличетъ
 И тревожить цѣлый домъ.
 Да: Коленъ и бьетъ Колетту;
 Но въ коморку ихъ, на крикъ,
 Хоть бы было до разсвѣту,
 Самъ Амуръ слетаетъ вмигъ.

Комисарь!

Комисарь!

Бьетъ Коленъ свою Колетту!

Комисара не зови:

Ничего такого нѣту...

Ссора — вѣстница любви!

Нашъ Коленъ — онъ малый-трезвый,

Здоровякъ, поетъ съ утра,

А Колетта — зябликъ рѣзвый,

И румяна, и добра...

Враждовать не въ ихъ природѣ,

Да и не зачѣмъ: они,

Чтобъ не думать о разводѣ,

Повѣнчались одни.

Комисарь!

Комисарь!

Бьетъ Коленъ свою Колетту!

Комисара не зови:

Ничего такого нѣту...

Ссора — вѣстница любви!

Любо жизнь они проводятъ!

Онъ и — подъ руку — она —

Вечеркомъ въ харчевню ходятъ

Выпить на шесть су вина.

Здѣсь подъ тѣнью зеленой,

Безъ свидѣтельскихъ препонъ,

На скамейкѣ поваленной

И контрактъ ихъ заключенъ.

Комисарь!

Комисарь!

Бьетъ Коленъ свою Колетту!

Комисара не зови:

Ничего такого нѣту...

Ссора — вѣстница любви!

Иногда Коленъ шпруетъ
 И съ другими вечеркомъ,
 Да Колетты не надуетъ:
 Мстить и прежде и потомъ.
 И сегодня ужъ, конечно,
 Вышла сплетня,—ну, такъ вотъ
 Межь собой простосердечно
 И чинять они расчетъ.

Комисаръ!

Комисаръ!

Бьетъ Коленъ свою Колетту!
 Комисара не зови:
 Ничего такого нѣту...
 Ссора — вѣстница любви!

Комисаръ и прочій причеть
 Въ этомъ дѣлѣ — непричемъ,
 И напрасно дворникъ кличетъ
 И тревожатъ цѣлый домъ:
 Чай, давно ужъ присмирѣли,
 Позабыли обо всемъ —
 И Колетта на постели
 Спитъ теперь невиннымъ сномъ.

Комисаръ!

Комисаръ!

Бьетъ Коленъ свою Колетту!
 Комисара не зови:
 Ничего такого нѣту...
 Ссора — вѣстница любви!

1861.

XII.

ТРЫНЬ-ТРАВА.

Все — обманъ, все — мечты, все на вынь-тараты
 Въ современномъ мiрѣ:
 Что ни женщина — ложь, что ни вывѣска — тожь,
 И лишь избраннымъ на грошъ
 Вѣрятъ въ долгъ въ трактирѣ...
 Нѣтъ игры, чтобъ насъ судьба
 Не обыгрывала... Ба!
 Что жъ робѣть въ неравномъ спорѣ?
 Заложить во всю сперва:
 По колѣно будетъ море,
 И весь проигрышь и горе —
 Трынъ-трава!

Вѣсти грустныя есть, а послѣдняя вѣсть —
 Просто наказаніе:
 Всѣ вунцы говорятъ, что неслыханный градъ
 Такъ и выбилъ виноградъ
 Въ дорогой Шампанѣ!
 Нѣтъ игры, чтобъ насъ судьба
 Не обыгрывала... Ба!
 Что жъ робѣть въ неравномъ спорѣ?
 Заложить во всю сперва:
 По колѣно будетъ море,
 И весь проигрышь и горе —
 Трынъ-трава!

Позабудьте про долгъ, онъ васъ по-боку — щолкъ,
 Въ силу параграфа
 Иксъ — статьи, игрекъ — томъ, — и въ скорлупку весь домъ!
 Да слеруть еще притомъ
 Кое-что и штрафи...
 Нѣтъ игры, чтобъ насъ судьба
 Не обыгрывала... Ба!
 Что жъ робѣть въ неравномъ спорѣ?
 Заложить во всю сперва:
 По колѣно будетъ море,
 И весь проигрышь и горе —
 Трынъ-трава!

Вѣрно созданъ такъ свѣтъ, что въ немъ вѣрнаго нѣтъ...

Чинно и въ покоѣ,

Сядешь пить вшестеромъ, а глядишь, вечеркомъ —

Ужъ заснули подъ столомъ

Двое или трое...

Нѣтъ игры, чтобъ насъ судьба

Не обыгрывала... Ба!

Что жъ робѣть въ неравномъ спорѣ?

Заложить во всю сперва:

По колѣно будетъ море,

И весь проигрышь и горе —

Трынъ-трава!

И съ одной иногда даже Марсу бѣда

Подъ любовной сѣтью:

Стало быть, несчастливъ былъ я, двухъ полюбивъ,

И не знаю, какъ я живъ,

Полюбивши третью...

Нѣтъ игры, чтобъ насъ судьба

Не обыгрывала... Ба!

Что жъ робѣть въ неравномъ спорѣ?

Заложить во всю сперва:

По колѣно будетъ море,

И весь проигрышь и горе —

Трынъ-трава!

Не судите, вляня, а простите меня...

Я хандрю не мало —

Я боюсь тибуна: отобьетъ отъ вина, —

И не пить ужъ мнѣ до дна,

Какъ я пилъ, бывало...

Нѣтъ игры, чтобъ насъ судьба

Не обыгрывала... Ба!

Что жъ робѣть въ неравномъ спорѣ?

Заложить во всю сперва:

По колѣно будетъ море,

И весь проигрышь и горе —

Трынъ-трава.

ВИКТОРЪ ГЮГО.

I.

Самба? — попалася въ сѣтку;
Хитрая кошка самца унесла;
Бура охранную вѣтеу
Вмѣстѣ съ покойнымъ гнѣздомъ сорвала.
Кто же укроетъ васъ, пташки?
Горе вамъ, горе, бѣдняжки!

Пастырь? — въ отлучкѣ, сердечный;
Пѣсь его вѣрный навѣки замолкъ;
Жадно къ овчарнѣ безпечной
Брадется изъ-лѣсу темнаго волкъ:
Некому гнать супостата...
Горе вамъ, горе, ягнята!

Мать? — на больничной подушкѣ;
Въ узахъ отецъ на понтонѣ гниетъ;
Холодъ и холодъ въ лачужкѣ;
Вѣтеръ баюкаетъ въ люлкѣ сиротъ:
Кто жъ имъ остался на свѣтѣ?
Горе вамъ, бѣдныя дѣти!

1856.

II.

ТУРНИРЪ КОРОЛЯ ІОАННА.

Конюхы! — сукѣ нѣтъ конца: —
 Осѣдлатъ мнѣ жеребца!
 Съ плечъ свалится словно бремя,
 Какъ закинешь ногу въ стремя
 И отъѣдешь отъ крыльца.

Ну, рыжакъ мой, не дремля —
 Скокомъ-лѣтомъ на поля!
 Выбирай дорогу шире —
 И какъ разъ мы на турнирѣ
 Іоанна короля.

Пусть обрюзглый кармелить
 За чернильницей сидить;
 Пусть бѣлица у рѣшотки,
 Перенизывая чѣтки,
 На колѣняхъ голосить.

Слава Богу, мы съ тобой
 Крови рыцарей прямой:
 Долженъ быть намъ бой кровавый
 Благородною забавой
 И любимую игрою!

Въ замкѣ дѣдовскомъ моемъ
 Чуть не сталь я байбакомъ,
 Чуть со скуки не взбѣсился;
 Мечъ мой ржавчиной покрылся,
 Бабимъ сталь веретеномъ!

Этотъ городъ... посмотри жъ:
 Вонъ сѣрѣть тучей крышъ,
 Весь разубранъ, разукрашенъ...
 Сотни шпилей, сотни башенъ...
 Этотъ городъ — самъ Парижъ.

Здѣсь — кадрили: пляши и пой!
 Такъ — разгуль и пиръ-горой!
 Людъ валить волной гремячей,
 А на кровляхъ — цѣлой кучей —
 Голова надъ головой!

Старый Лувръ — и опъ открыть...
 Вѣкъ суровъ и вѣкъ молчить
 Подъ броней своей всегдашней,
 А теперь и въ луврской башнѣ,
 Будто въ ульѣ, рой жужжить.

Чу! герольды тамъ и тамъ:
 Кинуть жеребій для дамъ.
 Кто жъ царицею турнира,
 Солнцемъ рыцарскаго пира
 И наградой удалцамъ?

Чтó тутъ ждаты? двѣ пары шпоръ —
 Подъ балконъ во весь опоръ:
 На красавицъ ясноокихъ,
 Бѣлолицыхъ, розощекныхъ
 Наведемъ умильный взоръ...

Вотъ идетъ Видамъ сѣдой
 За женою молодой:
 Не одной пришлось сосѣдкѣ
 Позавидовать брюнеткѣ
 Съ бѣломраморной рукой!

Весь балконъ, во всѣхъ рядахъ —
 Словно вешній лугъ въ цвѣтахъ:
 Вотъ Алиса, Женевьева,
 Габріэль и — королева,
 Вся въ парчѣ и въ жемчугахъ...

Говоритъ изъ дамъ одна:
 «Королева все грустна?»
 Отвѣчаетъ королева:
 «Да, мнѣ грустно, Женевьева,
 И душа моя смутна.»

Началось... гудить земля...
 Бьет набать... Рубя, коля,
 Сталь громить одинъ другѣго —
 Въ честь Георгія святого
 И во имя короля.

Въ грозной сѣчѣ, какъ цвѣтовъ —
 Смять и скошенъ на песокъ
 Пажь-красавецъ... онъ страдаетъ,
 Онъ аббата призываетъ —
 Поздно: жребій вынулъ рокъ.

Надъ покойнымъ хоръ бѣлицъ
 Крестъ и свѣчи склонить ницъ,
 И по немъ, во мракѣ ночи,
 Будутъ плакать сумракъ—очи
 Съ зорь вечернихъ до денницъ.

Будутъ плакать оттого,
 Что душой съ душой его
 Неразлучна Изабелла...
 Сколько слезъ!... Да намъ нѣтъ дѣла:
 Намъ турниръ важнѣй всего!

Эхъ, товарищъ вѣрный мой!
 Не пора ли намъ домой,
 На гнѣздо, въ нашъ замокъ чтимой?
 Тамъ, подъ кровлею родимой,
 Оба мы найдемъ съ тобой:

Ты — пригоршню овсеца,
 Я — почтеннаго отца,
 Августинскаго монаха:
 Сокрушить меня — неряха —
 Онъ латынью до бонца!

Все надъ книгами сидить,
 Все надъ свитками корпеть
 И десницею своею

День и ночь онъ ахинею
 На пергаментѣ чертить.
 Благородный дворянинъ
 Самъ не пишетъ, помня чинъ:
 Челидь есть на то простая,
 А его рука честная
 Знаетъ только мечъ одинъ.

1857.

III.

Спросили *они*: «какъ, въ летучихъ челнахъ,
 Намъ бѣлою чайкой скользнуть на волнахъ,
 Чтобъ насъ сторожа не догнали?»
 — Гребите! — *они* отвѣчали.

Спросили *они*: «какъ забыть навсегда,
 Что въ мѣрѣ юдольномъ есть бѣдность, бѣда,
 Что есть въ немъ вражда и печали?»
 — Засните! — *они* отвѣчали.

Спросили *они*: «какъ красавицъ привлечь
 Безъ чаръ: чтобъ сами, на страстную рѣчь,
 Онѣ намъ въ объятія пали?»
 — Любите! — *они* отвѣчали.

18 апрѣля 1862.

ДЮПОНЪ.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ.

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
А нынче, только встала,
Захотала, —
И — весела!

Веселье къ намъ въ душу спадаетъ
Нежданно, какъ звѣздочка въ тьмѣ;
Нежданно и кровь заиграетъ —
И шалость одна на умѣ...
Своей красотой любоваться
Тогда мы невольно спѣшимъ,
И хочется громко смѣяться
Предъ зеркаломъ льстивымъ своимъ.

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
А нынче, только встала,
Захотала, —
И — весела!

И всё бы, что бабочкѣ, виться
Надъ каждымъ роснатымъ цвѣткомъ,
И всё бы играть да кружиться
Подъ солнечнымъ яснымъ лучомъ!
Поешь во всё горло щеглѣнкомъ —
И хоть бы замолкла на мигъ —
И въ волосы рѣзвымъ ребѣнкомъ
Готова заплестъ весь цвѣтникъ.

Вчера я всё скучала,
 Грустна была,
 А нынче, только встала,
 Захотала, —
 И — весела!

Разъянной чертишь рукою
 Завѣтное имя, и вдругъ
 Сотрѣшь боязливо ногою, —
 И кончить мѣшаетъ испугъ:
 Ну, ежели кто насмѣется?...
 Чу! кажется, ѣдутъ сюды?
 Чу! по вѣтру шопотъ несется...
 Скорѣй замести всѣ слѣды!

Вчера я всё скучала,
 Грустна была,
 А нынче, только встала,
 Захотала, —
 И — весела!

Скорѣе же платицею бѣлымъ
 Поднимемъ мы вѣтеръ кругомъ,
 И сразу, движеніемъ смѣлымъ,
 Слѣды на песокъ заметемъ!
 Охъ, если бъ была я крылатой,
 Какъ вольная птица пустынь,
 Сейчасъ бы умчалась... куда-то,
 Гдѣ ярче небесная синь...

Вчера я всё скучала,
 Грустна была,
 А нынче, только встала,
 Захотала, —
 И — весела!

Но что-то въ травѣ шевелилось,
 Но что-то почудилось мнѣ —
 И кровью всё сердце облилось,
 И вспыхнули щеки въ огнѣ...

Вотъ глупость-то дѣтская, даже
Въ безумной моей головѣ:
Лягушку зелёную я же
Спугнула въ зелёной травѣ!

Вчера я всё скучала,
Грустна была,
А нынче, только встала,
Захотала, —
И — весела!

20 сентября 1861.

ГУСТАВЪ НАДО.

—

I.

АДЕЛЬ.

—

Адель — о томъ ни слова —
Лоретка заурядъ;
У ней, что день — обнова:
Любовникъ и нарядъ.
Малѣйшія желанья
Ей стоили — лобзанья;
Но страсть у ней огнемъ
Изъ черныхъ глазокъ льется...
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

Ей нужно все: блескъ бала,
Цвѣты и соловей,
Толпа и роскошь зала
И вычурность ливрей.
Отдастся съ равнымъ жаромъ
За золото и даромъ;
Но въ тѣлѣ покупномъ
Младенца сердце бьется...
Адель моя, зачтется
Бѣдняжкѣ все потомъ.

Въ гербовомъ экипажѣ,
На парѣ рысаковъ —
Адель нахальна даже:
Прохожихъ бѣдняговъ

Забрызгать грязью рада,
 Не удостоивъ взгляда;
 За то бѣднякъ къ ней въ домъ
 Не даромъ прилетится...
 Адель моя, зачтется
 Бѣдняжѣ все потомъ.

У ней есть замокъ лѣтомъ,
 Таинственный притонъ;
 Селяне къ ней съ привѣтомъ
 Идутъ со всѣхъ сторонъ, —
 И цѣловать имъ руки
 Даетъ она — со скуки;
 За то при ней кругомъ
 Рѣкой веселье льется...
 Адель моя, зачтется
 Бѣдняжкѣ все потомъ.

Мотаеть, какъ вельможи,
 И часто день для ней
 Обходится дороже,
 Чѣмъ годы для семей;
 Но слышалъ я не рѣдко,
 Что эта же лоретка
 О матери, тайкомъ,
 Заботливо печется...
 Адель моя, зачтется
 Бѣдняжѣ все потомъ.

Дитя есть у Адели —
 Сынъ, жизнь ей души;
 Она отъ колыбели
 Хранить его въ тиши:
 Надѣнетъ онъ когда-то
 Честной мундиръ солдата,
 И матери стыдомъ
 Ему не попрекнется...
 Адель моя, зачтется
 Бѣдняжѣ все потомъ.

1859.

II.

НЕСЧАСТНЫЙ МУЖЬ.

Чѣмъ боговъ я прогнавилъ,
 Что караемъ ими?
 Или совѣсть очернилъ
 Я дѣлами злыми?
 Жизнь моя — мученій кругъ
 И, прикованъ въ кругѣ,
 Я — несчастнѣйшій супругъ
 Ангела-супруги.

Господа! вотъ жребій мой!
 Госпожи! на что же хуже?
 Пожалѣйте вы о мужѣ,
 Обожаемомъ женой!

Будь Клеменція такой,
 Какъ инныя жены,
 Будь мнѣ писаны судьбой
 Общіе законы —
 Я бѣ ссылался на главы
 Брани, слѣзь, упрековъ;
 Но жена моя — увы!
 Нѣтъ у ней пороковъ.

Господа! вотъ жребій мой!
 Госпожи! на что же хуже?
 Пожалѣйте вы о мужѣ,
 Обожаемомъ женой!

Такъ кротка и такъ нѣжна,
 Просто — вотъ до боли!
 Будь, по-крайности, она
 Своенравна что ли:
 Я бы могъ порой забыть
 Брачную постелю,
 Былъ бы въ правѣ покутить
 Хоть разокъ въ недѣлю...

Господа! вотъ жребій мой!
 Госпожи! на что же хуже?
 Пожалѣйте вы о мужѣ,
 Обожаемомъ женой!

Поджидалъ сначала я.
 Что авось устанеть,
 Что заботливость ея
 Посноснѣе станеть;
 Но она въ любви своей
 Ста любовницъ хуже:
 Каждый новый сумракъ въ ней
 Будить пылкость ту же.

Господа! вотъ жребій мой!
 Госпожи! на что же хуже?
 Пожалѣйте вы о мужѣ,
 Обожаемомъ женой!

Часто думалъ я о ней:
 Будь я мужъ урода,
 Посѣщаль бы я друзей—
 Гектора и Клода.
 Еслибъ кто её увлѣкъ—
 Предразсудки мимо —
 Я бъ тогда сквозь пальцы могъ...
 Нѣтъ — несправнима!

Господа! вотъ жребій мой!
 Госпожи! на что же хуже?
 Пожалѣйте вы о мужѣ,
 Обожаемомъ женой!

Добродѣтелю жены
 По рукамъ я связанъ
 И отъ сердца глубины
 Въкъ любить обязанъ.
 Безъ меня она умретъ;
 Но — я вамъ признаюсь —

Лучше былъ бы я уродъ,
 Иль... на все рѣшаюсь!
 Господа! вотъ жребій мой!
 Госпожи на что же хуже?
 Пожалѣйте вы о мужѣ,
 Обожаемомъ женой!

1859.

III.

ГОРОДОКЪ.

Городокъ нашъ очень малъ, а не дается
 Онъ полиціи ни въ сѣти, ни въ капканъ;
 Въ немъ насъ двѣ-три тысячи найдется
 Самыхъ буйныхъ и опасныхъ горожанъ.
 Порицанья... ропоть... дерзкія сомнѣнья...
 Такъ средь бѣла-дня и говорятъ...
 Говорятъ, что будетъ вѣдро въ воскресенье,
 Если въ пятницу шелъ дождикъ или градъ.

Нѣтъ такого министерскаго вопроса,
 Чтобъ у насъ не въ силахъ были разрѣшить;
 О веревкѣ и всѣхъ ужасахъ допроса
 Въ домѣ висѣльника можно говорить.
 Уваженья къ полу и лѣтамъ нѣтъ больше:
 Мнѣ въ глаза ребенокъ говорилъ...
 Говорилъ, что на горячій супъ подольше
 Нужно дуть, чтобъ супъ, какъ слѣдуетъ, простылъ.

Въ томъ вертепѣ, что коварно прикрываютъ
 Титломъ «кругъ искусствъ», такой вѣдь крикъ,
 Что не только оглушаютъ — оглушаютъ
 Королей они, султановъ и владыкъ.
 Тамъ вчера, напившись лимонада,

Шавассонъ, нашъ медикъ, утверждалъ...
 Что тому болѣть полгода было надо,
 Кто весь годъ здоровымъ не бывалъ.

Пожилая дѣва тотчасъ вамъ расскажетъ,
 Какъ пастухъ у ней околдовалъ постель,
 А вдова таинственно докажетъ,
 Что XVII-я Людовикъ живъ досель.
 Вышивая карманьолки для избранныхъ,
 Передъ образомъ присягу дастъ швея...
 Дастъ присягу, что друзей непостоянныхъ
 Въ сто разъ цѣннѣй осѣдлые мужья.

Въ воскресенье всѣ обѣдаютъ семьёю,
 Но какъ только кофе подадутъ на столъ,
 Мать немедленно уводитъ дочь съ собою,
 Потому: кузень въ азартъ уже вошелъ.
 Пѣсни требуетъ нотариусъ кровавой,
 Долгомъ староста считаетъ возразить...
 Возразить, что онъ танцовщицѣ вертлявой
 Посовѣтовалъ бы юбеу удлинить.

Словомъ: здѣсь никто не пропускаетъ шанса
 Вслухъ вамъ высказать всѣ мысли, какъ привыкъ.
 Городокъ лежитъ въ глуши Прованса —
 Мудрено ль, что въ немъ такой содомъ и крикъ!
 Быть рѣзнѣ — недолго жить намъ въ мирѣ,
 И я думаю — что тамъ ни говори...
 Право думаю, что дважды-два: четыре,
 А четыре минусъ единица: три.

1859.

IV.

ДВОЕ.

Въ меня влюбленныхъ — двое:
 Одинъ — мужъ по правамъ;
 Другой присвоилъ самъ
 Права въ моемъ покоѣ.
 Какъ выбрать изъ двоихъ?
 Хоть я предпочитаю...
 — Позвольте, понимаю:
 Не перваго изъ нихъ.

Вы скажете о мужѣ,
 Что старъ онъ и сварливъ —
 Нѣтъ: молодъ и красивъ...
 Другой гораздо хуже —
 Ни статенъ, ни пригожъ...
 А кто милѣй — не знаю...
 — Позвольте, понимаю:
 Не тотъ, кто такъ хорошъ.

Условно все на свѣтѣ:
 Одинъ богатъ, другой
 Родился въ свѣтъ съ сумой;
 Одинъ добрѣй, чѣмъ дѣти
 И щедръ за четверыхъ,
 А я предпочитаю...
 — Позвольте, понимаю:
 Не щедраго изъ нихъ.

Одинъ меня лишь любить,
 Съ меня не сводитъ глазъ;
 Другой, при мнѣ, подчасъ
 Красоткамъ въ уши трубить —
 И вѣтренникъ же онъ!
 А кто милѣй — не знаю...
 — Позвольте, понимаю:
 Не тотъ, кто такъ влюбленъ.

По одному — я долей
 Богата и знатна;
 Когда жъ съ другимъ одна —
 Гриветка я, не болѣй;
 А пьянь — нѣтъ силъ моихъ!
 Но я предпочитаю...
 — Позвольте, понимаю:
 Не лучшаго изъ нихъ.

1859.

V.

ПРИЗНАНИЕ.

Я долженъ дѣлиться съ тобою
 Всѣмъ, что перечувствую вновь —
 И такъ: откровенность собою
 Насъ меньше страшить, чѣмъ любовь?...
 Ты ждешь ея: гдѣ же возможность
 Не быть откровеннымъ потомъ?
 И дремлетъ моя осторожность,
 И я признаюсь во всемъ:

Есть женщина въ здѣшней юдоли,
 И женщина эта — не ты,
 Но страстно при ней, по неволѣ,
 Волнуютъ мнѣ душу мечты.
 Виною — разлука съ тобою:
 Зачѣмъ же меня покидать?
 А прошлое счастье порою
 Отраднo въ мечтахъ вспоминать!

Той женщинѣ мѣсто хранится,
 Что нѣкогда было твое;
 Въ ней вся твоя прелесть таятся,
 И ты говоришь за нее;

Все счастье, что ты отнимаешь,
 Все вновь она мнѣ отдаетъ —
 И женщину эту ты знаешь...
 Да вотъ она, видишь ли? вотъ —

Медлительной, тихой стою
 Чуть движется тамъ, вдалекѣ...
 И только у ней подъ рукою
 Мой ключъ повернется въ замкѣ —
 И въ холодъ, и въ жаръ меня бросить,
 И самъ я не помню себя...
 Она — та дуэнья, что носить
 Записки ко мнѣ — отъ тебя.

1859.

VI.

ВОТЪ — ПОЧЕМУ Я ХОЛОСТОЙ.

Когда придется мнѣ жениться,
 И то угодно небесамъ,
 Хочу я такъ въ жену влюбиться,
 Чтобъ всѣ завидовали намъ.
 Хочу быть добрымъ, кроткимъ — словомъ,
 Храня супружескій покой,
 Хочу быть мужемъ образцовымъ:
 Вотъ — почему я холостой.

Мечтой я цѣлый свѣтъ измѣрилъ
 И въ свѣтѣ ангела искалъ:
 Въ него съ надеждою я вѣрилъ,
 И отъ него любви я ждалъ.
 Мечта лампадою вестальной
 Мнѣ озаряла уголь мой:
 Я ждалъ супруги идеальной...
 Вотъ — почему я холостой.

Изъ магазиновъ этикетки
 И чувства мнѣ не по плечу:
 Я не хочу жены кокетки
 И романистки не хочу;
 Я не хочу, чтобы уроки
 Мнѣ были читаны женой,
 И не хочу жены сороки...
 Вотъ — почему я холостой.

Хочу вполне и безъ отчета
 Быть господиномъ надъ собой.
 Гулять, когда пришла охота,
 Когда прошла — идти домой;
 Открыть или закрыть окошко;
 Продать свой домъ, купить другой;
 Хочу быть деспотомъ немножко...
 Вотъ — почему я холостой.

Хочу, чтобъ женщина умѣла
 Меня красавцемъ находить,
 Любезнымъ, умнымъ, и за дѣло
 Безъ комплимента похвалить;
 Чтобы она и говорила
 И мыслила на мой покрой,
 И чтобъ стихи мои любила...
 Вотъ — почему я холостой.

Хочу, какъ сдѣлаюся дѣдомъ,
 Я, въ назиданіе внучать,
 Стабаномъ чокаться съ сосѣдомъ,
 Забывъ, что мнѣ ужъ шестьдесятъ.
 Хочу, дрожащими перстами
 Настроить цитру, сѣтъ порой
 Въ честь женщинъ съ старыми друзьями...
 Вотъ — почему я холостой.

Будь Митридатомъ я, тогда бы
 Я не боялся ничего;
 Но у меня такъ нервы слабы,

Что я пугаюсь всего:
 Съ похлёбкой опиумъ мнѣ страшень,
 Мышьякъ съ виномъ или водой,
 И тѣма другихъ питей и брашенъ...
 Вотъ — почему я холостой.

Да наконецъ, ужъ мнѣ не ново,
 Какъ у мужей проходить дни:
 Затѣмъ и далъ себѣ я слово —
 Не быть такими, какъ они.
 Быть можетъ, зла и нѣтъ большого —
 Не смертный грѣхъ; но, Боже мой!
 До смерти я боюсь смѣшного...
 Вотъ — почему я холостой.

1859.

VII.

УРСУЛА.

Какъ поденщику мнѣ спалось:
 Былъ ужъ бѣлый день;
 Вдругъ, сквозь сонъ, мнѣ показалось,
 Будто чья-то тѣнь
 Въ запертую дверь впорхнула —
 И замѣкъ не спасъ...
 Грезилъ я о васъ, Урсула —
 Грезилъ я о васъ.

Такъ вы схожи были съ нею,
 Что мечты обманъ
 Въ плоть и кровь облѣкъ идею:
 Тотъ же гибкій станъ;
 Та же молнія блеснула
 Изъ-подъ тѣмныхъ глазъ...
 Грезилъ я о васъ, Урсула —
 Грезилъ я о васъ.

Скромность вѣяла отъ лика,
 И, какъ снѣгъ бѣла,
 Легкой дымкою туника
 Тѣло облекла;
 Но она не обманула
 Дымкой зоркихъ глазъ...
 Грезилъ я о васъ, Урсула —
 Грезилъ я о васъ.

Вотъ склонилася кудрями
 На постель мою:
 Я принялъ въ уста мѣ устами
 И блаженство пью.
 Незамѣтно бѣ промелькнула
 Вѣчность мимо насъ...
 Грезилъ я о васъ, Урсула —
 Грезилъ я о васъ.

Да румяный лучъ денницы,
 Въ самый сладкій мигъ,
 Яркой искрой сквозь рѣсницы
 Въ очи мнѣ проникъ.
 Но, хотъ быстро упорхнула
 Ваша тѣнь изъ глазъ,
 Грезилъ я о васъ, Урсула —
 Грезилъ я о васъ.

1859.

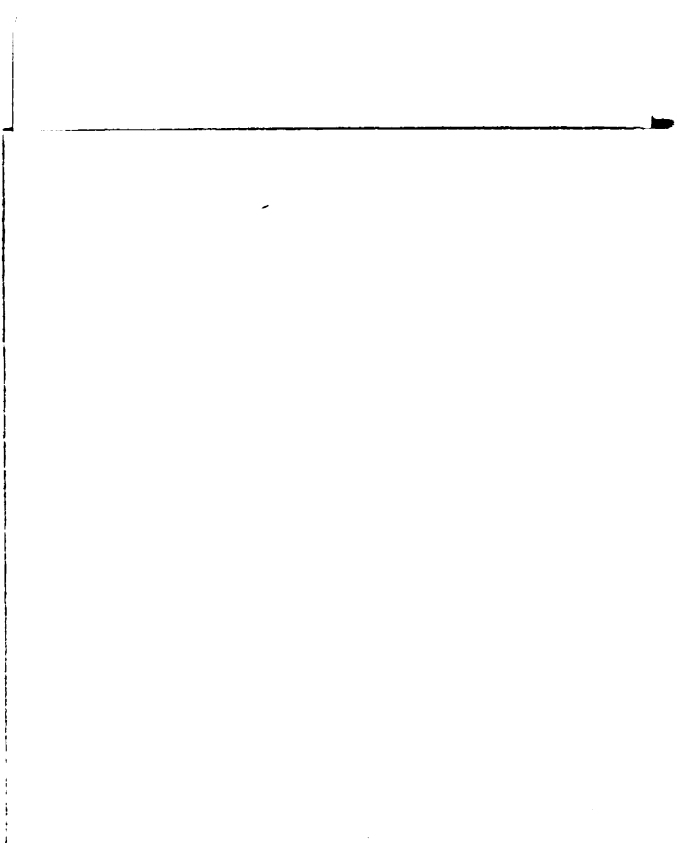

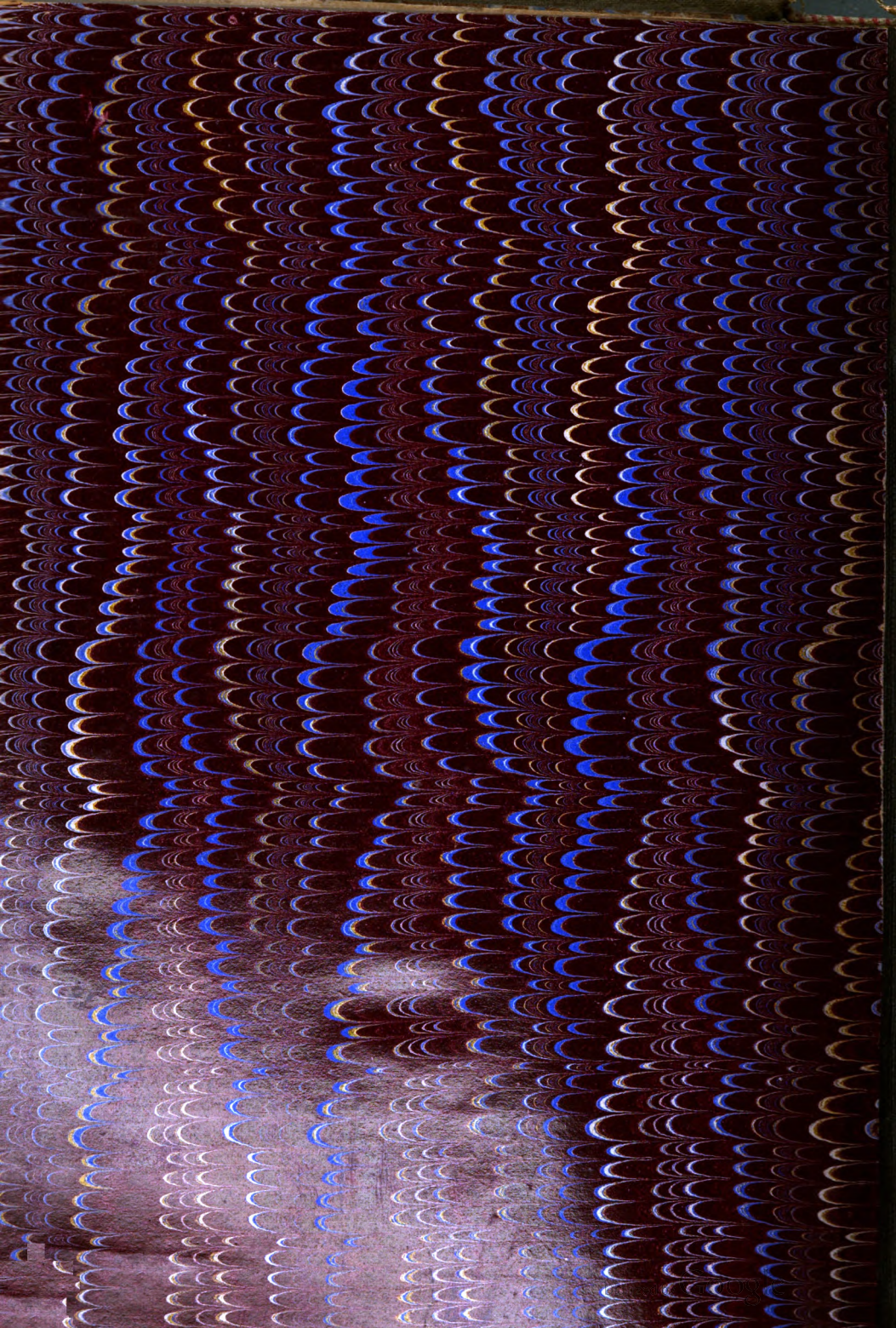
PG 3337

M4

1887

v. 2

3 2000 007 011 226

